Анхелес Гонсалес-Синде Примерный сын

Эта повесть стала финалистом премии “Планета” 2013 года

Аннотация:

В свои 37 лет Висенте продолжает жить и работать вместе со своей матерью. Он хочет, чтобы все изменилось, но не знает, как это сделать. Кто научит тебя тому, что ты не умеешь? Где научиться жить лучше? Несмотря на то, что все его ценят, у него есть своя очень уязвимая ахиллесова пята – это его сомнения и желание всем угодить, из-за чего он запутывается в своих излишне эмоциональных и неясных отношениях. В результате несчастного случая, произошедшего у него дома, его мать какое-то время не может ходить. Этот момент Висенте использует для того, чтобы круто перевернуть свою жизнь самым что ни на есть глупым способом – влюбившись в Корину, сиделку, чья личность является не настолько ясной и понятной, как кажется. Эта повесть, рассказывающая о человеческой растерянности в жизни, написана с истинным чувством юмора, и Анхелес Гонсалес-Синде предстает перед нами отличной рассказчицей, каковой и является на самом деле.

1. Падение

- Ты мне все кости переломашь, – заявила она.

- И что мне делать? – спросил я ее.

- Пока не знаю, – ответила она, – оставь меня ненадолго, посмотрим, что со мной.

Она так и осталась лежать там, на полу.

- Я подниму тебя?

Она даже не удостоила меня ответом. Ох уж эта досадная, раздражающая привычка моей матери – не отвечать. Порой я задаюсь вопросом, уж не возомнила ли она, что я телепат, а потому ей нет совершенно никакой необходимости сотрясать воздух словами впустую?

- Так что мне делать, мама? – Вопрос повис в воздухе. Поскольку мать по-прежнему не произнесла ни слова, я решил ответить себе сам. – Я позвоню в скорую.

- Нет! – решительно приказала она. – Я не хочу устраивать спектакль, чтобы вся улица глазела на меня.

Мама залезла на стул, чтобы дотянуться до каких-то папок-скоросшивателей, стоящих на самой верхней полке, и каким-то образом потеряла равновесие. Когда я попытался поднять ее, она вскрикнула. Мама кричит необычайно редко, потому что не хочет никого тревожить. Она не выносит причинять беспокойство другим людям, находя это самым дурным тоном. Хуже того, она считает, что потревожив кого-то, она будет в долгу перед ним, а если и есть что-то на свете, что мама не выносит, так это быть обязанной кому-то. Иными словами говоря, если моя мама издала этот нечеловеческий вопль, на это должна была быть очень веская причина, ведь она скорее умрет, чем станет жаловаться. Так что лучше всего было оставить ее в покое, что я быстро и сделал, будто обжегшись.

- Значит так, я не должен звонить в скорую, и не могу помочь тебе подняться, так может быть, ты скажешь, наконец, что нам делать? – спросил я снова.

- Выключи радио, Висенте.

Давайте разберемся, что мы имеем. Мы с мамой работаем вместе, у нас с ней, если можно так выразиться, семейный торговый бизнес. Точнее говоря, маленький магазинчик канцтоваров. Мама ведет бухгалтерию и занимается налоговыми вопросами, я работаю с клиентами, стоя у прилавка, и общаюсь с поставщиками. Поначалу я не собирался становиться продавцом, и уж тем более директором. А ведь изначально наша торговая точка была маленькой типографией с небольшим набором офисных принадлежностей. Я поступил на филологический факультет, на кафедру английского языка, поскольку всегда проявлял интерес к этому языку. У меня была мысль подыскать себе какой-нибудь институт в Англии и получить там докторскую степень, попутно в нем же и преподавая. Видите ли, я собирался отправиться в путешествие, но не абы куда. Мне хотелось побывать в конкретных местах: в Ливерпуле, Манчестере, Бирмингеме, Шеффилде, Лидсе, Эдинбурге, не говоря уж об Абингдоне, городке группы “Радиоход”, которую я в то время, в начале девяностых, часто слушал, потому что нужно видеть, как может помочь музыка людям, пребывающим в замешательстве. Я хотел познакомиться с Великобританией, прогуляться по городкам, откуда брали свое начало английские музыкальные группы, которыми я восхищался. Мне хотелось побывать там и выяснить, что же такого было в этих городках, что подвигало создавать подобные шедевры, хотелось пропитаться этим неведомым и стать немножечко похожим на музыку,

которая мне так нравилась, таким же горячим и глубоким. Я чувствовал, что эта музыка присуща мне, но ей не удалось стать полностью моей, моей во всем. К несчастью, неожиданно умер мой отец, и мне пришлось взяться за торговлю и оставить учебу. Постепенно, не осознавая того, я забросил и музыку.

Порой, бывает очень трудно различить начало важных процессов. Человек плохо понимает, как начинались те или иные вещи, в каком пустяшном разговоре зародилась идея, в какой позабытой прогулке было принято смехотворное, ничего не значащее решение, которое со временем привело к перемене. Но, я отлично знаю, что оплошность моей матери в это утро была началом всего, потому что она не думала ни о чем, влезая на табуретку, чтобы добраться до верхних полок. Она не думала ни о своем возрасте, ни об артрите, ни о том, что я здесь и мог бы помочь ей, словом, ни о чем. Ее удар о пол оказался решающим для того, чтобы мой всегда упорядоченный, безмятежный, размеренный и столь предсказуемый жизненный курс, состоящий из череды поступков, вдруг изменился. Одна перемена, которая иным может показаться незначительной, для меня тогда была немислимой.

Ну да ладно, тем утром, до того, как мама свалилась с табуретки и сильно ударилась, я варил себе кофе. Я объясняю все подробно, потому что считаю эти мелочи важными. Если я и научился чему-то, так это только тому, что лишь изучая глубины нашего собственного поведения, мы сможем найти истину и таким путем освободить себя от повторения одних и тех же ошибок в бесконечной и тоскливо тянущейся ленте этих самых ошибок. По крайней мере, я думаю, что в паззле, который я пытаюсь разобрать, важны каждый фрагмент и каждая мелочь, потому что наши пробегающие, короткие жизни строятся не на базе неких экстраординарных и легко изолируемых друг от друга действий, а, наоборот, на соединении мелочей, которые сами по себе незаметны, и ощутимы только вкуче друг с другом. В магазинчике у нас есть плита и раковина, потому что типография включала в себя подсобку, являвшуюся, временами, нашим жилищем, непритязательным, но жилищем. И, хотя мы все переделали, и теперь, по словам моей мамы, там “яблоку негде упасть”, мы все равно оставили маленький уголок со столиком и двумя стульями, которые служат нам то кухонькой, то офисом, если нам хочется попожонить. В этом уголке я каждое утро методично варил себе кофе в большой кофеварке, а потом пил его на протяжении целого дня. Матушка пьет растворимый кофе без кофеина, залив его горячей водой. Это пойло я нахожу отвратительным, и ни под каким видом не пью “Нескафе”. В довершение могу сказать, что я чертовски придирчив в отношении кофе, и меня крайне редко устраивают даже пропорции и температура этого напитка, приготовленного в барах, поэтому я предпочитаю варить его сам. Я как раз закручивал кофеварку, когда по радио начался рекламный блок, и я услышал: “Тебе, отдыхающий, с душой улитки...” [*прим: “Тебе, отдыхающий, с душой улитки...” – начальная фраза из рекламного ролика, призывающая в выходной посетить магазин ИКЕА*] Не знаю, что взорвала во мне эта фраза, но я оставил кофеварку и немедленно, не раздумывая, сменил волну на “радио-классика”, мое душевное и умственное прибежище. На самом деле это безобидное рекламное объявление я слышал много раз, и, должен признать, оно даже казалось мне весьма забавным, но на этот раз слова “душа улитки” поразили меня так, будто были адресованы мне и никому другому, только мне. Я почувствовал, что теряю равновесие, и вынужден был опереться на раковину. Мне словно залепили оплеуху, и теперь я отчетливо и ясно понимал, будто пробудился ото сна, приснившегося мне прошлой ночью. И пока я осознавал, что же мне приснилось, я услышал грохот. Я обнаружил маму, лежащей на полу точь-в-точь, как предвещал мой сон.

- Мама, я звоню в скорую. Это просто смешно.

И я позвонил в скорую помощь, не обращая никакого внимания на протесты моей матери.

2. Сон

Как бы то ни было, а в ночь перед падением мамы мне приснился необычный длинный и очень беспокойный сон. Как я упоминал, мой отец умер, причем умер уже очень давно. Мне до сих пор трудно произносить эти слова. Они такие весомые, величественные, монументальные и непомерно тяжелые, в то время как сама его смерть нечто неприметное, едва уловимое, как тень, которая полностью накрывает тебя, а ты не можешь ни потрогать, ни схватить ее. Отец редко снился мне. За двадцать лет всего три или четыре раза, включая эту последнюю ночь. Несомненно, эта ночь была самой значительной, самой важной, таким маленьким зачатком, который вкуче с падением мамы многое изменит.

Я вошел в дом и наткнулся на батальон китайцев, сверлящих дырки в полу. Думаю, хоть и не уверен, они пришли из телефонной компании, чтобы проложить оптоволоконную сеть, которой у меня нет и в помине, но хотелось бы иметь. Собственно, в том и дело, что тут находились эти восточные рабочие, абсолютно безразличные к моей персоне. Они ни с того ни с сего делали отверстия в паркете, ища проводку или что-то там еще, почему мне знать. Они так сосредоточенно

трудиться, что даже не подняли головы, когда я вошел. Я, понятное дело, ничего им не сказал. Во-первых, потому что они пришли из телефонной компании, а всем уже известно, чем все оборачивается, когда к тебе приходят домой что-то ремонтировать или устанавливать. Во-вторых, я не хочу, чтобы мои слова плохо расценивались и меня сочли расистом, потому что китайцы ни бельмеса не понимали по-испански, и у меня не было естественного человеческого способа пообщаться с ними. Эти китайцы из сна были как и все остальные китайцы – очень трудолюбивые, крайне напористые и энергичные, неопишимо загадочные и непостижимые. Я был весьма обеспокоен, но линию из оптического волокна выхлопотал я сам, поэтому и выражать свое недовольство я не мог.

Вдруг откуда-то появилась Нурия, моя сестра, с несколькими старыми коврами и стала расстилать их на полу. Мало того, что ковры были допотопными и страшными, они были к тому же и не ее, а принадлежали (разумеется, во сне) одному из ее бывших мужей (у нее их много, впрочем, об этом я расскажу потом). Итак, ковры были обтрепанными, пришедшими в негодность лоскутами жизни другого. Я принялся спорить с сестрой, потому что отказывался иметь в своем доме эти грязные, замусоленные дорожки из вторых или третьих рук. Сестра отражала мои нападки, не переставая разворачивать эти замызганные выцветшие половики. И вот я стою на этих жалких лоскутах, когда раздается звонок в дверь. “Кто бы это мог быть? – бормочу я сам себе. – Может, Хосе Карлос, мой сосед?” Частенько и в самом деле бывает так, что, спустившись выбросить мусор, Хосе Карлос видит свет в моем доме и звонит в дверь, чтобы немножко поболтать. Мы с ним добрые соседи и друзья с пеленок, хотя теперь мы видимся редко, потому что он довольно часто ездит в командировки, такая уж у него работа. Так вот, иду это я во сне и открываю дверь. И кого же я вижу на лестничной клетке? Нет, не Хосе Карлоса, а по-зимнему одетого смуглолицего темноволосого мужчину лет за пятьдесят. На нем – теплое пальто, шарф, ну и все такое. Во сне на дворе – лето, и его одежда, само собой разумеется, крайне неуместна, но мне все кажется нормальным. Ну ты же понимаешь, какие они, эти сны. Этот человек, мой отец, спокойно ждет меня у порога, потому что знает, будь то китайцы – не китайцы, ковры или дыры, а я все равно открою дверь тому, кто пришел. Я здороваюсь с ним, как обычно, как делал это в жизни, придя домой, разве что чуточку продолжительнее. Я не обнимаю его, не сжимаю крепко в своих руках; то ли я боюсь сделать ему больно, то ли где-то в потаенном уголке моего разума еще хранится логика снов, и я краешком сознания понимаю, что если крепко обниму отца, он исчезнет, развеется. В общем, отец проходит внутрь, и я говорю ему что-то, что сейчас никак не могу вспомнить, вероятно, нечто ужасно остроумное, типа “привет”. Не думаю, чтобы мне в голову пришло что-то лучшее.

- Ты ждал меня? – спрашивает он, и я узнаю его очень приятный голос, который не мог услышать снова, но в эту минуту я его прекрасно слышу.

Услышав этот голос, я вдруг понимаю, что да, я ждал его, жил в ожидании с тех пор, как он ушел, словно он и не умер вовсе, а всего-навсего отправился в путешествие. Однако несмотря на то, что я так желал этой встречи, я продолжаю стоять, застыв на месте, как истукан.

- Я могу пройти? – допытывается отец, видя мое оцепенение.

- Да-да, конечно, прости, – поспешно говорю я и, словно не желая, чтобы он видел этот хаос, царящий в гостиной, с китайцами, проклятым оптическим волокном и сестрой, пришедшей постелить на дырки эти чертовы шерстяные, изъеденные молью половики, я веду отца в свою комнату. По коридору он идет непринужденно, в конце концов, это ведь его дом. В моей комнате он подходит к стеллажу и окидывает взглядом корешки компакт-дисков.

- У тебя много дисков.

- Ну... у меня их еще больше на жестком диске компьютера, – глупо замечаю я. Внезапно я кое-что вспоминаю и направляюсь к этажерке, где храню виниловые пластинки. – Посмотри, ты помнишь? “La puerta verde” (“Зеленая дверь”), твоя пластинка Los Llopis [*прим: Los Llopis – кубинский музыкальный семейный квартет, популярный в 1960-е годы*].

- Ну и ну. А для чего ты хранишь это старье?

- Вот тебе на, – отвечаю я, немного удивленный. – Порой мне забавно послушать пластинки, это мое лакомое блюдо. – Все это я говорю, гордо демонстрируя свой микшерный пулт.

Отец меняет тему разговора:

- Этот компьютер гораздо лучше того, что я тебе подарил.

- Понимаешь, с тех пор технология сильно продвинулась вперед, но для своего времени тот компьютер был очень хороший, он и сейчас еще работает. – Внезапно мне кажется, что я встал на шаткую и топкую болотистую почву, и я оправдываюсь, пытаюсь разрулить ситуацию. – Видишь ли, теперь есть одна вещь под названием интернет, и тот компьютер... в общем, он не был готов к таким нагрузкам, он не потянул бы.

Отец ничего не отвечает, словно я вскользь намекнул на течение времени, на прогресс, который он, всегда так увлекавшийся последними технологиями, упустил из виду из-за собственной смерти.

- С интернетом нет нужды копить диски в доме, у тебя в один миг есть доступ к любой вещи, но я

храню все твои пластинки. Вот, посмотри, они все.

И снова неловкое молчание, вот черт! Я снова указываю на пластинку Los Llopis. Ради всего святого, какого черта на пластинку с “Зеленой дверью”.

- Да-да-да, я вижу, – отвечает отец, а я иду и спотыкаюсь о стул. Вместо того, чтобы рассмеяться, он задает мне вопрос: – Я могу присесть?

“Почему ты не можешь сесть? Это твой дом, все это мы сохранили для тебя, ожидая, что ты вернешься”, – думаю я, не в состоянии произнести ни звука, как обычно происходит во сне. Точнее, во сне и наяву. Я пытаюсь исправить неисправимое:

- Конечно-конечно, извини. Куда ты хочешь сесть? Не хочешь снять пальто? Желаете что-нибудь выпить? Я уже пил джин-тоник. Хочешь бокальчик?

Я говорю о джин-тонике и глазом не моргнув, будто когда-нибудь пил его дома по ночам в одиночестве. Если и пил, то разве что пиво. Это отец пил джин-тоник, когда я был ребенком.

- Нет-нет, спасибо, я не могу ничего пить, – отвечает он.

Я не понимаю, к чему относится то, что он не может ничего пить. К его старым недомоганиям? А может, просто к его нынешней бестелесной сущности или чем там оно было? Но на этот счет я помалкиваю и спрашиваю:

- А кока-колу? Хочешь колу? Или пепси, мама по-прежнему предпочитает пепси. А может, аквариус? [прим: *Aquarius* – слабогазированный прохладительный напиток со вкусом лимона и апельсина, официальный напиток барселонской олимпиады 1992г, товар компании Coca-Cola] Это то, что надо. Ты знаешь аквариус?

Я не так представлял эту встречу. Сотни раз я хотел встретиться с отцом, но иначе. Конечно же, не как простофиля-официант, тупо рекламирующий прохладительное. Я уже выхожу из комнаты на поиски всем известного аквариуса, но слышу его тихий, спокойный голос, словно укоряющий меня в излишне энергичном, ребяческом гостеприимстве:

- Сядь сюда, успокойся. Давай поговорим. Ты не хочешь поговорить со мной?

Отец сел на единственный в комнате стул, и я собираюсь сесть на кровать прямо напротив него, но вдруг осознаю, что не могу пошевелиться. На мне доспехи средневекового рыцаря, а точнее Железного Дровосека, и они мешают мне двигаться. Отец смотрит на меня и ничего не говорит, а я замечаю его бледность и усталый вид, как в последние годы жизни.

- Как ты? Чем занимаешься? – спрашивает он. Я пытаюсь снять с себя латунные доспехи, но не тут-то было. Делать нечего, и я решаю с этим смириться.

- Да нормально, работаю в магазинчике канцтоваров. Знаешь, типографию нам пришлось закрыть. Со всей этой всеобщей информатизацией приходилось вкладывать немало денег, и мама подумала, что...

- Все это я знаю. Я имею в виду твои планы. Над чем ты работаешь, куда идешь...

- Ах, это. Иногда я подумываю, не стоит ли нам нанять продавщицу и купить сканер и принтер. Даже не знаю. Думаю, так мы получали бы гораздо больше, не только из-за возможности копирования документов, но и потому, что так больше народу заходило бы в наш магазинчик, поскольку за плату они могли бы пользоваться оргтехникой, но... – Внезапно у меня пропадает желание продолжать разговор. Мои слова кажутся мне незначительными, а рассказ неинтересным. – Там видно будет.

- А твоя невеста?

Вопрос отца сбивает меня с толку.

- Невеста? – недоуменно переспрашиваю я.

- Да, та девушка, которая училась с тобой. Ну та, что так часто звонила.

- Ах, Лурдес. Ты ее помнишь?

Отец меня просто поражает. Какие вещи он мне выдает, что выуживает из глубин моей памяти. Вскоре после его смерти семья Лурдес перебралась в Валенсию, и наша связь оборвалась. Больше я ее не видел и редко думал о ней.

- Вот-вот, она самая, Лурдес. Я так и вижу ее, когда она взяла тебя за руку в день похорон.

- Это было накануне. Думаю, ты еще был...

Осекшись, я делаю неопределенный жест, проведя руками параллельно полу. Мне стыдно говорить о таких вещах. Не о том, как мы с Лурдес держались за руки, а о смерти. Это все равно, что после ссоры ты снова встречаешься с девушкой, и хотя вы оба думаете о той размолвке, ты сознательно избегаешь темы, из-за которой вы поругались, потому что боишься нового конфликта и разлада. Отец сам договаривает за меня:

- На носилках? В больнице или морге? Словом, ты имеешь в виду, что меня еще не положили в гроб?

Я делаю глоток джин-тоника, который магическим образом оказывается в моей руке, а отец, слегка наклонившись, хлопает меня по колену.

- Расслабься, парень, ведь прошло уже двадцать лет. В конце концов, человек привыкает говорить о таких вещах просто и непринужденно.

Человек привыкает? Кто? Главный герой события? Где? Где живут эти столь “непринужденные” главные герои, пока мы, второстепенные, остаемся здесь, чтобы помнить их? Но я так и не решаюсь спросить его об этом.

- Ладно, – говорит отец, вставая, – значит, у тебя нет невесты.

- Нет, сейчас нет, – признаюсь я, немного стыдясь. – Не знаю, что такое происходит... что они от меня сбегают.

- Они тебе нравятся, но не позволяют поймать себя, – говорит отец то ли в шутку, то ли всерьез. – Девушки, они как бабочки.

- Это верно, – соглашаюсь я и замолкаю. Ну как я собираюсь обзавестись невестой, если у меня в доме полно китайцев, а сам я ношу эти убогие, нелепые доспехи? Мне не хватает только воронки на голове, чтобы быть похожим на персонажа книги “Удивительный волшебник из страны Оз”. [*прим: сказочная повесть американского писателя Лаймена Фрэнка Баума, позднее на ее основе с некоторыми изменениями А.М.Волковым была написана повесть “Волшебник Изумрудного Города”*].

- А в остальной части дома вы что-нибудь изменили? – спрашивает отец.

Я скрываю тревогу за глотком джин-тоника и с трудом поднимаюсь, потому что железная кираса уже проржавела, а сочленения ни соединить, ни смазать некому.

- Нет, почти ничего. Ты же знаешь, что маму не слишком-то волнуют домашние дела.

- А тебя?

- Это не мой дом.

Я стараюсь быть почтительным и одновременно убедительным, но отец мне не отвечает, потому что мы стоим уже перед приоткрытой дверью его бывшей спальни, которую теперь занимает только мама. Ей не нравится спать при закрытой двери, она говорит, что это вызывает у нее клаустрофобию. Открытая дверь вызывала у меня беспокойство, поскольку мои доспехи теперь ужасно лязгали и скрежетали, и я боялся, что этот грохот разбудит маму. Отец вперил пристальный взгляд на нашего пса, излишне чуткого боксера, который всегда спит у матери в ногах. Само собой, отец не знал этого пса, потому что он живет у нас всего пять лет, а отец умер целых двадцать лет назад.

- Это не Монблан.

- Нет, это Паркер, высший сорт, качество выше чем у Кросса, Монблана, Ватермана, Шеффера и всех остальных вместе взятых. [*прим: Parker, Cross, Montblanc, Waterman, Sheaffer – известные фирмы-производители авторучек*]

Эту шутку я повторяю несметное число раз, потому что, как правило, она эффективна, и люди смеются, но отец не смеется.

- Монблана пришлось усыпить, – и вновь я чувствую себя на зыбкой трясине, – ведь он был уже очень старый.

- А что стряслось у мамы с рукой? Вроде она забинтована?

- Она упала.

Отец смотрит на свою жену, которая вот уже двадцать лет как вдова: теперь мама уже старушка, в то время как он так и задержался в среднем возрасте. Но ни морщины на ее лице, прежде таком красивом, а теперь сильно изменившимся с годами, ни дряблость тела с его лишними килограммами, ни загипсованная рука, кажется, не производят на отца никакого впечатления. Он смотрит на нее с беспокойством и нежностью. Возможно, что ни увядание тела, ни последствия травм не волнуют его на том свете.

- Моя Марго, моя любимая Маргарита... Бедняжка, – говорит отец. – Поцелуй ее за меня.

Похоже, визит закончен. Волоча свой неподъемный груз (моя броня теперь кажется свинцовой), я плетусь к двери. В гостиной китайцы и сестра продолжают все переворачивать вверх тормашками. Отец проходит по комнате с олимпийским спокойствием, ни словом не упрекнув меня за хаос.

- А почему ты продолжаешь жить с ней? Тебе уже тридцать семь, так ведь?

К чему этот вопрос? Я озадаченно смотрю на отца. Он несколько раз ласково хлопает меня по руке, как когда-то, но теперь мы оба взрослые и постепенно сближаемся в возрасте. Конечно, я и сам понимаю, что мне уже тридцать семь, но сколько бы я со своей показной непринужденностью ни рассказывал отцу о дисках, о магазинчике с канцтоварами, о нашей собаке, о матери, сколько бы ни бравировал, попивая джин-тоник, я веду себя как юнец, закованный в броню юнец, и все из-за какой-то паршивой стальной пластины, которая не похожа на нержавейку. Ради всего святого, какая тяжесть! А может, я и в самом деле по-прежнему чувствовал себя тем же самым подростком, которого отец покинул, уйдя в мир иной?

- Ну что ты? Я просто пошутил. Кажется, ты все такой же обидчивый, как всегда. Ты ничуть не изменился, – говорит отец, целуя меня.

И тогда меня охватывает давно позабытое ощущение: чудесное физическое восприятие отцовской привязанности, его глубокой, искренней, оберегающей любви, полной понимания, терпения, величия, широты и безусловной поддержки, которые заставили меня полностью забыть об этом надетом на меня грохочущем металлическом панцире. Любящее прикосновение моего отца обезоруживает меня, и мне становится легче. Я осознаю, чего я полностью лишен в жизни, и как сильно мне не хватает отца. Он видит мое безвольно-безучастное лицо и замечает:

- А твоя душа, Висенте, где она? Куда ты ее дел, сынок? Или может, сам черт ее унес?

3. Воскресенье, пазля

Моя душа. Сон посеял в моей душе свои семена в виде вопросов, не выходящих у меня из головы. Моя душа. Где она была? Да уж конечно же, не в больничных коридорах, принявших в тот день мою мать. В больнице маму осмотрели, сделали рентген, наложили гипс и все прочее. Там, под этим ужасным, холодным светом, подталкиваемый долгим ожиданием, я стал размышлять о своем положении, точнее говоря, нашем положении, поскольку наши с мамой судьбы, в сущности, были прочно соединены как дома, так и на работе. Вскоре после вещего сна, я засомневался в том, что наше совместное проживание было отличной идеей. Тогда мне в голову пришла мысль приготовить дома в воскресенье пазлю, чтобы мы поговорили и привнесли кое-какие изменения в нашу жизнь. Но прежде мне хотелось посоветоваться с Бланкой.

Моя последняя связь была именно с Бланкой. Бланка – сослуживица Эстер, очень близкой подруги Хосе Карлоса. Думается, я уже упоминал, что Хосе Карлос – мой сосед и друг. Он живет один. Его родители очень старенькие и находятся в доме для престарелых, так что он выкупил у своих братьев их долю на квартиру. Наши друзья считают, что мы с ним похожи, и поэтому близки – еще бы, два холостяка из компании, – но это вовсе не так. Во-первых, он много разъезжает по работе. Я уже говорил, что мне хотелось бы попутешествовать, но с магазином это невозможно. А во-вторых, Хосе Карлос – хоть и не рассказал всем остальным, а только мне – уже несколько лет поддерживает весьма страстные отношения с одной замужней сослуживицей, которая не хочет бросать мужа. Поначалу это приводило Хосе Карлоса в отчаяние, но теперь он привык и даже находит в этом свои преимущества. Эту девушку зовут Эстер, и иногда я тоже хожу вместе с ними. Хосе Карлос хочет, чтобы я связался с какой-нибудь ее подругой, предпочтительно, тоже замужней. Он говорит, что зрелые замужние женщины это лакомый кусочек и теплое местечко нашего столетия, и те, кто этого не знает, просто идиоты. Ведь такие женщины – удача для нас, тех, кому это известно, и кто к этому приобщился, потому что сотни и тысячи из них свободны, нужно только суметь их добиться.

Одна из этих подруг – Бланка. Пару лет назад мы начали встречаться вчетвером, поскольку Бланка была, как я полагаю, прикрытием для Эстер, чтобы иными вечерами сходить поужинать, не вызывая подозрений мужа. Чтобы алиби сработало, говорит Эстер, нужно, чтобы оно было не только правдоподобным, а правдивым, потому что ложь со временем позабудется, а правда – никогда. Если она говорит мужу, что идет ужинать с Бланкой, то она и идет с Бланкой. И с Хосе Карлосом. Впрочем, эту подробность она пропускает. Вполне естественно, что Бланке не хотелось прозябать, чтобы Хосе Карлос и Эстер могли поужинать. Словом, они начали приглашать и меня.

Хотя Бланка не красавица и не страхолюдина, не высокая и не маленькая, но для своих сорока с небольшим она выглядит очень неплохо, и едва познакомившись с тобой, производит хорошее впечатление. Правда и то, что я бы в жизни к ней не приблизился, потому что мне даже в голову не приходило, что ее мог привлечь парень на десять лет моложе. Однако я ее привлек, и очень скоро мы сблизилась, придя к отношениям, которые она называет маяком, а я – кораблекрушением. Несмотря на то, что мы уже давно не видимся, и наши отношения могут считаться законченными, я время от времени продолжаю думать о ней. Поскольку она инженер, и очень умна, я во многом ей доверяю и многим делюсь. В один из тех моментов, когда мама была у врачей, и я не мог войти к ней, я решил рассказать Бланке о своей задумке, чтобы она помогла мне составить план.

- Привет, Винсенсо, что скажешь?

- Привет, Бланка, скажу, что мама упала.

- Господи боже, и сильно?

Едва услышав в трубке ее голос, я сразу успокоился. Мы стали разговаривать, и я объяснил ей, что мама сломала плечо, ей велели отдыхать, и что лечение этого перелома займет несколько месяцев.

- Она долгое время не сможет работать. И кроме того, Бланка, она уже пенсионного возраста, и мне пришлось в голову привести дела в порядок. Я больше не могу и дальше так продолжать, пришлось время взвалить все дела на себя. Тебе так не кажется?

Зная, что ответом мне будут мои же слова, я уже строил планы, прибегая к совершенно чуждым мне выражениям “взвалить все дела на себя” и “привести дела в порядок”.

- Это грандиозная мысль, Висенте.

- Как ты думаешь, по финансам это реально? У меня есть кое-какие сбережения, но я не знаю.

- Думаю, это выполнимо. Мне кажется идея очень, очень хороша. Тебе не хватало чего-то такого...

- Полагаешь, стоит попробовать?

- Ты же любишь свой магазинчик, разве нет?

Мгновение я колебался, прежде чем ответить.

- Да, люблю. Люблю, но...

- Так давай, действуй! Я должна тебя оставить, Винсенсо. Потом ты мне все расскажешь. Все будет хорошо, у тебя получится... Целую... Чао-чао. До встречи.

Я дал ей уйти. От ее внимания, хотя нам удалось поговорить лишь несколько минут, прежде чем она ушла на производственное собрание, я приободрился: шаг, который я хотел осуществить, не был неразумным, и мои усилия были бы оправданны. Винсенсо. Только она называла меня так. Это из-за одного итальянца, с которым она познакомилась, когда ей было восемнадцать, и она путешествовала по интеррейлу. [*прим: интеррейл – европейский железнодорожный проездной, забронированный заранее по определенному маршруту на условиях безвозвратности*] Некий, должно быть, потрясающий пиццайоло. [*прим: владелец пиццерии*] Когда Бланка рассказала мне о нем, меня одолел мощнейший приступ ревности, но очень быстро я понял, что она была права: глупо ревновать к прошлому, встречаясь со зрелой женщиной. Самым ужасным было бы то, что я оказался ее первым парнем, ведь до этого возраста она пребывала бы в девицах.

Успокоенный телефонным разговором с Бланкой, и разом наметив с легкой руки этой женщины план, я схватил телефон и позвонил своей сестре Нурии. К слову сказать, Бланку я и по сей день считаю очень хорошим человеком. Так вот, позвонив сестре, я поведал ей о том, как сильно ударились при падении мать, и попросил ее прийти к нам в воскресенье пообедать. Она часто обедала с нами по воскресеньям, но далеко не всегда. Сестра была в разводе, у троих ее детей были разные отцы, и организовать визиты к нам для нее могло оказаться сложнее, чем преодолеть обычные трудности ее повседневной жизни. В те субботы и воскресения, когда не было детей, заставить Нурию дома и затащить ее к себе было никоим образом невозможно, поскольку у нее всегда имелись планы с подругами или с каким-нибудь дружкой, поэтому самое последнее, что ей хотелось бы, это прийти обедать с вдовой-матерью и братом “с душой улитки”, потому что, теперь я знал, это было так и не иначе.

Мама все равно, обедать ли с сестрой или без нее, у нее своя жизнь. Я хочу сказать, что мама не совсем типичная женщина, которой необходимо присутствие ее “цыпляток”, ее детушек вокруг, чтобы чувствовать себя полезной. Мама вполне самодостаточна, она никогда не была домохозяйкой, всегда работала. Не то, чтобы она не любила мою сестру или у нее возникали проблемы с внуками, ничуть не бывало. Мама не из тех маньячек, которые предпочитают умереть в одиночестве и грусти, прежде чем кто-либо оставит отпечаток на их серебряных пепельницах или оцарапает ботинком паркет. Нет, моя мама – женщина, не озабоченная подобными домашними проблемами. Для нее дом имеет свое ограниченное функциональное предназначение, и я никогда не слышал ее жалоб из-за разбитого стакана или шерсти нашего пса на диване. Как она сама говорит, ей неприятно командовать людьми, возвышаться над ними. И я думаю, что еще больше она не хочет, чтобы ей что-либо навязывали. Таким образом, если звоню я, то все путем, но доведись звонить ей, и мы никогда не увидели бы детей. Несмотря на то, что матери было безразлично, придет ли к нам моя сестра, я, тем не менее, ее приглашаю. Мне хорошо известно, что так будет лучше для мамы, Нурии и для ее детишек. В общем-то, и для меня тоже.

По мнению родственников, сестрица Нурия немного похожа на мать, возможно, поэтому очень скоро ее муж оказывался лишним. Как я уже сказал, все ее дети от разных мужей, поскольку ей проще иметь ребенка от законного мужа. Сейчас она встречается еще с одним парнем и, судя по тому, как продвигаются у них дела, мне кажется, что очень скоро у меня будет четыре племянника и четверо бывших зятьев. Или пятеро, а может быть, и шестеро. Однако Нурия не понимает, что у нее аллергия на разного рода обязательства и договоры, и думает, что она просто невезучая, раз ей попадаются, по ее словам, одни недоделанные. На самом деле все дело здесь в матери, которая не научила ее терпению. Впрочем, это всего лишь мое мнение. В нашей семье терпение было только у меня. До этого воскресенья с проклятой паэльей.

Нурия заявила с Хорхе, своим новым дружкой, простым парнем немного моложе ее, общительным, и в кои-то веки, нормальным. Кое-что я плохо понимаю, и эта тема весьма щекотлива, чтобы выносить ее на обозрение чужих людей, тем не менее, мне кажется, что во сне отец дал мне четкие разъяснения, и я не мог больше ждать. Я должен был, как можно раньше, схватить быка за рога. Я тореро, конечно, не в буквальном смысле этого слова. Словом, пока готовилась паэлья, а Паркер в присутствии детей в необычайном возбуждении носился вокруг стола в ожидании цыплячьих костей, которые рано или поздно упали бы, я произнес:

- На днях мне приснился отец и...

Но никто не обратил на меня никакого внимания. Несколько разочарованный, я собрался с силами и снова открыл рот, чтобы продолжить:

- Я много думал в эти дни о делах, вертел так и этак и...

- Мне не нравится паэлья, я ее не люблю, – встряла крошка-племянница Амели. Кстати, сестра дала ей это имя в честь фильма. Ей даже пришлось поругаться со служащей в отделе регистрации, которая, вполне логично, стремилась записать племянницу как Амелию, но Нурии удалось добиться своего, хотя никто из наших родственников не имеет ничего общего ни с Францией, ни с кинематографом.

- Как это не любишь паэлью? Ах какая замечательная паэлья, пальчики оближешь. Паэлью любят все испанцы. Паэлья – это достояние человечества. Она нравится даже каталанцам, – вмешался вышеупомянутый Хорхе, имевший весьма своеобразное чувство юмора. По-видимому, его отношения с моей сестрой находились в фазе гиперсексуальной суперактивности, и он просто хотел порадовать и осчастливить других настолько, насколько был счастлив сам.

- А мне не нравится, – упорствовала племянница.

- Съешь, как миленькая, – отрезала сестра, – и перестань трогать собаку.

- Не буду, – возразила девчушка, – и, между прочим, мама, у собаки есть имя, его зовут Паркер.

- Висенте, положи ей паэлью, – приказала сестра.

- Если она сказала, что не хочет паэлью, я могу приготовить что-то другое, – предложил я.

- Никакого другого, если есть паэлья, значит, съест паэлью. Перестань тискать собаку! – заорала сестра.

- А я не хочу- у-у, – упрямо тянула племяшка Амели. – Па-а-аркер, краса-авчик, милашка-Паркер...

- Будет паэлья, ясно? Паэлья. – Сразу видно, что сексуальная активность не возымела столь положительный эффект на настроение Нурии, в отличие от ее возлюбленного.

- В самом деле, Нурия, мне это не трудно. Подогрею что-нибудь. Амели, ты любишь омлет? Есть также вчерашние котлетки. С кетчупом – объединение, – предложил я племяннице, которая прижималась личиком к собачьим ушам, все больше сияя от счастья.

- Ей нравится только паэлья, какую готовит ее отец, – уточнил Серхио, мой старший племянник.

Так вот в чем могла крыться истинная причина полного нежелания племянницы есть рис и внезапная одержимость ее матери, моей сестры, с которой она его проглотила. Это из-за дочери на Нурию накатывает умопомрачение, которое можно оправдать лишь тем, что девочка как две капли воды похожа на своего отца, которого Нурия не может даже видеть. Она ненавидит его так же страстно, как некогда обожала.

Нурия находится с бывшим мужем на ножах; они целыми днями ругаются из-за опеки, алиментов и машины, которая оформлена на сестру, а пользуется ею он. В конце концов, это беда всех разведенных, но сестра, порой, путает дочь со своим бывшим и начинает спорить с ней, настаивая на вещах, не относящихся к делу, например, на паэлье или проявлении ее нежности к собаке.

Итак, мы начинаем есть желтый рис в молчании. Кто знает, какой еще новый конфликт может возникнуть между Нурией и ее шестилетней дочерью? Тогда в течение следующих пятнадцати дней мне может не представиться снова возможности все рассказать, так что я набрался храбрости и выпалил то, что хотел:

- Я уже говорил вам, что хорошо подумал, и теперь хочу купить у мамы магазин.

Я следовал своему плану, этой территориальной перестройке, продиктованной обстоятельствами, которая, с моей точки зрения, никому не приносила вреда: купить магазин, стать предпринимателем, быть единственным ответственным лицом, внести кое-какие перемены, касающиеся торговли, и, начиная с этого момента, также начать подыскивать себе квартиру, и, возможно, в самый короткий срок переехать. Ничего другого не оставалось.

Минуту мама смотрела на меня. Нурия помимо воли продолжала есть. Она всегда ест, когда у нее бурлит кровь. Зная, какие неудержимо-яростные фантазии бушуют сейчас в ее голове, в которых мы с ее бывшим мужем являемся жертвами, я подложил ей побольше риса.

- Хотите еще немного? – предложил Хорхе, чтобы охладить накал страстей.

- Нет, спасибо, – ответила ему мама. – Что ты сказал? – этот вопрос она адресовала уже мне.

- Мама, я сказал, поскольку ты со своим плечом все равно... у меня есть кое-какие мысли по поводу магазина, которые мне хотелось бы осуществить... Кое-какие перемены, и я предпочитаю взяться за них сам. Я могу купить у тебя твою долю. Я уже посмотрел свои сбережения в банке.

- И мою, я говорю, мою долю ты тоже купишь, – выпалила Нурия, отрывая голову креветке.

- Хорошо, твоя... – начал было отвечать я сестре, но мама резко меня оборвала.

- Моя доля больше вашей, кроме того у меня треть наследства в свободном распоряжении.

- Да, мама, поэтому я объяснял Нурии, что ее часть...

- И будет так, как я захочу, – перебила меня мама.

- Да, конечно. Я считаю, идея была бы недурна, потому и предложил ее. Ты можешь пойти на пенсию, мы избавились бы от твоего пенсионного фонда, выгадали бы кое-какие деньжонки и...

Мама снова оборвала меня.

- Стало быть, ты уже все распланировал.

- Да, – несколько смущенно ответил я. Я представлял себе, что мое занятие делами было бы любезной услугой с моей стороны, проявлением моей зрелости и ответственности.

- И сколько ты нам дашь? – живо поинтересовалась Нурия, не дав мне договорить и даже оставив на время креветок. Перспектива появления денег в ее кошельке заставила ее забыть об огорчительных неурядицах с ее бывшим. Сейчас она ласково поглаживала Паркера и сделала нечто окончательное и бесповоротно запретное – дала псу цыплячье крылышко со своей тарелки. Это не метод воспитания собаки, но я ничего не сказал ей, потому что тема сегодняшнего разговора – отнюдь не обучение моего пса.

- Значит, по-твоему, я должна отправляться на пенсию.

- Нет, ма, это совсем не так, – сейчас наступало самое худшее. – Я только хочу, чтобы тебе жилось спокойно и удобно, хочу обеспечить твое будущее. Я не знаю, но, по-моему, тащить на себе такой магазин тебе уже слишком тяжело. Ты устала. Я хочу сказать...

Она не дала мне продолжить.

- Избавиться от меня, вот чего ты хочешь.

- Так о какой сумме, хотя бы приблизительно, мы говорим? – сестра талдычит о своем. – У меня тут мысль. На эти деньги я куплю машину Даниэлю. – Даниэль это как раз тот самый бывший, которого она ненавидит. С Луисом, еще одним бывшим, вторым по счету, сестра, к счастью, чудесно ладит; он просто святой. С Эрнесто, самым первым, она не враждует, потому что он аргентинец, и половину времени живет там. – Мне нужна машина, на худой конец, подержанная.

- Мама... – обратился я к матери, стараясь направить разговор в действительно интересное меня русло, но Нурия не собиралась уступать главную роль.

- Десять тысяч евро? Сколько может стоить магазин? Двадцать тысяч? Сто тысяч?

Я не удостоил ее ответа, хотя игнорировать сестру было трудно, поскольку она продолжала баловать Паркера, подкармливая его.

- Мам, помещение могло бы оставаться по-прежнему записанным на твое имя, я платил бы тебе за аренду, а ко мне перешло бы владение магазином, потому что если ты думаешь...

- Это дело я должна обдумать, – изрекла мама.

Я замолчал. До этой минуты мне удавалось действовать по плану, составленному Бланкой. Нурия воспользовалась моим молчанием, чтобы громко спросить:

- Мне причитается такая же часть, как и ему, да, Хорхе?

Хорхе работает в какой-то посреднической фирме, и сестра уже хотела втянуть его в паучью сеть хитросплетений, сотканных ее любовными отношениями, в которых все перемешалось и запуталось, ничем не заканчиваясь. Однако Хорхе был благоразумен, и, оценив увиденное, не стал марать себя, ввязываясь в дразги, хотя все мы знали, что не присоединиться в такой момент к сестре подобно смерти, ибо позже однозначно разразится скандал. Нурия из тех людей, кто либо с нами, либо против нас.

Я решил пойти в контратаку – в конце концов, сестра не мать.

- По завещанию – да, Нурия, но я работаю там все время с того самого дня, как умер отец, в то время как ты – нет. Это не одно и то же, – съязвил я. – И не подкармливай Паркера за столом!

- Что-то я не понимаю, – ответила она.

Сестра порядком мне надоела, я был сыт ею по горло. Вместо того чтобы помочь мне убедить мать, она возводила воздушные замки, но я все же вооружился терпением и продолжил объяснения. Никто и не говорил мне, что будет легко.

- Послушай, дорогуша, я хочу сказать, что все эти годы я многое вкладывал в магазин. И еще... когда пайщик не вкладывает в дело ни гроша, его акции обесцениваются.

- Ты тоже ни гроша в него не вложил, – величественно сказала мать, шевеля торчащими из-под гипса пальчиками. То, что до этого момента мама хранила молчание, соблюдая спокойствие, не означало, что она смирилась, или то, что она хотя бы чуточку согласна со мной.

- Но я ухлопал на него кучу времени, мама, а это тоже вложение капитала. Мои акции из тех, что мы разделили с Нурией, количественно выросли. Их стало больше.

Меня расстроил недвусмысленный намек матери о деньгах, о моем недостаточном вкладе. У меня всегда имелась одна проблема – тенденция исчезать, быть невидимкой, изглаживаться из памяти. Разве не проводил я с ней в магазине эти двадцать лет по утрам, а зачастую, и по ночам? Неужели она не помнит это? Разве мое тело не занимало там место? Разве руки мои не оставляли следов на прилавке, на кассе, на компьютерной мышке, на стремянке? Я не вложил ни гроша, меня вообще там не было. Я почувствовал, что в животе у меня все опускается, и Паркер, очень чувствительный к

моему душевному состоянию, оставил сестру, подошел ко мне и прижался к моей ноге, виляя хвостом, чтобы подбодрить меня и дать мне тепло, которого мне так порой не хватало. Видите ли, как я объяснял, в моей семье, не принято проявлять свои чувства и, тем более, открыто выражать или говорить о них. Более того, эти чувства вырываются из тебя, как грубые, непристойные ругательства, как внезапные кишечные газы, заставляющие тебя краснеть. Они заставляют тебя взрываться, теряя рассудок. Эти чувства всегда не ко времени и не к месту. От матери ты не добьешься проявления чувств, поскольку подобные разговоры ее не интересуют. С сестрой Нурией мы провели все детство и раннюю юность в смертельных схватках, сражаясь друг с другом до тех пор, пока я не превзошел ее в весе и росте, и она не отступила. В этих ссорах и драках бывало достаточно чувств и эмоций, чтобы изучить любое иное на данный момент. Я заставлял себя молчать и не попадать в ловушки.

- Можно мне включить телевизор? – спросил средний племянник, помешанный на мотоциклах, а в это воскресенье как раз проводились заезды.

Пока мальчишки смотрели на мотоциклы, а племянница, как одержимая, играла с моим мобильником (эта девчушка – ярая приверженка экранов, бедняжка, она является занозой для своей матери, поэтому они и ругаются), взрослые продолжали сидеть вокруг неудавшейся паззлы. Все вышло хуже, чем я предполагал. Я не мог выбросить из головы мысль о том, что вынося на свет столь деликатную тему и зная, что она потенциально могла всех обеспокоить, я сам породил эту ситуацию и причинил боль матери, которая и без того уже была ранена при падении. У сестры, наоборот, не шелохнулся ни один волосок из нелепого пучка на голове, который она соорудила. При всем моем уважении к сорокалетним женщинам, нет ничего хуже сорокалетней женщины, которая хочет казаться пятнадцатилетней. Если честно, я ждал от сестры чуть большей поддержки, потому что ей наш канцелярский магазинчик до лампочки, и, в конце-то концов, я же не собирался ни продавать его, ни закрывать; я всего лишь предложил решение для нашей старенькой мамы. В предыдущие дни, когда я готовил свой план, мне и в голову не приходило, что Нурии мое предложение покажется плохим, и это меня бесило. Многие годы я одалживаю сестре деньги, чуть ли не с самого детства. Это я так называю – одалживать, но на самом деле это эвфемизм. Я дарю ей деньги, или же она их из меня выуживает. Двадцать евро сегодня, пятьдесят завтра, а если учесть, как часто это происходит, то я даю Нурии больше денег, чем три ее бывших вместе взятых. Это ясно, как божий день. Иной раз я подумываю, что не мешало бы намекнуть сестре, что она должна мне уже несколько добрых тысяч евро. Однако в другой раз, думаю иначе: “что же я за человек, если подсчитываю нужды и потребности сестры и племянников, особенно этих безвинных детей? Разве не для этого существует родня? И в конце концов, у меня нет собственных детей. Пока еще нет”.

Нурия никогда не вспоминает о деньгах, которые мне должна. Только на Рождество, делая мне замечательные подарки в виде компенсации. Только я, пожалуй, предпочел бы, чтобы она не делала мне таких шикарных подарков, а лучше вернула бы мне часть долга. Иногда эти подарки делаются на деньги, которые она попросила у меня в долг накануне. Правда, у меня есть некоторые преимущества перед сестрой – я не плачу за квартиру, поскольку живу с нашей матерью, и у меня есть работа, потому что я остался в магазинчике канцтоваров. Если бы Нурия осталась в магазине, то в нем не было бы работы для двоих. В любом случае, я занимаю место, которое в равной степени по праву могло бы быть ее, а поскольку сестра никогда не требовала себе это место, я не требую с нее долги. Мой друг Хосе Карлос, прагматик до мозга костей, говорит:

- Да ты делаешь Нурии одолжение тем, что она не должна заниматься матерью и делами.

Но это не совсем так. Нурия никогда ничего не хотела знать о магазине. Когда был жив отец, и наступало лето, он всегда нам заявлял: “Я не хочу видеть, как на каникулах вы лодырничаете, сидите дома и бьете баклуши. А ну-ка, живо, марш со мной в типографию!” И мы помогали ему проводить инвентаризацию, красить стены или делали еще какую-нибудь мелкую работенку. На самом деле отец был добродушным человеком, и каждый день в два часа дня разрешал нам пойти с друзьями в бассейн. Главное отличие между сестрой и мной в том, что она ненавидела весь июль сидеть взаперти, в то время как остальные развлекались. Мне, напротив, нравились освежающие тени опущенных жалюзи или прохладные уголки среди коробок с оборудованием, доходящих до потолка. Мне нравилось открывать книги, календари, почтовые открытки, безнадежно запоздалые журналы, которые никто никогда не забирал и, вероятно, никто никогда не прочтет. Одним словом, это был товар, который накапливался много лет, больше, чем было нам с сестрой в ту пору. Отец хранил его, потому что в свое время ему было жалко получать компенсацию с того издателя, который заболел, или с того представителя, которому не везло, который пил, или с которым круто обошлась жизнь. “Мода вернется, и когда-нибудь эти вещи станут антикварной стариной”, – говорил отец в оправдание накопившейся кучи бесполезного хлама. Отец не любил причинять боль. Этим качеством в людях я восхищаюсь, мне и самому хотелось бы им обладать.

Поэтому мне трудно видеть расстроенную маму перед тарелкой с остывшей едой. Маму, не владеющую рукой, с различными синяками и кровоподтеками, ненакрашенную, не имеющую

возможности сходить в парикмахерскую и поддерживать активный образ жизни, столь характерный для нее.

- Если я пойду на пенсию, что мне, по-вашему, делать? – спросила она.

“Слава богу! – вздохнул я с облегчением. – Скорее всего, эта мысль начала представляться ей не такой уж плохой”.

- Да мало ли что, мама. Например, встречаться с подружками, путешествовать, записаться на курсы, ходить в театр... Теперь для пенсионеров существует тысяча вещей.

- Для стариков, – поправила она. – Ты рассматриваешь меня как старуху, Висенте.

- Ты немножечко старенькая, бабуля, – вступила в разговор Амели, не поднимая головы от айфона.

Для другого типа пенсионеров я включил бы в список среди прочих великолепных дел – посвящение своего времени внукам, но я знаю, что для мамы это не выбор. Когда сестра оставляет нам детей, что случается довольно часто, она знает, что должна поговорить именно со мной, потому что это дядя занимается ими, то есть я. При необходимости, если я вижу, что матери не до малышей, я иду к Нурии домой, чтобы помочь ей, хотя, если честно, этот вариант нравится мне гораздо меньше, потому что ее квартира всегда напоминает обезьянью клетку, а я терпеть не могу беспорядок и какое-то время прибираю в доме. Когда Нурия вставляет ключ в дверь, она находит свою квартиру совершенно новой, в смысле чистоты и гигиены. В душе сестры, должно быть, что-то шевелится, потому что она от всего сердца целует меня, и, надеюсь, она делает это искренне. Она ласково обнимает меня, даря на прощание теплый поцелуй, и называет Крошка Тинин. Так она называла меня, когда мы были совсем маленькими и еще не дрались.

Как бывало много раз, разговор закончился, но не завершился. Сестра стремилась повернуть беседу на тему детских каникул и лагерей, и наш разговор ничем не закончился, потому что все переключилось на другую тему. Я молчал и твердил себе: “нужно время, нужно подождать”. Обычно я думаю так, когда мне необходимо успокоиться и подавить возмущение, связанное с третьими лицами. Однако я не успокаивался, так что пока все оживленно болтали, вероятно, для того, чтобы показать мне, что мое недавнее предложение не произвело на них ни малейшего впечатления, я поднялся и убрал со стола. На кухне я вывалил остатки пазлы в миску Паркера. Увидев, как мой пес с жадностью уплетает пазлю, я почувствовал, что вместе с объедками исчезает и мое стремление покорить неведомые земли.

4. Кофе

Поначалу я тащился от попсы и рока, затем перешел на соул и блюз, с блюза на джаз, с джаза на босса-нову [*прим: стиль бразильской музыки*], а с нее на танго. С танго я переключился на иную мировую музыку, североафриканскую и ближневосточную, а оттуда плавно перебрался на классику, и тут, почти естественным образом, из-за отсутствия голоса понял, что именно человеческий голос трогал и волновал меня. Тогда я начал увлекаться эстрадными певцами, например, Шарлем Азнавуром, к вящему удовольствию моей матери. Со временем меня начали интересовать все музыкальные жанры, которые всякий раз обладали теплотой, точнее говоря, душой, искренностью и непосредственностью. Эта музыка никогда не была холодной, равнодушной штамповкой, поставленной на поток руководством многонациональных компаний. К примеру, в компании, где работает моя сестра, производят чистящие средства и косметику, думая больше об упаковке и этикетках, чем об ее эффективности, и это совершенно очевидно. Поэтому, я высоко ценю стиль фламенко, по-прежнему остающийся естественным и непринужденным, и даже могу получить удовольствие от сарсуэлы, такой легкой, такой повествовательной, чуточку напыщенной и высокопарной, с голосами, полными оттенков, которые стремятся только сопровождать и развлекать. [*прим: сарсуэла – испанский музыкально-драматический жанр, сочетающий в себе вокал, разговорные диалоги и танцы*]. Хотя многим и непонятно, но иногда мне доставляет удовольствие музыка муниципальных групп, симфонических или военных оркестров, потому что также как и многие убийственно-губительные скрипки, они неминуемо заставляют людей быть романтичными. Мне нравятся бесподобно-могущественные духовые оркестры. Особый вкус я нахожу в иных их оранжировках популярных и легко узнаваемых мелодий других жанров, которые не были написаны для медных и деревянных духовых инструментов. Музыканты таких оркестриков, как правило, любители, жители городков Леванта, вкладывающие в эти группы все свое желание и интерес; они заставляют безраздельно поверить, сколь безмерно это чувство, которое они передают, и за которое мне нравится цепляться. [*прим: Левант – географический регион Испании вдоль средиземноморского побережья Пиренейского полуострова и Балеарские острова*] Я так подробно объясняю это для того, чтобы стало понятно, почему в понедельник, на следующее после пазлы утро, подняв жалюзи магазинчика, я почувствовал, что меня гложет страх, и первое, что я сделал – побежал и включил

радио. Возможно, я сделал это по инерции, чтобы вернуть спасительную повседневную рутину, которая утешает людей, когда у них происходят крупные неприятности. Когда звучит музыка, я точно не один, и мои чувства находят отражения, которые, как мне кажется, придают им смысл и образ. Подходила к концу программа, которая особенно мне нравится, и называется она “Все утра мира”. Голос у диктора такой, что заставляет тебя думать – жизнь нежна, проста и желанна. Именно об этом и хочется думать человеку в восемь часов утра. Диктор мог бы быть моим другом, во всяком случае, мне бы этого хотелось, потому что он кажется славным малым. Проблема в том, что этим утром я чувствовал себя так, словно все утра мира собрались в одном, единственном, и опрокидывали на меня тяжкий груз своего веса. Даже голос друга-диктора не придавал мне сил. Я переключился на “Радио 3”. Там звучала композиция группы McEnroy. Обычно, эта баскская группа оказывает на меня довольно сильное воздействие, но сегодня и она не успокаивала. Меня охватил страх перед радио. Сейчас я не хотел пытаться счастья ни с информационными передачами, ни с проверенными не раз передачами-дискуссиями, которые в другие дни вызывали у меня улыбку; в них меня забавляло самомнение и самодовольство журналистов или экспертов, словом, спорщиков, высказывающих свое мнение. Я боялся быть снова атакованным рекламой “души улитки” и выключил радио. Было до чертиков холодно. По понедельникам, пока не включится отопление, и воздух не прогреется, магазин похож на холодильник. Я решил сварить себе кофе, но к сожалению, как бы ни хотел я вернуться к старым повседневным делам, у меня ничего не получалось.

Зато имелась настоящая и безотлагательная потребность в кофе, еще бо́льшая, чем в любой другой день. Мне было необходимо срочно укрыться за своей обычной защитой. Я прикрывался ей почти два десятка лет, бо́льшую часть своей жизни. Я понимаю, что кто-нибудь скажет, мол, не иметь возможности пить кофе спокойно, это несерьезно. Многие назвали бы ерундой то, что со мной произошло (Хосе Карлос точно сказал бы так, хохоча во все горло), и что, кроме того, я сам натворил кучу глупостей, не пойдя пить кофе в бар, как любой испанец. Те же самые люди сказали бы, что я твердолобый упрямец, и из-за своего упрямства вбил себе в голову идею, которая в данный момент была неосуществима и не имела особой важности. Упрямство – это такое качество, которое все с необычайной легкостью замечают у других, что ужасно меня раздражает. Тем не менее, этот незначительный инцидент обернулся сильным катализатором или сточной канавой для других происшествий.

Сегодня, как и всегда по утрам, я открыл жестяную банку, в которой храню кофе, чтобы он был более свежим. Банка была пуста. Ну и ладно, эта беда легко поправима. Сколько раз или я, или мама выходили в супермаркет, пока другой оставался в магазине, но на этот раз я был один, и это сильно усложняло столь простенькое дело. Тем не менее, я не собирался проявлять малодушие и праздновать труса. Я не мог позволить, чтобы неудачное падение матери обрубило возможность существования моего пути к независимости, этого нового уровня игры, столь желанного моему отцу. Во всяком случае, во сне. Было очень рано. В такой час покупатели не приходят, а если и приходят, то таких крайне мало. Вопрос заключался лишь в том, чтобы закрыть магазин, точнее говоря, открыть его позднее максимум на десять минут. Именно столько требуется, чтобы сходить в супермаркет и вернуться обратно. Так я и сделал. На всякий случай я прилепил объявление: “вернусь через десять минут”, и повернул ключ. Со всех ног я дунул в ближайший супермаркет, как будто сам черт за мной гнался. Мне очень нравится это выражение, хотя я не очень хорошо его понимаю. Обычно кофе покупала мама, но, магазин мне более-менее знаком, и я быстро нашел проход, в котором продавался кофе. Я выбрал пакет смешанного кофе. Уже подходя к кассе, совершенно свободной в это время, я засомневался, не нужно ли мне еще и молоко. Чтобы не проходить через одно и то же еще раз, я вернулся обратно, чтобы взять обезжиренное. Я действовал очень четко, и поход за молоком занял у меня от силы пару минут, но, тем не менее, когда я был в двух шагах от единственной открытой кассы, какая-то дама с тележкой, доверху нагруженной продуктами, ухитрилась втиснуться передо мной. Ума не приложу, как ей это удалось. Я не мог поверить своим глазам – как ей хватило времени, чтобы набрать в тележку такую уйму продуктов, если супермаркет только что открылся? Ее финт ничуть меня не встревожил, поскольку я подумал, что дама, увидев, что я несу только пакет кофе и пакет молока, пропустит меня вперед, но не тут-то было! Эта сеньора сделала вид, что не замечает меня, и принялась по очереди выгружать свои покупки на ленту кассы, попутно болтая с кассиршей, с которой ее связывала, по-видимому, крепкая дружба. Кассирша, в свою очередь, лениво искала штрихкод товара, внимательно проверяя, шел ли он по сниженной цене или нет, и все такое прочее. Посмотрев на даму, получающую удовольствие от этого момента, и на кассиршу, которая раньше жила в Хаухе, блаженном краю, чудесном тропическом местечке, где нет никакой спешки, я понял, что застряну здесь по меньшей мере на пятнадцать минут. [прим: Хауха – город в Перу неподалеку от экватора, в переносном смысле испанское выражение страна Хауха означает блаженные края] Короче говоря, я предпочел оставить кофе и молоко, и направиться в другой

магазинчик, подороже, где, как правило, не бывает народа. В отличие от этих дам, я не мог себе позволить отлынивать от работы пятнадцать минут.

Этот магазинчик, о котором я сказал, из тех лавчонок, в которых торгуют всем, чем ни попадя, лишь бы не упустить своего. Обычно в них заправляют приезжие иностранцы, иммигранты, так сказать, люди другой культуры, как следует их называть, чтобы никого из них не обидеть. На фасаде размещалось что-то вроде вывески “булочная – продукты – фрукты – прохладительные напитки” и стояло что-то из бакалеи, что вкупе с рядами консервов образовывало довольно эстетичный и оригинальный разноцветный узор. Тем не менее, из-за сложившихся в прошлом традиций, сегодня этот магазинчик не является моим любимым местом для покупок, поскольку там темно, и у меня всегда складывается впечатление, что на продуктах лежит заметный слой пыли. Поди знай, сколько времени лежат они на здешних полках, но отравиться кофе и молоком ты не рискуешь, поскольку на них четко указан срок годности, и это ходовые продукты, которые не залеживаются. В общем, я махнул рукой на задрипанный вид лавчонки, и решительно вошел. Чтобы избежать неловкого просчета, как в супермаркете, я направился напрямик к продавцу и спросил: “У вас есть смешанный кофе?”, дав таким образом понять, что в очереди я первый. Тип за прилавком, уставившийся в маленький телевизор, транслирующий программу из его родной страны, безучастно взглянул на меня со свойственной азиатам, непостижимой для нас таинственностью своими глубокими и одновременно шустро бегающими глазками. Он смотрел на меня и ничего не отвечал, вероятно оттого, что из-за шума телевизора не расслышал вопрос. Я настойчиво повторил свой вопрос, но безрезультатно. В итоге я пришел к заключению, что лицо продавца, выражающее абсолютное непонимание, было следствием его скудного и ничтожного владения кастильским наречием. Минуты бежали, я не мог держать собственный магазин закрытым, а потому предпочел поискать свой кофе сам. К несчастью, я быстро обнаружил, что на полках стоял только растворимый кофе, к которому, как я уже сказал, я питаю отвращение. Словом, я покинул это заведение ни с чем. Само собой разумеется, загадочный продавец с непроницаемым лицом не ответил на мое прощание, потому что по-прежнему тарасился в телевизор.

Я подумал о возвращении в свой магазин. Меня и так не было там уже пятнадцать минут, но мысль о собственном заточении в лавчонке в понедельник, в полном одиночестве, в тишине из-за боязни радио, да еще и не раздобыв несчастный пакетик кофе, сделалась непреодолимой. Я находился всего в нескольких метрах от стоянки, где припарковал свою машину, поэтому решил воспользоваться ею и доехать до крутого супермаркета, где открыты несколько касс, а продавцы и кассиры знают, что такое смешанный кофе, и работают сноровисто и легко. По дороге мне посчастливилось заметить еще один довольно милый продуктовый магазинчик. Он принадлежал новой, современной сети супермаркетов, как мне думается, каталанской, которая специализируется на органических и экологически чистых продуктах, и которая вызывает у меня доверие. На своем новом жизненном этапе я решил начать заботиться о своей душе не только внутренне, но и внешне, и таким образом стать сознательным и ответственным, а не безропотным потребителем. Для старта нового этапа это был самый подходящий случай, можно сказать, золотой. Пожалуй, это был даже знак судьбы. При этом моя проблема сразу решалась, и я, довольный и счастливый, мог вернуться в магазин, к своим канцтоварам.

Единственное неудобство заключалось в том, что негде было припарковаться, но прямо напротив я увидел въезд на стоянку для жильцов. Поскольку я планировал, что мой поход в магазин займет не больше трех минут, маловероятно, что кто-то из жителей именно в это время будет выезжать со стоянки или въезжать на нее. Я вылез из машины и снова пустился бежать, что было духу, будто сам черт гнался за мной.

В магазине двое людей покупали хлеб, но они уже заканчивали. Я ограничился одним лишь экологичным кофе с фирменной белой этикеткой, как я говорил, неплохим на вид. [*прим: белая этикетка – розничный бренд, являющийся торговой маркой определенной сети супермаркетов*] Поразмыслив, я решил взять два пакета вместо одного, чтобы избежать повторения подобной ситуации. Я подсчитал стоимость и осмотрел имевшиеся у меня в наличии деньги, чтобы по максимуму упростить и ускорить оплату. Не прошло и тридцати секунд, как в магазин вошел молодой парень и громко спросил, не оставил ли кто машину на выезде со стоянки. Я ответил парню, что это моя машина, и попросил его немного подождать, пока не расплачусь. Я смотрю на продавца – не войдет ли он в мое положение и не возьмет ли с меня деньги, но он, поскольку дело новое, хочет завоевать доверие постоянной клиентуры, отдавая предпочтение покупателям, живущим поблизости, а не таким залетным, как я. Я хотел было оставить деньги на прилавке и уйти, у меня было этому оправдание, но продавец, как я уже говорил, никоим образом не намеревался заканчивать обслуживание покупателей хлеба. Тогда тот малый лет двадцати пяти взглянул на меня с деланным огорчением, по-театральному сложив руки в умоляющем жесте, словно мы играли на сцене нашу жизнь, и попросил:

- Ради бога, я жутко спешу, убери машину, а потом делай, что хочешь.

По правде говоря, в этой ситуации я мог бы заупрямиться и стоять на своем, потому что положение мое было хуже некуда. Остаться и купить себе кофе, было полуминутным делом, но я испытывал на себе давление продавца, который сверлил меня злобным взглядом, передавая тем самым свое неодобрение клиентам, как будто в этом раю гармонии и истинного согласия я пытался установить моральную развращенность капиталистического потребительства. С другой стороны на меня давил этот малый. Подчиняясь нажиму с обеих сторон, я мог сделать только одно – оставить пакеты с кофе на прилавке и уйти, не солоно хлебавши, что я и сделал. Потерпев абсолютное поражение, я вышел из магазина, не оглядываясь.

Я ехал вниз по улице, и в зеркало заднего вида смотрел, как от меня удаляется симпатичная и одновременно вычурная вывеска, этот современный логотип, который приглашает тебя жить лучше, покупая натуральные продукты. Он показался мне настолько фальшивым, что я не мог сдержать чудовищную ярость, эту невероятную силу, которая поднималась от живота к голове. Я вдавил акселератор в пол и покинул улицу под несурзанный визг шин при заносе. Полагаю, на тамошней мостовой я оставил двадцать евро за шины.

Я поставил машину обратно в гараж, но мне было уже все равно, и прежде чем закрыться в магазине, я зашел в кафе, чтобы позавтракать обстоятельно и не торопясь.

- Кофе с молоком. В стакан, пожалуйста, – уточнил я.

- Будете что-нибудь есть? – спросил меня искуситель-официант, который уже был для меня настоятелем этого священного храма для изголодавшихся.

- Да. Значит, так, положите мне круассан а-ла-планча. У вас есть гриль? [*прим: круассан а-ла-планча – круассан, обжаренный на гриле*]

- Конечно.

Я почувствовал желание обнять его. После вспышки гнева я впал в ступор. Умяв круассан, я выпил еще кофе. Кофе и круассан были восхитительны, но пока я наслаждался их вкусом, начал задавать себе вопрос, с каких это пор кофе стало занимать столь важную часть моей жизни, и почему. Ответов у меня не было, а если и были, то в эту самую минуту я предпочитал не анализировать их. Это был момент действия, а не размышлений. За барной стойкой официантка разговаривала с еще одной женщиной, вошедшей в кафе с улицы. Я и не подумал бы, что они знакомы, не говори они обе очень бойко по-румынски. Только что вошедшая предлагала что-то официантке, что та решительно отвергала. Наконец я заметил в руке вошедшей стопку откопированных листочков. Вероятно, она хотела разложить листки на столах, чтобы их брали посетители. Реклама. Как во времена моего отца листовки компартии Испании. Это заставило меня задуматься о своей идее расширить спектр коммерческих услуг моего магазинчика и обзавестись сканером. Была ли эта идея такой хорошей, как я думал? И было ли изготовление фотокопий тем, во что я хотел бы вложить свою душу? По сути, быть может, оно и к лучшему, что мама не продала мне свою долю магазина. В сущности, пожалуй, это было даже необычайно хорошо, что все разваливалось, что мама не могла снова заниматься торговлей, а я должен был принять решение: оставить ее вместе с магазином. Навсегда бросить магазин на нее одну. Разве ты не хотела его? Так получи. У меня есть кое-какие сбережения, на которые я мог бы отлично поехать по миру пару месяцев, а может, и больше. Я не транжира, трачу немного и умею жить, довольствуясь малым. Возможно, это был бы геройский поступок с моей стороны. Деяние, о котором просил меня отец – оставить магазин целиком моей матери с ее записанной рукой. Женщина, разносившая рекламу, подошла ко мне и дала мне один листок из стопки, прежде чем уйти.

Румынская девушка ищет работу по уборке (глажке, готовке) или по уходу за детьми.

Постоянную или временную.

** Говорю и пишу по-английски*

** Владение компьютером на уровне пользователя*

Корина 60X XXXXXX

Спасибо!

Листки не были отсканированы, они были написаны от руки, и не обрезаны ножницами, а оторваны. Тем не менее, почерк был красивым. Сколько раз она переписывала этот текст? И как добилась того, что почерк не изменился? Само собой, там был номер мобильного, который я не указываю здесь, потому что это не самое важное. Я положил листок в карман, вышел из кафе и направился к магазину.

5. Договор

- Корина...

- Да, это я.

Я набрал ее номер, почти не раздумывая, движимый интуицией и, прежде всего, грандиозной идеей.

- Видите ли, у меня есть ваше рекламное объявление, и я хотел бы предложить Вам работу. Знаете, я ищу человека...

Я еще не нанял на работу ни одного человека, и теперь, судя по тому, как выдавливал слова, больше всего я думал как раз об этой слабой стороне своей жизни. Я понимал, что не могу нанять на работу первого встречного, кто раздает листовки в кафе, тем более для того, чтобы он находился в твоём доме, в твоей семье, ухаживая за беспомощным человеком, который не в состоянии обслужить себя сам.

- Если бы я мог встретиться и поговорить с Вами.

Дело оказалось более деликатным, чем казалось мне четверть минуты назад, в миг вдохновения.

Несмотря на это, Корина, кажется, не заметила моей нерешительности. Она ответила мне непринужденно и, что там отрицать, даже весело.

- Да, конечно, я смогу прийти на встречу. Вы скажете мне адрес?

Я не мог встречаться с этой женщиной у себя дома, даже если она станет работать именно там. Я достаточно хорошо знал свою мать, чтобы понимать – подобное решение нужно было принять за ее спиной, а ее просто поставить перед фактом. Я дал Корине адрес магазина. Она сказала, что придет сегодня же утром. Корина продолжала разносить свои написанные от руки листовки по другим районам. Я почувствовал искушение спросить ее, почему она писала листовки вручную, а не откопировала их, как все, но промолчал. Если я приму ее на работу, у меня будет время разгадать ее бесхитрое поведение, ее поступки, которые я в глубине души одобрял, и это стало решающим фактором, внушившим мне доверие.

На Корине была несколько странная одежда; подобный небрежный стиль ассоциируется у меня с восточными странами, точнее было бы сказать, с диктатурой. Это напомнило мне свое собственное детство начала восьмидесятых, когда мы только вырвались из франкистского режима. Это была эра, соответствующая спартанской, одноцветной и однообразной. Все мы были как две капли воды похожи друг на друга, так что я отлично помню первые, увиденные мною в жизни носки в разноцветную полоску. Родители привезли их из Барселоны, находящейся ближе всех к Европе. Эти носки ослепили меня. В Мадриде носки были мрачных цветов: серые, коричневые, бордовые, темно-голубые или тускло-зеленые. И до сих пор в моей голове Барселона окружена этакой мифической аурой. Однако, возвращаясь к Корине, скажу, что она была круглолицей, ее движения были свободными и точными. Она показалась мне женщиной сильной, с четкими и ясными представлениями, и могла взять на себя заботу о моей матери, поскольку я был сыт по горло своей обязанностью каждый день помогать ей принимать душ и одеваться. Дело не в том, что мне неловко видеть свою мать голой, и я стесняюсь, и даже не в том, что меня огорчает ее немощность. Как я уже упоминал, в нашей семье мы слишком далеки друг от друга для столь интимных дел. Куда там! Меня приводит в бешенство ее непрошибаемая твердолобость. Я уже говорил, и мне жаль повторять, но мама жутко упряма, она не хочет быть обузой и отвергает всяческую помощь. Это крайне утяжеляло утренние гигиенические процедуры. Я понимал, что каждый день мама поднималась с кровати все позднее исключительно для того, чтобы заставить меня быстро уйти в магазин, не давая времени спорить с ней там, на кухне, где она, стоя в ночной рубашке, с трудом готовила себе кофе одной рукой, отказываясь идти со мной в ванную. Как-то по телефону я рассказал обо всем сестре, но она не придала этому никакого значения. Более того, она сказала, чтобы я махнул на нее рукой – если ей угодно разбить себе башку, находясь одной в ванной, чихать. Нурии легко, она живет далеко, и для нее эти проблемы как телесериал с некими персонажами, которые ей вроде родственники, но в конечном счете, чужие. И потом, Нурия склонна радоваться материнским проблемам, если они ее не касаются. Это ее маленькая месть, а может, и большая. Она таит на мать большую злобу из-за чего-то там в далеком детстве. Эта злость может принимать тысячу и одну форму, но я уверен, что Нурия и сама толком не помнит, из-за чего она злится, и не прощает мать только потому, что ей это выгодно. Фактически, я мог разделить с Нурией ее позицию, и даже эгоистически заявить матери: “Отлично, черт с ним, мойся одна”, и смотаться, но я боялся, что мать снова упадет, когда меня не будет дома.

Мы находились в магазине. Я стоял за прилавком, а Корина перед ним, как покупатель, хотя и не была им. Я думал о нашем положении и прикидывал, не лучше ли мне выйти из-за прилавка, чтобы мы были на равных и поговорили с моей потенциальной работницей не так формально, а более демократично, по-простому, когда услышал вопрос Корины:

- Сколько часов в день?

Об этом я тоже не подумал, но тут меня осенило – самое главное, чтобы она находилась дома с утра, чтобы помочь матери и делать всю работу по дому, включая готовку. Когда меня не было, мама стремилась управляться с плитой и кастрюлями одной левой рукой, и однажды могла случиться беда,

несмотря на то, что мама никогда не была отменной поварихой, и ее меню ограничивалось простенькими рецептами, основанными на сырых продуктах и полуфабрикатах. То же самое было и с Паркером. Если я не успевал своевременно позаботиться о нем, мама старалась спуститься с ним в парк, не дожидаясь меня.

- Пять часов в день. С утра, когда я ухожу и до моего возвращения в полдень, – твердо и решительно ответил я, чтобы у Корины не сложилось впечатление, что я импровизирую.

Я считаю, что когда кто-то приступает к работе, необходимы четкие и строгие правила. Гибкость открывает дверь разного рода спорам и недоразумениям, а я не переношу ругань, как я и говорил. Впрочем, досконально я этого не знаю, с этим у меня всегда были нелады. Корина показалась мне женщиной порядочной, честной и с хорошим послужным списком, и мы сошлись на плате, которую она мне предложила, но оплачивать проезд я отказался. Я подумал, что неплохо припрятать туз в рукаве, в смысле вознаграждение, который можно будет разыграть позднее, если наши трудовые отношения сложатся.

Тут в магазин зашли какие-то девочки, чтобы купить стержни для своих авторучек, замазку и циркули, и Корина попрощалась. Она ушла еще с одним листком бумаги, на котором от руки был написан наш адрес.

6. Недомогание

Теперь наступило самое тяжелое – рассказать обо всем маме. В голове было пусто. На часах было два-десять. Я шел к дому, и аргументы, казавшиеся мне такими надежными на бумаге, когда я их готовил, теперь уже не казались мне такими неоспоримыми. Я вновь повторил их. Зачем моей маме нужна была помощница? Чтобы избежать новых травм и ускорить ее выздоровление. Это был единственный разумный ответ, но сейчас я уже не был так уверен в нем, он был неубедительным. Мама без труда расправится с ним. Для нее нужно было найти больше причин. Я должен был получше подготовиться, иначе снова могло повториться то, что было на паэлье, когда моя инициатива завершилась плитой и больше ничем, растворившись в стоячем болоте, как мыльная пена для ванной. Я тогда умолк, мама тоже молчала, и я не знал, злится она или нет, а Нурия перешла на другую, совершенно бессмысленную, тему. Я вставил ключ в замочную скважину, и Паркер, который всегда, едва я вхожу в дом, несколько раз нелепо подпрыгивает, будто он цирковой пуделек, а не большущий, почти в сорок килограммов веса, пес, не выбежал радостно поприветствовать меня. Я позвал его, потому что мне проще позвать пса, чем мать. Паркер пришел из кухни, откуда, как всегда, доносится слабое звучание радио. Увидев Паркера, я почувствовал облегчение, потому что с минуту думал, что моя мать спустилась с ним на улицу, как обычно рискуя, но, к счастью, мама была дома и вертелась возле плиты. Однако, когда я вошел на кухню, я не нашел ее ни у плиты, ни у холодильника. Она сидела возле небольшого стола, за которым мы завтракаем. Мама была бледная, как полотно, точнее серая, и вид у нее был удрученный. В собачьих мисках не было ни воды, ни корма. То, что мама не обратила внимания на то, что у собаки нет в миске корма, при том, что мне порою кажется, собака ей дороже нас, было еще более странным, нежели ее вид. Я не на шутку испугался:

- Что случилось?

Ни ответа, ни привета. Вот такие мы дома. Мы всё говорим прямо, без обиняков, поскольку думаем, что другой обладает телепатическими способностями и точно видит в наших глазах ласковую приветливость и надежность.

- Ничего. Я пришла заварить себе ромашку.

- А разве сейчас время ее принимать? – я заставляю маму взглянуть на часы.

В доме часы у нас повсюду. В каждой комнате, даже в ванной и в кладовке, так же как и радио. Забавно, потому что мой отец всегда приходил домой поздно, а вот к собственной смерти он пришел слишком рано. Впрочем, его увлечение настенными часами и сигналами точного времени по радио, пожалуй, не имело ничего общего с его пунктуальностью, как и с любовью к тиканью маятника часов, который, казалось, мерно нашептывал: “Время бежит, а ты живешь, так что иди спокойно”. Мама мне не ответила. Это вполне в ее духе, как я уже говорил, однако на этот раз мне показалось, что она не ответила не потому, что ей не понравился вопрос, а потому, что у нее не было на это сил. Паркер почувствовал что-то необычное и очень внимательно смотрел на нас. Я налил ему воду и положил еду, но он даже не притронулся к ним.

Пока я вел мать по коридору до ее постели, где она попросила меня помочь ей лечь, я подумал, что это сильно облегчало мне путь к Корине. Если мама почувствовала себя хуже, то присутствие другой женщины просто необходимо, и я как счастливый предсказатель или гиперответственный человек предвосхитил события. Ухудшение ее состояния наделило меня властью. “Мама, – мог бы сказать я ей, – мама, мне спокойнее, если в доме есть кто-то еще, и ты не одна, пока я нахожусь в магазине”.

Так я и сказал ей. Едва она легла, как я услышал, что говорю свои собственные слова, секунду назад звучавшие в моей голове. Мама, обессиленная, вытянулась на кровати, а я стоял рядом, полный сил.

- Мне спокойнее, мама, если в доме есть кто-то еще, и ты не одна, пока я нахожусь в магазине.

Я ненавижу, когда происходит подобное. Кажется, что я актер, занятый в спектакле, написанном для другого. Однако время от времени такое случается, несмотря на ненависть. Я говорю фразы, которые тщательно обдумал; они не хорошие и не плохие, скорее, я нахожу их немного фальшивыми, как будто они вылетели из меня, а я был сторонним зрителем, наблюдавшим эту сцену. Я словно обманывал самого себя, но в то же время радовался, потому что фраза, правдивая она или лживая, прозвучала фантастически благоразумно и естественно. Я услышал ответ мамы:

- Поживем – увидим.

Она закрыла глаза и задремала, но первый шаг я все же сделал. Я известил ее о своих намерениях. Ромашка на ночном столике полностью остыла.

Остаток дня я провел, лежа в кровати, в ногах у меня валялся наш пес. Паркер – рослый и крепкий боксер, производящий на чужих, как я уже говорил, довольно сильное впечатление. На самом же деле он добрейшей души псина, ведущий себя как дамский угодник. Воры могли бы запросто грабить дом, а Паркер вилял бы хвостом, встречая их с распростертыми объятиями.

Я позвонил семейному врачу. Она уточнила, что недомогание мамы явилось следствием прописанного ей в больнице огромного количества противовоспалительных и болеутоляющих средств, и уменьшила дозу. В любом случае, это недомогание подоспело как нельзя кстати, и я чувствовал себя слегка виноватым за свою радость, но не настолько, чтобы снова позвонить Корине и расторгнуть наш устный договор.

Вечером, когда я пошел на работу, пришла Нурия, чтобы ухаживать за мамой. Она шумно ввалилась в квартиру, демонстративно громко болтая по мобильнику и давая наставления кому-то из бывших по поводу полдника троих детей, занятий по баскетболу, плаванию или что там у них было, и указывая, куда ему следует отвести того или другого. Вообще-то сестра совсем неплохо разделила своих бывших – каждый из них занимается только своим отпрыском, а не чужими, но сегодня в силу непредвиденных обстоятельств, когда наша мама, обладающая железным здоровьем, неожиданно очутилась в постели, все дети остались под присмотром единственного оказавшегося свободным отца. Мне кажется очевидным, что есть множество преимуществ в том, чтобы иметь троих отцов для троих детей. Эти преимущества, скорее всего, не так заметны, если ты живешь в поселке или маленьком городке, где все знают друг друга, но для людей, живущих в бездушных мегаполисах это очевидно.

Сестра вынудила меня пойти вечером в магазин, потому что у нее не было денег на парковку машины. Ей нужно было получить их, то есть хапнуть мои евро, снова спустить их, и снова получить. По-моему, моя сестрица из тех женщин, которых жизнь никогда ничему не научит. Ей всегда чего-то не хватает и, тем не менее, она ухитряется как-то выкручиваться. В любом случае, находясь в финансово неустойчивом положении, сестра жадно хватается сумки, пальто, шарфы, мобильники (у нее их два, айфон и смартфон BlackBerry с разными тарифами разных компаний, чтобы сэкономить; она именно из такого сорта людей), зарядные устройства, при этом приводя мне аргументы, которые оправдывают необходимость неотложной помощи. Я ушел, оставив обеих женщин дома и не проронив ни слова о моем договоре с Кориной. Лучше огласить его как можно позже.

В тот вечер я так задержался и так устал, что на следующий день, когда рано утром затрещивал домофон, и Паркер принялся безумно лаять, я подскочил в кровати как ошпаренный. Я и забыл, что сегодня Корина приступала к работе. Чтобы не вдаваться в споры, лучше все дела принимать как должное. Таков мой девиз. Особых осложнений не предвиделось. Главное – уверенность. Мама, это Корина. Начиная с сегодняшнего дня, она каждый день будет приходить к нам, чтобы помогать тебе по хозяйству. Корина умеет готовить, убираться, она будет спускаться за покупками, словом, ты просишь ее обо всем, что тебе необходимо. Корина, это моя мама, Марга, а это наш пес, Паркер. Паркер кажется свирепым, но он очень добрый и ничего Вам не сделает. Собственно, это был весь разговор. Потом я живенько показал Корине дом и ее рабочие инструменты – пылесос, веник, плиту, и все такое прочее. Тут и делу конец. Мой план был ясным и четким... План, но не жизнь.

- Кто это в такую рань? – спросила меня мама, и мое сердце загалопировало под сто ударов в минуту. – Не иначе как эта дура Фатима. Пошли ее куда подальше, пусть катится к себе домой, она мне до смерти надоела. Вчера я сказала твоей сестре, чтобы она не открывала дверь, а то ишь повадилась шастать сюда в любое время, рада, что я упала, а я, знай, терпи ее.

Фатима – это наша соседка, должно быть, ровесница мамы. Они знают друг друга вот уже сорок лет; познакомились, когда мои родители поселились в этой квартире. Тогда Фатима была молоденькой девушкой и жила со своими родителями. Она работала по своей специальности, и что несколько

необычно, так никогда и не вышла замуж, посвятив себя душой и телом заботам о своих престарелых родителях. А может, это просто я помню их такими старыми. Ее отец умер два года назад, и теперь она занимается исключительно матерью, которая уже никогда не выходит из дома. Не знаю точно, но думаю, что моя мама для Фатимы нечто вроде окошка в мир, ее второе я, какой она хотела бы быть. Дело в том, что соседка любит подолгу чесать языком с моей мамой из-за чего каждые два дня из трех оказывает нам честь своими визитами. И каждые два часа из трех. Мама не выносит слишком заботливых и старательных людей и иногда, посмотрев в глазок и увидев Фатиму, она прячется в своей комнате и просит меня сказать соседке, что ее нет дома, как попросила накануне сестру.

Я знал, что это была не Фатима, но знал также и то, что мама не готова к приему гостей.

Нетвердым шагом она брела по коридору в одной ночной рубашке к ванной.

- Тебе помочь? – спросил я ее.

- Обойдусь, в этом нет необходимости, – ответила она, как я и ожидал.

Корина уже поднималась в лифте, Мама находилась здесь, мы разговаривали, и она не была готова к такому повороту событий. Я почувствовал себя в некоторой степени предателем и понял, что предатели поступают так отчасти из малодушия и трусости. Предать гораздо легче, чем брать на себя ответственность, но я не хотел быть предателем.

- Мама, оденься, это человек, которого ты не знаешь.

- В такую рань?

- Да, мама, именно. Днем я буду в магазине.

Говорят, лучшая защита – это нападение. Вранье. В самом начале атака может пройти хорошо, но потом нужно поддерживать сердитый и требовательный тон, а это ставит тебя в невыгодное положение для того, чтобы противник принял твои доводы.

- Вчера я тебе об этом сказал.

- И что же ты мне сказал?

- Что я договорился с одной женщиной для того, чтобы ты не была одна.

- Ты ничего мне не сказал, а хоть бы и сказал...

- Мама, я все уже решил. Так ты поправишься гораздо быстрее и лучше.

- Да неужели? И с кем ты договорился? Со знахаркой? Она обладает чудодейственной силой?

- Нет, но тебе необходимы помощь и уход, мама, а если о тебе не позаботиться, ты снова упадешь.

- Да это тебе нужна помощь, тебе.

Я понимаю, что у каждого человека свои доводы, это очевидно, но есть другая сторона, которую я не понимаю. Почему так трудно понять их? Понять доводы другого человека. Вероятно, все было бы гораздо проще, будь у нас между собой как с животными, когда ты смотришь на них и понимаешь их. Пусть они не могут говорить, но ты их знаешь, а с человеческими существами все по-другому. Мы представляем остальных лишь отчасти, да и то приблизительно. Со временем я это понял. К примеру, мама – для людей на улице одна, а для нас, ее родных, совсем другая. Тем, посторонним, она кажется близкой, внимательной, даже милой. Однажды, когда мама и Нурия о чем-то спорили между собой, сестра запальчиво выкрикнула ей:

- Почему ты обращаешься со мной не как с клиентами? Я хочу, чтобы ты обращалась со мной как с поставщиком!

Нурия и сама не сахар, как я уже говорил, она любит спорить. Правда, сама она говорит, что не любит, но на самом деле ей это нравится, и она всегда старается возразить. Мама говорит ей: “Ты всегда в команде противника”. Это означает, что Нурия всегда нам перечит, чтобы мы ей ни предлагали, что бы ни говорили; что бы мы ни делали, она всегда не согласна. Тем не менее, в данном случае Нурия была права, потому что перед всеми покупателями или продавцами, проходящими в магазин, мама предстает совершенно другим человеком, не той что перед нами. Конечно, они не могут описать ее тебе с точностью, которую внесли бы факты и подробности, доказывающие их характеристику и опровергающие мою. Но вне всякого сомнения, я не знаю, какая моя мать на самом деле. То ли такая, какую я вижу и с какой живу, то ли такая, какой ее видят другие. Скорее всего, она ни та, ни другая, поэтому я так восторгаюсь своим псом. В отличие от остальных, он всегда один и тот же, ясный и понятный.

Корина была уже здесь, в передней, перед моей двуликой мамой, передо мной, считающим себя одноликим, и перед Паркером, которому она тут же приглянулась. И это при том, что Корина сразу перестала обращать на него внимание, как зачастую поступают жители деревень, привыкшие к животным и не боготворящие их.

- Пройдем в гостиную? – предложил я, всем видом выражая, что столь странная встреча в столь необычный час, находится в моем ведении.

- Мама, это – Корина. Корина, это – мама.

- Очень приятно, – произнесла Корина с акцентом, к которому я, вероятно, уже привык.

Полагаю, на маму Корина произвела неплохое впечатление, поскольку во время разговора она выказывала интерес и даже приняла в нем участие, вставляя кое-какие правила, которые я пропустил на месячный испытательный срок.

В магазин я направился совершенно спокойным, зная, что мама дома не одна, и вместе с ней Корина. Я пребывал в эйфории, как будто только что открыл неизвестную формулу, гарантировавшую мне успех и удачу на всю оставшуюся жизнь.

7. Тактика и стратегия

Я пребывал в таком восторге, что достал мобильник и решил послать сообщение Бланке. Естественно, я ничего не рассказывал ей о бесславном провале моего меркантильного предложения путем организации паэлья, зато теперь, наконец-то, мои дела пошли в гору, и можно было сообщить ей о своих достижениях. По своей наивности мне вздумалось предложить Бланке до некоторой степени новую версию самого себя как энергичного оптимиста, независимого и дальновидного человека, который мог исправить все прошлые промахи и неблагоприятные поступки, приведшие нас к крушению. Вернее, приведшие к крушению меня, поскольку она продолжала держаться на плаву. Тем не менее, собираясь написать сообщение, я заметил, что Бланка находится в контакте и, не раздумывая ни секунды, я вышел из приложения. У меня создалось впечатление, что она могла меня заметить, и было ощущение того, что ей не хотелось застать меня, раздумывающим о ней утром во вторник, если быть точным, то без двадцати пяти девять. Именно этим мне совсем не нравится WhatsApp. Мне не хочется, чтобы люди знали, что делаю я, и сам я не хочу знать, что делают они, тем более Бланка. Сюрприз – одно дело, а застать человека врасплох – совсем другое.

Сейчас поясню. С самого начала у нас с Бланкой все было легко. Мне даже не приходило в голову понравиться ей, и, как я уже упоминал, первый шаг сделала она. Хосе Карлос и Эстер шли к нему домой перепихнуться, и на выходе из ресторана Бланка попросила меня, а точнее вынудила, отвезти ее домой.

- Я приехал не на машине, – ответил я, – и мне нужно выгулять собаку.

- Не будь тупицей, – заявила она, – я погуляю вместе с тобой и с твоей собакой, а потом ты отвезешь меня на такси. Какой породы твой пес? Я обожаю собак.

Я плохо понял логику сказанного и подумал, что Бланка была дамой параноидального склада, действующей несколько прямолинейно, которая, играючи, использовала меня в качестве охранника-проводящего до дверей ее дома. Мы вывели Паркера, и Бланка была с ним очень мила и внимательна, даже более чем. Она не могла притворяться, пес и в самом деле заинтересовал ее, и, отведя Паркера обратно домой, я предложил Бланке подвезти ее на своей машине. На светофоре она поцеловала меня. Поцелуй – ничтожно редкое явление, случающееся в моей жизни, но нет ничего лучше неожиданного поцелуя. Я узнал это, будучи еще подростком. Тогда Лурдес, моя первая любовь, поцеловала меня, когда я этого совсем не ждал. Ее поцелуй был сродни ловушке, но очень приятной, он был потрясением, отпечатавшимся во мне, оставившим свой след. Повторить тот первый, поразивший меня поцелуй, было невозможно, но я сохранил его. И сегодняшним утром, пребывая в эйфории, по дороге в магазинчик, я совершенно неожиданно вспомнил о первом поцелуе Бланки на светофоре. Мне захотелось разделить с кем-нибудь свою радость. Когда тебе кто-то нравится, ты продолжаешь рассказывать ей о себе, даже если ты ей уже безразличен. Ты можешь только говорить, что и делаешь с завидным упорством, будто вручая дар, стоя на одном колене, словно нить ваших любовных отношений тянется в будущее, целиком не оборвавшись в прошлом. Знает ли она об этом или нет, но я продолжал жить с ясным представлением, куда ведет эта нить, мечтая о том, что мои сегодняшние действия, как хлебные крошки Мальчика с пальчик, снова приведут меня туда, где мне было хорошо, и я был влюблен.

К счастью, весьма неуместная атака стыдливости (или благоразумия) в конечном счете не дала мне приобщить Бланку к моим стратегическим достижениям, на деле достаточно робким, если взглянуть на них с другой стороны. Я убрал свой мобильник, открыл магазин и включил радио. Мой настрой оставался столь же приподнятым, и я решил, что ведущий “Радио Классика”, мой воображаемый друг, сегодня вынужден будет обойтись без меня. Я настроил приемник на волну коммерческой передачи, где крутили хиты прошлых лет, и завсегдаем которой, обычно, тоже бывал. Мне было необходимо уже пережитое мною счастье. “Если я любил по привычке, то по привычке и забыл. Сила привычки – мой проводник и мой свет...” – пел Хайме Уррутиа, певец, который мне нравится, и в чьем образе мышления я часто вижу отражение самого себя. [прим: Хайме Уррутиа – один из участников испанской рок-группы *Gabinete Caligari*, петь идет о песне *La Fuerza De La Costumbre* (“Сила привычки”) с диска *Camino Soria* (1987)]

На этот раз без проблем я сварил себе кофе и обслуживал посетителя, когда в магазин вошла

Корина. Увидев румынскую работницу, я не встревожился, посчитав, что она спустилась вниз за покупками для приготовления обеда и зашла ко мне лишь доложить о развитии утренних событий.

- Секундочку, – сказал я ей, заканчивая обслуживать покупателя.

Когда мы остались одни, я выжидательно посмотрел на нее. Ну что еще там с моей матерью? У меня еще сохранилась изрядная доля эйфории, и я не ожидал ничего, кроме хороших новостей.

- Я пришла сюда.

- Вижу. Как вы там? – с искренним интересом спросил я.

Вдруг стало очень приятно оттого, что мне есть с кем разделить происходящее в стенах моего дома, есть свидетель, который облегчил мою ношу. Я чувствовал прилив воодушевления. Сегодня ночью я мог остаться с Хосе Карлосом. Мы могли бы пойти в кино или куда-нибудь еще, или просто немного послушать музыку. По радио почти каждый день передавали неплохие концерты. Было бы неплохо снова стать завсегдаем небольших местечек, где группы играют вживую. Будет ли Хосе Карлос дома, или он опять в разъездах?

- Я пришла сюда, – настойчиво повторила Корина. – Она сказала, чтобы я пришла сюда.

- У тебя что, нет денег? Разве ты не видела кошелек, который я оставил на кухне? В нем сорок евро на покупки. Ну такой красный, большой? Я совершенно точно положил его в коробку с разными вещами.

Я вконец сбился. Пожалуй, с утренним напряжением и метаниями по дому я мог и не показать ей, где лежат деньги на расходы. Я направился к кассе, чтобы дать ей оттуда несколько евро. Потом я вложил бы деньги, потому что в денежных вопросах мне нравилось быть щепетильным. Я протянул Корине деньги, но она отрицательно помотала головой.

- Сеньора сказала, чтобы я шла в магазин помогать тебе.

Несколько секунд ушло у меня на то, чтобы связать “сеньору” с моей матерью, которая оставалась дома непричесанной, в халате и ночной сорочке, и в которой было мало что царственного и величественного.

- Что за сеньора? Моя мама?

Корина согласно кивнула.

- Мама сказала тебе, чтобы ты шла в магазин?

- Она сказала, что дома все чисто, а здесь ты один не справишься.

Я должен был предвидеть, что все это утреннее смирение, доброе отношение к переменам, было простой видимостью для того, чтобы выиграть время и притупить мои волнения. Мать даже и не думала смириться с присутствием Корины, пристально смотревшей на меня в ожидании дальнейших указаний. Я был вынужден присесть. Меня будто палкой по голове огрели, будто хор из десятков человек кричал мне “Дурак! Какой же ты придурок!”. Сидя на стуле, я ощущал панику, видя перед собой Корину, стоящую на том же самом месте, что и двадцать четыре часа назад, когда я нанимал ее на работу. “Если ты ищешь во мне что-то особенное, я тебя разочарую... Не жди ничего нового от мужчины с привычками...” – продолжал распевать по радио Хайме Уррутиа.

Мы вернулись к исходной точке: совместное проживание с пожилой женщиной, которой необходима помощь, и которая не хочет смириться с этим. Понятное дело, что у меня была паника, оттого что все получалось в видеоигре, идущей на экране, но не в той игре, что со свойственной мне ловкостью и умением настойчиво вел я. Это была уже другая игра. Неизвестный далекий и безразличный программист вынуждал меня играть в ином темпе и, пожалуй, в другой манере, которая, естественно, была мне незнакома. Кроме того, при моих теперешних возможностях решить эту обидную несправедливость было нелегко, главным образом потому, что я был привязан к магазину. До двух часов дня я не мог закрыть лавчонку и вернуться домой, чтобы продолжить наш с мамой разговор, точнее перебранку, поскольку говорить на эту тему спокойно было крайне сложно. Я мог отправить Корину обратно домой, чтобы она взвалила на себя плохое настроение моей матери, но тогда я рисковал тем, что мама уволила бы Корину, окончательно распрощавшись с ней. Я предпочел бы иное решение. Словом, я сказал Корине:

- Хорошо, оставайся здесь. Проходи в подсобку, потом я поговорю с мамой. Мне очень жаль. Она злилась?

- Нет. Я прибиру здесь?

- Прибирешь? Ну... если ты считаешь, что это необходимо...

Корина прошла за витрину, и я увидел, как она остановилась в закутке и поставила сумку в уголок. Мне вдруг стало стыдно, что эта женщина увидит, в каком состоянии пребывает невидимая никому часть магазина. За последние дни, что мама не занимала свой стул, как делала это всякий раз в рабочее время, наша конторка пришла в некое запустение, я мало следил за порядком. Грязные чашки и ложки скапливались в маленькую кучку, ожидая свободного времени (и моего желания) помыть их. А туалет? У меня не было ни малейшего представления, каков был туалет, однозначно одно – крышка унитаза поднята, что вечно раздражало маму и сестру. Они всегда запрещали мне держать унитаз

открытым, так что наипервейшее, что я сделаю, обзаведясь собственным домом, войду в туалет, подниму крышку и оставлю ее поднятой так долго, насколько мне вздумается. Уж слишком мама и сестрица занудны по поводу этой темы.

- Где лежат вещи для уборки?

- Здесь, в туалетной, под умывальником, но если ты не хочешь...

- У тебя нет перчаток?

Перчаток у меня не было. Мама была единственной, кто занимался уборкой туалета, и я был не в курсе, пользовалась ли она резиновыми перчатками или нет. Я просто дал ей деньги, а она пошла и купила. Когда Корина отмыла жалкие метры подсобки и оставила сверкающими чашки и ложки, она снова оказалась передо мной.

- А что теперь?

Чудесным образом мне пришло в голову наклеить ценники на последний заказанный товар, чем Корина и занималась все оставшееся утро, по счастью, недолгое. Пока она наклеивала ярлычки, я занялся расчисткой офисного стола, на котором в течение последней недели медленно накапливалась почта, накладные, счета и реклама.

8. Небольшой магазин

- ... Нужно много продавать, чтобы сводить концы с концами, Висенте. Тебе нужна продавщица, а она уже на контракте. Один ты не справишься.

- Мама, она плохо говорит по-испански.

Иногда мы с мамой не сходимся во взглядах, и это логично, поскольку мы с ней разные люди, но наши разногласия решаемы. Кто-нибудь из нас уступает, или она, или я. Такова совместная жизнь. Как правило, если дело касалось дома, преимущество было за мамой, поскольку мы живем в ее квартире. Если же речь шла о магазине, то тут было все наоборот, моя точка зрения могла перевесить, поскольку, мне думается, мама считала, что я неплохо веду торговлю. Последние годы не были счастливыми временами процветания для маленьких торговых предприятий, но наша лавчонка канцтоваров пока еще занимала свое место в квартале. Мы обедали – я без всякого желания, матушка, напротив, с большим воодушевлением, словно давешнее своеволие вернуло ей утерянную энергию.

- Она говорит вполне нормально, к тому же она умна и проворна, словом, достаточно подготовлена. Эти люди из стран Востока очень хорошо ко всему подготовлены.

В маме вспыхнула ее давняя симпатия к испанской компартии.

- Господи, да откуда ты знаешь? Она же не пробыла в доме и получаса! Ты разговаривала с ней?

- Не разговаривала, но знаю.

Мне пришлось прикусить язык. Да, мама не говорила с Кориной о ее биографии, о ее прежней жизни до приезда в Испанию, но ведь и я не говорил. Я знал о ней только то, о чем говорилось в написанной от руки рекламной листовке: она говорила по-английски и имела базовые знания по информатике. Я недолго раздумывал над этими сведениями, разве что приписал еще налет хорошего настроения и ответственность, которые мне нравятся, и больше ничего. Остальное ни к чему. Определенные вещи человек может себе представить.

Я согласился с тем, чтобы Корина перешла из дома в магазин, решив, что это не будет помехой в намеченном мною жизненном пути. Я научился согласовывать наши действия. Я открывал магазин, и Корина оставалась там одна обслуживать клиентов первую половину дня, самую нудную и тягучую. Я в это время возвращался обратно домой, чтобы по мере необходимости помочь матери, если она это позволяла. Она милостиво разрешала. Паркер в растерянности бродил туда-сюда за нами по всему дому, что немудрено, поскольку раньше в это время он в полном одиночестве валялся на диване от сестры до сестры. Еще не так давно он ходил вместе с нами в магазин, пока однажды туда не ворвалась донельзя разозленная покупательница. Когда она перестала раздраженно орать на меня, то смогла объяснить, что у нее есть дочь-астматик, и что тетрадки, купленные для нее, были насквозь пропитаны эпителием Паркера. Это она так сказала – эпителием. Ее дочь страдала от аллергии, и приготовление уроков превратилось для нее в сущий кошмар, пока они не нашли причину этой самой аллергии. Мне пришлось вернуть ей деньги и нанять человека, которого она самолично посоветовала для основательной уборки. Тот отчистил весь товар, напялив маску и вооружившись потрясающего вида пылесосом, по дизайну нечто среднее между научной фантастикой и стилем ретро. Поступить иначе я не мог, в противном случае я рисковал заявлением с ее стороны об антисанитарных условиях в магазине. Тип в маске, ей-богу, был похож на охотника за привидениями, и парочка ребят, зашедших в магазин что-то купить в то время, как он орудовал там своей уникальной машиной, нашли его забавным. Да он и был забавным. Потом я выпил с ним кофе, и он поведал мне, сколько людей живет

с аллергией, и со сколькими ему посчастливилось сблизиться, часто бывая у них дома или на работе. “Кожа покрывает нас, – говорил он, – но есть люди, которых она недостаточно отделяет от мира”.

Наступила пятница, и Хосе Карлос маялся от тоски и уныния, потому что его зазноба переживала спад в matrimониальных отношениях. Не имея, понятное дело, ни малейшего представления о браке и семейных узах, я считал, что сей факт должен был бы обрадовать и воодушевить Хосе Карлоса, поскольку это могло ускорить окончательный разрыв Эстер с ее мужем. Однако Хосе Карлос пояснил мне, что все как раз наоборот, – едва Эстер заметила меланхоличную понурость мужа, как тут же порвала со встречами на стороне. Остаться нам у него дома и смотреть “Канал плюс”, попивая пиво, представлялось мне совершенно противоположным намеченному мною плану, и я обзвонил наших приятелей, организовав групповую вечеринку. Эти групповые выходы в свет с каждым разом становятся все труднее. Наши приятели уже все обзавелись парами, и мы с Хосе Карлосом единственные холостяки-одиночки, а женатым с хомутом на шее, точнее и не скажешь, уже не так легко найти возможность поразвлечься с другими. Тем, у кого дети, не всегда есть к кому их пристроить. И потом, у них иная, скажем так, общественная жизнь, та, которую привносят в их собственную жизнь жены – семейные обязанности, другие компании, сослуживцы и так далее. Порой это заставляет меня думать, что жизнь в маленьком городишке, и даже поселке, была бы гораздо лучше – там было бы не так одиноко. Матушка на это отвечает, что я говорю так, потому что никогда не жил в поселке. Сама она родилась в Уэске, и говорит, что не вернулась бы туда и в кандалах под дулом пистолета. Вот что мне нравится в Уэске, так это шагни чуть больше трех шагов – и ты уже за чертой городка, как актер, по рассеянности вышедший из декораций. Там ты просто встречаешься с людьми без всякой необходимости договариваться о встрече, и там полно баров, в которых всегда найдутся дружеские лица. И в магазинах тебя знают и здороваются с тобой. Однако мама находит все это угнетающим. “Там нет отдушин и лазеек, – говорит она, – все тебя видят, и все с тобой болтают”. Так что маме по душе большой город, и чем больше, тем лучше, словом, похлеще Нью-Йорка. И даже не заикайся ей о природе. Природа – сплошное неудобство: то холодно, то жарко. Да впридачу еще всякая вонючая скотина – напашешься с ней как вол и перемажешься по уши. Такова точка зрения мамы на тему природы и поселков. “Города выдумали, чтобы освободиться и затеряться, – говорит она, – и чтобы не быть крепостными во власти клочка земли”. Думаю, это свойственно ее поколению. Точно так же она не верит в модернизацию, потому что не доверяет властям. Она не верит, что муниципальные власти сделают с нашими отбросами то, что обещали. В это она верит еще меньше, чем в цивилизацию и отдельно взятого индивидуума.

- Люди в поселках опускаются, становятся ничтожными, – уверяет мама. – Посмотри на их копии в канавах.

Главное, хорошо провести эту пятницу. Мне хотелось бы, чтобы вещи изменились, и одна из тех вещей, что должны измениться, это моя общественная жизнь. Нужно обогатить ее, разнообразить, окунуться в нее поглубже. Нужно жить шире и с большей легкостью. Не подумалось ли моим друзьям, что мне необходимо было обзавестись подружкой, поскольку только с отношений в паре начинается настоящая жизнь?

- Это вынудит тебя предпринять какие-то шаги, – с уверенностью утверждала Сусана, одна из нашей компании. – Если ты захочешь жениться, то должен будешь искать квартиру, платить за нее, иметь детей, выбирать школу, ездить летом на отдых, мужать, Висенте, мужать...

В конечном счете, женщина быстрее любых обстоятельств вынудила бы меня запустить мою душу. Мы ужинали в кабачке, где цены были довольно умеренными, где нас знали и всегда оказывали те или иные знаки внимания. Так вот, эта самая Сусана пригласила какую-то женщину, то ли двоюродную сестру, то ли соседку, то ли золовку, я так толком и не понял, с явным намерением познакомить ее с Хосе Карлосом и со мной. У Хосе Карлоса уже была Эстер, сводившая его с ума, и вполне логично, что у него не было никакого интереса знакомиться с женщинами, поэтому он оставил эту ниву свободной для меня. Прочие об этом даже не подозревали. Девушка была очень даже ничего, но весьма застенчивой и робкой, а с робкими у меня возникают определенные трудности. Их не разберешь, и я не понимаю, нужна ли им помощь и моя компания, или же во всем происходящем ты представляешь им совершеннейшим болваном, поскольку они сами необычайно умны. Показать дураком уже само по себе представляет для меня довольно большую помеху в общении, но показаться приставучим занудой и вовсе непреодолимое препятствие, так что я не представляю, как мне себя вести – то ли продолжать разговор, заполняя своей болтовней ее молчание, то ли, следуя ее примеру, самому молчать как рыба. Человек, который молчит, всегда меньше рискует, но если бы мы все молчали, то у нас была бы не жизнь, а могила, а посему, дабы избежать кладбищенской тишины, я всю разглагольствовал о своей работе за неимением другой темы. Я рассказывал Росе, так зовут эту девушку:

- Знаешь, я сейчас меняю витрину. При этом я думаю о многих вещах, и мне хотелось бы передать свои мысли людям, чтобы они заходили в магазин. Я знаю, что эти вещи должны нести позитив, обещания и возможности улучшить жизнь, словно желая сказать народу, что все может стать чудесным... Ты понимаешь, о чем я?

Мы уже поели и выпили чуточку лишнего, как вдруг за столом сделалось тихо-тихо, и только я один продолжал говорить:

- ... потому что мы переживаем времена, когда одни говорят, что кругом царит хаос, другие, что не осталось никаких ценностей, и это закат нашей эры и конец всему. А я так понимаю, что надо способствовать порядку, прогрессу, воплощать в жизнь новые идеи, и я рад...

Я разливался соловьем, и создавалось впечатление, что Роса слушала меня с интересом и долей удивления, я бы даже сказал, восхищения. Обычно я более сдержан и не настолько болтлив, но этот вечер был другим, особенным, словно все начинало меняться, проявлять свою душу, идти по моему желанию, так, как я этого хотел. Я излишне пылко выступал перед “леди застенчивостью”, и внезапно почувствовал себя главным героем. Я получал удовлетворение от того, что меня слушала весьма привлекательная девушка, а мои приятели были свидетелями моего триумфа. Я поборол свою радость и продолжил говорить:

- ... что ценность магазинов канцтоваров состоит в том, что мы продаем, так сказать, творческие инструменты... Мы созидатели, творцы... хотя и не творим.

Я завершил свою речь этой шуткой, чтобы немного разрядить обстановку и подбодрить присутствующих.

Несколько секунд никто ничего не отвечал, пока Роса не прошептала:

- Как мило.

Мысли в моей голове завращались с бешеной скоростью. Нужно было найти способ продолжать разговор на этом высоком, сверкающем уровне игры, который я затеял, но мне не дали открыть рот – муж другой моей подруги, Каридад, придурок чертов, вдруг заявил:

- Надо же, а мы и не знали, что ты – поэт.

- И то – правда! Ты мог бы посвятить себя публикации стихов, – встряла, изрядно захмелевшая Сусана. – Ты никогда не задумывался над этим? Ведь у Висенте есть талант, правда же, Роса? – упрямо гнула она свое.

Вероятно, Сусана интуитивно чувствовала скверные намерения вышеназванного придурка и всеми силами хотела избежать моего падения в глазах Росы, с которой у нее было связано столько надежд меня “пристроить”, но мне ее защита доставляла некоторые неудобства. Мне не улыбалось показаться тем, кем я не являюсь. Это лишь осложняло мое положение.

- Да нет, пока не думал.

И это было чистой правдой. Я никогда не думал стать кем-то другим. Хотя мне нравится скрупулезно и придирчиво вникать в наш язык, играть со словами, а это как раз то, чем занимается поэт, вершитель слов. Мне никогда не приходило в голову писать.

- Мне не так уж плохо и в магазине, – я постарался сменить тему, потому что меня сталостораживать столь пристальное внимание к моей особе. – Вы смотрели последний фильм?

Однако перейти к фильму мне не удалось, потому что этот кретин в пику мне заявил:

- Так ведь предметы сами по себе несущественны.

- Что ты имеешь в виду? – на мое несчастье спросила его Роса, а этот умняга с опилками вместо мозгов с готовностью ответил:

- Гитлеровский архитектор, к примеру, совершенно точно использовал угольники и транспортиры в точности как те, что продаются в его магазине, и это не сделало его лучше, когда он проектировал бараки для концлагерей.

- Вот так-то, Висенте, – ответила Роса, похоже, пораженная словами этого недоумка по имени Рамон, который вроде и не начинал вешать ей лапшу на уши, но оказался на коне. Тот факт, что Роса смотрела уже не на меня, а на Рамона с его незатейливой мыслишкой, полностью оборвал мое красноречие, и я с трудом сдерживал свою ярость. Я сделал знак Хосе Карлосу, и едва представился случай, мы попросили счет и собрались уходить.

- Не пропустите на посошок? – поинтересовался кретин.

- Нет, завтра ему рано вставать, чтобы продавать угольники и транспортиры радикальным исламистам, – съязвил в ответ Хосе Карлос.

Мне не хотелось, чтобы было заметно, как задел меня этот идиот Рамон, и по дороге домой я высказал Хосе Карлосу, что свое последнее замечание он мог бы оставить при себе. Хосе Карлос не обратил на мои слова никакого внимания, а только спросил, как девушка. Я ответил, что она хорошая, но я больше не желаю ни с кем связываться.

- Что значит не желаешь связываться? У тебя уже кто-то есть?

- Ты и сам знаешь.

- Ты имеешь в виду Бланку? Отношения с ней, это, конечно, замечательно, но ты должен начать встречаться с другой девушкой.

- Мне неохота, лень – ответил я, отчасти потому, что так оно и было: обычно по пятницам мне вообще хреново, а уж в эту и подавно.

- Неохота, лень, – шутливо передразнил меня Хосе Карлос. – Тебе не нравится трахаться?

- Да, но мне не нравится то, что я должен делать прежде.

- И что ты должен делать?

- Знакомиться. Слушай, Хосе Карлос, дружище, оставь, ты и сам в этом ничего не смыслишь. Ты уже давно крутишь амуры с Эстер и не помнишь, что такое джунгли одиночек.

- Сам ты не помнишь. У тебя ведь с Бланкой уже давно?

- Давно.

У меня не было желания спорить. Я продолжал думать об ужине и том полудурке, который привел в пример гитлеровского архитектора. Я отлично понимал, почему разошелся и вышел из себя – как ни крути, а он был прав. Я стремился к хорошему, более того – к доброте и, что мало свойственно мужчинам, к мягкосердечию, но реально ли это было? Были ли у моей души эти моральные качества, которыми я гордился? Откуда мне знать, если я даже не знал, была ли у меня душа?! И еще хуже, что за ужином какой-то ничего из себя не представляющий пижониска смог сорвать с меня маску своим демагогическим примером. Я изменял витрину магазина каждые три недели, просто потому что так было нужно, это было моей обязанностью. Если мне приспичило выставить это в ином свете, то я, скорее, морочил голову какой-то незнакомке вроде Росы, но не себе самому. И верил ли я сам в то, что утверждал или нет? Мог ли я продолжать верить в свои собственные идеи, которые я отстаивал с рождения до сегодняшнего дня? И для начала были ли эти идеи моими? Я лег в кровать и, благодаря тому, что выпил, мне удалось избежать решения задачи с этими неизвестными.

9. Глупыш

- Корина, не трогай это. Я оставил это здесь, чтобы потом не забыть сделать заказ. У нас на прилавках осталось совсем немного ручек, подарочной бумаги и клея...

Защищаясь, Корина резко оборвала меня, не дав закончить фразу.

- Я не трогаю, я оставила все так, как нашла.

Корина была терпеливой, ловкой и работающей, но у нее имелся один недостаток, а, быть может, это только я вижу в этом недостаток – она была чертовски упряма и периодически отрицала какие-либо ошибки, не признавая их, что сильно меня напрягало. Как-то утром, дня через три или четыре после ее начала работы со мной, я вошел в магазин, и меня едва не хватил инфаркт – она буквально все поменяла местами. Корина сказала, что сделала это для того, чтобы основательно все вымыть и отчистить. Я же считаю, что любой человек, который принялся за уборку, должен снова все расставить по своим местам, не нарушая порядка и ничего не меняя, если эти вещи ему не принадлежат. К тому же, испанский язык Корины весьма скуден, и из-за этого она даже не понимает, что содержимое каждого ящика и коробки не соответствует названиям товаров. К слову сказать, я плохо представляю, почему ее испанский столь убог, что само по себе глупо, ведь она живет в Испании почти четыре года. В той же степени она не признает и марки товаров. Ей ни о чем не говорит Гальго или Микельриус, Милан или Пеликан, Эддинг или Паркер, разве что последнее она считает кличкой моей собаки, и точка. [прим.: Galgo, Miquelrius, Milan, Pelikan, Edding, Parker, Tetris – фирмы, занимающиеся производством канцтоваров] Ни одна вещь не находилась на своем месте, там, где я мог бы быстро ее найти. В месте, отведенном под Тетрис, Корина разместила коробки и пакеты строго по размеру, цвету и другим, бог знает каким непостижимым критериям. Чтобы во всем этом разобраться требовалось целое войско опытных психологов и антропологов. Вот так и придушил бы ее, ей-богу! Но подобные чувства к иммигрантке, во все стороны трубящей о своей экономической несостоятельности в написанных от руки рекламках, не вызывают гордости. В пятницу этот болван разбередил мою рану. Я бравировал своими благими чувствами, но это была всего лишь чистейшая видимость.

Однако, несмотря на наши с Кориной стычки и ее маленькую ложь, я начал утро, взглянув на нее иначе, и не показывая виду, что внутренне я вышел из себя, и на это были причины. В магазине нас было всего двое, и если она положила скрепки в коробку не для скрепок, то, может, скажешь, кто это сделал? Придя в магазин, я подошел к электроплитке, чтобы поставить кофейник, но Корина выхватила его у меня из рук.

- Оставь, я приготовлю, – сказала она.

Нечего даже и говорить, что это немедленно меня напрягло, ведь я уже пояснил свои мании в отношении кофе. Правда, я тут же подумал, что здравомыслящий человек не станет тратить нервы по

таким пустякам, и меня как человека зрелого, здравомыслящего и разумного, начинающего новую жизнь, подобные вещи не должны волновать. Я должен расслабиться и быть великодушным. Я подумал о слове “сосуществование”, которое сейчас в ходу, и слабо возразил:

- Не нужно, я сам, не беспокойся.

Корина предлагала сварить мне кофе спустя несколько недель работы в магазине, и я отказывался по тем же самым причинам, по которым она мне предлагала. Несмотря на то, что изначально я нанял ее как домработницу, сейчас она таковой не являлась. Она была продавщицей, а между служащей и домработницей большая социальная разница. Эта разница вызывала у меня некоторые душевные сомнения: входило ли в ее служебные обязанности мыть магазин и начищать до блеска “Кристасолем” витрины и прилавки, но, видимо, оттого, что мне не нравилось убираться, и я никогда этого не делал (этим занималась мама), я очень быстро перелистнул страницу этических дилемм. Стыдно признаться, но я не возражал, когда Корина, засучив рукава, принялась за работу. Мне казалось, что она делала это по своей воле, и я чувствовал, что это избавляет меня от ответственности. В свое оправдание я мысленно сказал себе, что поскольку Корина в известной степени заменяла маму, то без всякого ущерба могла взять на себя какие-либо ее обязанности, но она никогда не варила кофе, прежде всего потому, что я никогда не просил ее об этом. Впрочем, мытье – вопрос неопределенный, с которым я всегда плохо справлялся, и который впоследствии имел две составляющих. Да будет вам известно, чашки, кофейник и все такое прочее я мыл сам, а вот уборка меня не касалась. [прим: “Кристасоль” – моющее средство для стекол]

- Я сварю.

- Да нет же, право, не стоит, – настаивал я.

- А ну-ка отойди, глупыш.

“Глупыш” Корина произнесла с улыбкой, легонько отпихнув меня бедром. Если есть что-то, что чарует меня и покоряет, так это женские бедра. Иногда среди набивных диванных подушек на тебя набрасываются точеные, хрупкие косточки и крепко прижимаются к твоим бедрам. Ты можешь их потрогать, но еще лучше обнять их обеими руками, и при этом бедра любимой женщины лучше бедер какой-нибудь незнакомки, это очевидно. По словам Бланки, я недостаточно раскрываю свои чакры, и мое тело негибимо-крепкое как шкаф, вероятно, поэтому я возбуждаюсь, чувствуя мягкое движение бедра какой угодно женщины. И сразу проходит все плохое, исчезают все волнения и тревоги, открывая мир красоты и возможностей, в меня вселяется радость жизни, чего мне обычно не хватает.

В это время звякнули дверные колокольчики, отгоняющие всякую нечисть. Еще тысячу лет тому назад мама заставила отца повесить их для того, чтобы знать, что в магазин вошел покупатель. Я вышел, чтобы обслужить посетителя, слегка расстроенный несуразным вихрем, внезапно пронесшимся по моему возбужденному телу, и бессмысленно совращающим мой мозжечок, который уже просил меня броситься на приступ, захватить ее талию, руки, грудь, губы и все остальное. Я оставил Корину в подсобке одну со всякими кофейными штучками до тех пор, пока не обслужил клиентов и не успокоился.

Клиентами оказались несколько подростков. Многие из них приходят в магазин и, ясное дело, составляют часть моей клиентуры. Я приглядываюсь к ним и, мне думается, что я их знаю. Они грубы и бессердечны, они непрерывно глумятся друг над другом, оттого что безжалостны и слабы. Они причиняют друг другу боль, потому что впервые в их головах что-то происходит, а сами они остаются кто слишком большим, кто слишком маленьким. Я не выношу таких людей, бездумно и с легкостью обижающих друг друга, а, следовательно, иногда мне бывает очень трудно обслуживать их с их вечным взаимным хамством, пренебрежением, прозвищами и оскорблениями. Я старался сосредоточиться на обслуживании этих ребят, которые всегда таят в себе какую-нибудь угрозу. За ними нужен глаз да глаз, потому что иногда они так и норовят что-нибудь стянуть или сделать тебе какую-нибудь гадость. Так вот, я старался сосредоточиться, но не мог перестать думать о Корине. Мне в голову пришли слова, сказанные в пятницу Хосе Карлосом, когда мы поднимались в лифте, прежде чем разойтись по домам:

- Знакомиться – это самое лучшее. Ты будешь знакомиться с женщиной снова и снова, потому что никогда не узнаешь ее до конца.

Утверждение Хосе Карлоса о том, что ты никогда не узнаешь женщину окончательно, сильно отличается от того, что утверждал бы я. Он говорит так из оптимизма: для него было бы замечательно, если бы процесс знакомства с кем-либо никогда не заканчивался. По его словам, это гарантирует прочные отношения, лишь усиливая любовь. Я же вовсе не согласен с его мнением. Я считаю, что нескончаемое знакомство с человеком это беда, с которой нужно смириться, и тем не менее, это беда. Хотя поначалу знакомство прекрасно, потому что ты ходишь по местам, в которых лично ты никогда бы не появился – фильмы, рестораны, города, ты изучаешь марки шампуней, манеру расставлять посуду в кухонном шкафу... Но вот наступает момент, когда мне хочется, чтобы

первый этап завершился, мне хочется довольствоваться стабильностью уже знакомого тела и вполне ожидаемыми привычками. Мне не нравятся неожиданности.

Аромат кофе, сваренного Кориной, был восхитительным, температура молока – тоже, и пропорции кофе и молока были подходящими, а этого добиться труднее всего. Когда подростки ушли, Корина принесла мне чашку кофе и тарелку, на которой лежал кусок торта.

- Что это? – удивленно спросил я.

- Это тебе. У меня сегодня день рождения.

Торт был не покупной, а домашний. Многочисленные слои бисквита перемежались с шоколадным кремом, и сверху торт был украшен белой приторно-сладкой глазурью. Я не такой уж сладкоежка, и знаю, что сахар в избытке – просто яд, и тем не менее, я плотоядно облизнулся, чтобы не разочаровать Корину. Я отлично понимал, что она хотела произвести на меня какое-то впечатление, составив свое мнение обо мне.

- С днем рождения, Корина! Я желаю тебе долгих лет жизни!

Она отмахнулась и улыбнулась мне. Уголок ее губ был измазан кремом – Корина тоже ела торт.

- Нравится?

- Не то слово, еще как нравится! Объединение! – с наигранным воодушевлением воскликнул я, хотя, на мой взгляд, как я уже говорил, торт был уж очень сладким.

Судя по размеру куска, который положила мне Корина, весь торт должен был быть необъятным. Я поинтересовался, сама ли она его пекла, и где нашла такую большую духовку для готовки.

- Торт домашний, так ведь?

- Конечно. В Румынии мы всё готовим дома.

- А почему ты мне ничего не сказала? Я дал бы тебе выходной.

- А-а, работа есть работа. Какая разница, день рождения это или обычный день?

- Разница есть.

- Верно, лучше уж обычный день, ведь я уже старуха. – Корина сказала это с лукавой улыбкой, искоса поглядывая на меня.

- Старуха? Да что за чушь ты несешь?! – Мы никогда не разговаривали с ней в таком фривольном, задушевно-тонном. Как я говорил, у нас, скорее, случались ситуации, когда я старался скрыть свое напряжение и сдерживать чувства перед ее крайним упрямством. Однако всем мужчинам на свете известно, что когда женщина называет себя старухой, нужно тут же выразить удивление и всеми силами разубедить ее в этом, а поскольку я всю жизнь жил с двумя женщинами, матерью и сестрой, я знаю об этом не понаслышке. Из этого правила нет исключения.

- Ты же знаешь, сколько мне лет, – с уверенностью сказала она.

- Понятия не имею.

- Ты видел мой возраст в паспорте, когда просматривал бумаги для нашего договора.

- Я не обратил на это внимания.

- Правда?

- Совершенно точно!

- Мне уже тридцать семь.

- Надо же, какое совпадение! Мне тоже тридцать семь.

- И у тебя тоже сегодня день рождения? – теперь уже она, я уверен, смотрела на меня с искренним удивлением.

- Нет-нет, что ты. Я имел в виду, что мы родились в один год. Вот тебе и совпадение. – Корина ничего не ответила. Мне показалось, что я ляпнул что-то не то, и попытался исправить ошибку.

- Знаешь, а ты выглядишь гораздо моложе.

- Ты, правда, так считаешь?

- Конечно, это все подтвердят.

Не думаю, чтобы кто-нибудь это сказал, Корина выглядела в точности на свои годы, ни больше, ни меньше, но я давно понимаю, что от меня ожидают, вот и соврал, сказав то, что было нужно. Нет никакой разницы – румынка ли это, перуанка или индонезийка, все женщины хотят одного: не стареть и быть худыми. Я знал только одну женщину, которой был безразличен ее возраст, она с восторгом разглядывала в зеркале свои новые морщины и пятна на коже – это была Бланка, но Бланка живет в другом мире. Вошла покупательница с двумя детьми, а потом еще одна. Утро подходило к концу, и наступал обычный час оживленной торговли, так что наш разговор закончился.

Позднее, когда мы уже закрывались, меня осенило:

- А что ты будешь делать сейчас?

- Пойду на другую работу.

- А где ты будешь ужинать?

- Если будет хорошая погода, то в парке, а если будет холодно или дождливо, то в метро. Я ношу

ужин здесь. – Корина указала на холщовую сумку, которую всегда носила с собой, и которую я раньше не замечал.

- Но в день рождения ты не можешь ужинать в метро.

- Не могу, значит, сегодня поужинаю в парке.

- Ну уж нет. Сегодня я приглашаю тебя на ужин.

- Нет-нет-нет, – сказала Корина, но рассмеялась. Она смеялась, а в ее широко открытых миндалевидных зеленых глазах плескался испуг, и еще резче проступили скулы на лице.

- Это самое малое, что я могу сделать.

10. Заброшенная лестница

Я позвонил маме и сказал, что ко мне в магазин зашел Хосе Карлос, и я пообедаю с ним. В будние дни я очень редко обедаю где-то вне дома. За последние годы такие случаи можно пересчитать по пальцам одной руки, но мой план сработал. Мама ни о чем меня не спросила. У нее была готовая чечевица, и ей оставалось только подогреть ее. Мама любит овощи, и это единственное, что она старается готовить. Я мог бы сказать ей правду, что у Корины день рождения, и я хочу поужинать с ней, или просто пригласить ее к нам домой отведать овощей. У меня на выбор было два подходящих решения, но я ими не воспользовался. Моя ложь получилась такой же естественной, каким естественным казался мне обед с Кориной.

Я вывел машину из гаража, и мы поехали в сторону квартала, где Корина работала по вечерам. Проезжая по улице Принцессы, я вспомнил об одном итальянском ресторанчике, куда я часто ходил с Бланкой, туда мы и пошли. Я понимал, что Корина ходила по ресторанам нечасто, и они представлялись ей пустым разбазариванием денег, достойным таких глупцов как испанцы. Мы заказали пиццу и пили бутылку “Ламбруско”. [*прим: Ламбруско – игристое или полуигристое итальянское вино*] Самым лучшим было то, что за обедом мы очень много разговаривали, точнее, много говорила она. Мы чувствовали себя непринужденно, и нам было весело и легко. Она рассказала мне, какой ей представлялась Испания – страной транжир и нытиков. Мы поговорили о всегдашних клиентах магазина, и я объяснил Корине значения прозвищ, которые мы с мамой им дали – Миноискатель, Резиновый Нюхач, Затычка в каждой бочке, Месье Погремушка, Его Древнейшество, Сосулька Прилизанная, Увалень и Дон Скряга, престарелый муж. Все они, войдя в магазин портили тебе вечер... С ее примитивным знанием испанского я чудесно провел время. Многие шутки Корина не понимала, но зато когда их смысл доходил до нее, она хохотала от души, показывая мне свои довольно белые и ровные зубы, сверху чуть выступающие вперед. Ее смех заставлял меня чувствовать себя самым остроумным парнем в мире.

За вином и шутками мы припозднились, и я настоял на том, чтобы подвезти Корины на машине. Ее работа реально находилась у черта на рогах, в окрестностях города, в районе новостройки. Корина ухаживала за престарелой четой, которая, по ее словам, была более чем престарелой, просто дряхлой – две довольно состоятельных мумии – но это было неважно. Платили ей хорошо, и работа была выгодной и непьюльной, потому что “мумиям” немного надо, и они почти не грязнят в доме. Когда она села в машину и начала благодарить меня, я не дал ей закончить, потому что снова почувствовал давешний утренний головокружительный вихрь, тот самый, что разносил мои чувства повсюду, в особенности, по телу и душе, потому что к чему скрывать, я чувствовал, что прикосновение Корины до самой глубины всколыхнуло мою душу. Короче, я послушался веления своего естества – я взял ее за руку и приблизил свое лицо к ее лицу. Она, в свою очередь, тоже придвинулась ко мне, и я ее поцеловал.

Какой восхитительный поцелуй. Говорят, что поцелуи изобрели женщины четвертичного периода (кто говорит – во времена антропогена, кто говорит – во времена палеозоя, это не моя специфика, я в этом не силен), чтобы накормить своих детей после того, как пережуют им пищу. Так что поцелуй в губы, доставляющий нам столько удовольствия и наслаждения и говорящий о любви, пришел к нам именно оттуда. Как это мило. Целуясь с другими, мы склонны разом забыть прежний поцелуй, но все равно как это чертовски восхитительно. Поцелуи как бабочки, которые не дают себя поймать, но, боже мой, когда тыймаешь одну, это что-то! Корина не только приняла поцелуй, но и ответила на него. Потом мы ни о чем не говорили, мне просто ничего не приходило в голову, о чем можно было бы поговорить, а мое сердце бешено колотилось. Мы только молча улыбались друг другу как два соучастника шаловливой проделки, которая у нас получилась, и о которой мы ничуть не сожалеем. К тому же я был взволнован и не собирался в первый же день оказаться в дурацком положении, ляпнув какую-нибудь глупость. Корина открыла дверцу и вышла из машины.

Мощная и всё более возрастающая волна от этого поцелуя заставила меня провести весь вечер в нервном напряжении. Я был так возбужден, что измерь я себе давление, то наверняка взорвался бы. Мне хотелось, чтобы в магазин входили люди не для того, чтобы я свел свой дневной баланс и

заработал то, что потратил в итальянском ресторанчике, а для того, чтобы время шло быстрее. Я был разгорячен отчасти из-за вина, которое само по себе пьянит и будоражит, отчасти, естественно, из-за поцелуя. Я уже пояснил все, что думаю о поцелуях. Я поцеловал Корину, потому что это казалось мне логичным, я благодарил ее за прекрасно проведенное время. Я поцеловал ее, потому что она снова смеялась, и ее зеленые глаза превратились в маленькие щелочки над ее острыми скулами. Я ничего не знал о ее семейном положении, замужем ли она, или у нее есть жених здесь или на родине. Мы никогда не говорили об этом, потому что до утреннего кофе с тортом мы вообще мало разговаривали друг с другом, и то исключительно о работе, о скобках, скрепках, тетрадках в линейку и угольниках. И я, и Корина – каждый из нас был сам по себе. День это всего лишь пять часов, которые быстро проходят. Однако я пребывал в полной уверенности – Корина была свободной женщиной, потому что только свободная женщина так смеется, поедая пиццу, и так улыбается, поцеловавшись с тобой.

У меня бешено кружилась голова, и я не мог ни на чем сосредоточиться. Меня вдруг осенило: необходимая в моей жизни перемена, мой взлет. Быть может, мне надо начинать не с документов на магазин, нотариально оформленных на мое имя, а со своих чувств? И как я не понял это раньше? А может, дело в том, что я хотел быть одним из этаких служебных прекрасных старинных зданий, которые теперь уже никто не использует, потому что организации давно переехали в более подходящие для их деятельности места? Нет, я не хотел бы быть великолепным зданием со всеми его сияющими, но пустыми покоем. Я хотел бы, чтобы по моей императорской мраморной лестнице с перилами из красного дерева поднималось и спускалось множество людей, а не только унылые скусающие уборщицы с их швабрами и тряпками, да ремонтники в голубых комбинезонах. Мне хотелось бы суеты и суматохи от входящих и выходящих людей даже в ущерб ступенькам и перилам. Конечно, я не считаю это единственным способом прожить жизнь, просто сейчас я подумал, что не хотел бы быть надежно оберегаемым, хорошо защищенным, но пустым монументальным творением. В заключение добавлю, я думаю, все это из-за поцелуя с Кориной.

Осознавал ли я, что делал? Смутно. Я ничего не планировал заранее, но когда я пригласил Корину на обед и поцеловал ее, мне показалось, что это было неизбежным. Мне представлялось целесообразным познакомиться с женщиной своей жизни на работе. Взять, к примеру, Хосе Карлоса и Эстер. Моя сестрица Нурия, напротив, всегда находила своих предрассветных дружков в барах и на дискотеках, и это плохая идея. Это не мой стиль. С женщинами, с которыми я встречался, я знакомился просто и обычно. Мои увлечения или непрочность моих связей с женщинами связаны не с правильностью выбора и моими порывами, а с тем, что наступает потом по мере развития этих отношений, как я понимаю. Хосе Карлос говорит, что это все из-за того, что я не готов к жизни в “джунглях одиночек-холостяков”. Это выражение мне совсем не по душе, как будто отношения между мужчинами и женщинами подобны полям сражений. Впрочем, иногда, после какого-нибудь разрыва, я могу думать точно также, но у меня нет желания сообщать ему об этом. Я говорю, “какого-нибудь разрыва”, как будто у меня их было миллион. Громких скандалов было мало, точнее сказать, мои отношения тихо расплзались по швам и сходили на нет. Не было ни ссор, ни скандалов, ни измен, ни разводов по суду, ни предательства или еще чего-то такого значительного, что можно отметить в календаре и запомнить. У меня все происходило более сумбурно и безалаберно. Сейчас, по прошествии времени, о каких-то отношениях я думаю, а были ли они вообще.

Я закрыл магазин на пятнадцать минут раньше. Это плохо, потому что много покупателей заходят в магазин именно перед самым его закрытием. Однако я больше не мог терпеть, меня так и подмывало продолжить столь неожиданно удавшееся мне начало. Неожиданный поцелуй после неожиданной встречи.

Я едва успел добраться до дома, где работала Корина, ко времени, когда она, по ее словам, заканчивала работу. На многих светофорах мне пришлось проскочить через перекрестки, пренебрегая всеми чувствами предосторожности и переругиваясь с сонными водителями, возвращавшимися в свои спальные районы. Не в моих привычках находиться на взводе. Хмель от выпитого вина необычайно обострил зрение и слух, сделав меня лихим водителем. В этом городе я жил с самого своего рождения, но теперь цвета и звуки преобразились; улицы, здания, памятники стали выглядеть по-новому, и это мне нравилось. Вот что значит поцелуй, вот что значит желание, когда ты в одном шаге от него. Все великолепно, ничего плохого, и жизнь кажется тебе чудесной.

Территория дома, где работала Корина, была огорожена. От калитки ограды к автобусной остановке вела дорожка. Если я опоздал хотя бы на минуту, то Корина могла уже быть на остановке. Если сегодня ей удалось отпроситься и уйти пораньше в честь дня рождения, то она от меня улизнет. На стоянке я провел пять минут, но для меня они стали вечностью. Моя радость померкла вместе с яркими цветами и сочными звуками, о которых я говорил. А вдруг я просчитался? Приехал слишком рано или слишком поздно? Я мог позвонить Корине на мобильник, но тогда все планы скомкались

бы, и сюрприз уже не был бы сюрпризом. Но было и другое, более серьезное препятствие. Если бы я позвонил ей, у нее была бы возможность отклонить мое предложение подвезти ее, сказав со своим особенным акцентом и ужасной грамматикой что-нибудь вроде: “ранешнее не может снова повториться”, и этим она закрыла бы мне двери. Мне казалось, что при личной встрече ей будет труднее отказаться, потому что желание, которое двигало мной в эти минуты, непременно охватило бы и ее. Впрочем, “непременно”, это сильно сказано. На самом деле я всего лишь надеялся, что она ответит на мои чувства, как просто и естественно ответила на мой поцелуй. Мне и самому было ужасно трудно позвонить ей на мобильник и сказать: “Привет, это Висенте”, потому что я всегда боюсь услышать в ответ: “Кто-кто, простите?” Мои родители дали мне имечко, с которым никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Оно требует чуть больше умственного напряжения, чем другие. В школе, где я учился, не было ни одного Висенте, кроме меня. Только совсем недавно я начал знакомиться с другими Висенте, а быть единственным – не очень хорошее ощущение. В детстве, а особенно в подростковом периоде, мое имя было мне ненавистно, я его стыдился. Это правда – я стыдился своего имени. Я даже подумывал сменить его, но мне в голову не пришло никакой альтернативы. Короче, имя усложняет все с самого начала отношений. Мне трудно произнести свое имя перед женщиной, за которой я ухаживаю. Так с какой, спрашивается, стати она должна помнить мое имя, если я сам не признаю его? Даже поджидая Корину в этой новостройке, я был безымянным сам для себя, и это составляет еще больший разрыв между нами. Наконец-то я ее увидел. Она торопливо спускалась по дорожке с пригорка. Вопреки моим опасениям, Корина ушла с работы даже позже обычного. К остановке подъезжал автобус, и я выскочил из машины, чтобы Корина не села в него.

- Корина! Корина! – громко окликнул я ее.

Она чуть помедлила, прежде чем обернуться. Корина не относилась к призыву на свой счет, потому что не ожидала встретить знакомых в этих краях, и тем не менее, все же обернулась. Увидев меня, она улыбнулась, что наполнило меня радостью и придало уверенности в себе.

- Надо же, ты приехал сюда, – промолвила она, быстро садясь в машину.

- Приехал, как видишь. – Я умирал от желания поцеловать ее, но поскольку она сама не проявляла инициативы, и мы находились недалеко от ее работы, я сдержался. – Хочу пригласить тебя на ужин.

Эта мысль пришла ко мне сходу. До этого я представлял, что перехвачу ее у работы и отвезу домой в честь дня рождения, чтобы этот день не закончился для нее, как обычно, долгим странствием в общественном транспорте, но после совместного обеда и неожиданного поцелуя мне показалось самым что ни есть естественным пригласить ее на ужин.

- Даже не знаю, – ответила она.

Мы покидали район этих затхлых новостроек, оставляя позади сторожей в будке. Сие поселение показалось мне неподходящим местом для любовного наступления. Было здесь что-то такое, что делало нас обоих персонами нон грата. Я не говорю о каком-либо конкретном месте, просто в этом необычном жилом массиве мы с Кориной оба были пришлыми чужаками, и это уравнивало нас. Она была уборщицей-эмигранткой, а я торгашом, не принадлежащим к этому кругу. Я не считаю себя торгашом, но знаю, что кое-кто может охарактеризовать меня именно так. Я говорю о некоторых владельцах этих домов. Тем не менее, мне нравилось находиться с Кориной на одной социальной ступени супротив этой враждебной рати. Это только подтверждало правильность моих идей. У нас с Кориной имелось много общего, и наши чувства могли быть взаимными. У нас был этот вечер, и я сказал:

- Я думаю, мы должны поужинать вместе. Так твой день рождения будет полным. Или, может, у тебя какие-то другие планы с родными? У тебя есть родственники? Я имею в виду здесь, в Испании.

- Мои родные живут в Алькала-де-Энарес, а я в Косладе. [*прим: Алькала-де-Энарес, Кослада – испанские города в автономном сообществе Мадрид на расстоянии чуть больше 20 километров друг от друга*]

- Тогда мы поужинаем, а потом я отвезу тебя в Косладу.

- Не знаю, – снова повторила она, но в ее голосе я отметил весьма значительное сомнение. Ей и хотелось, и не хотелось.

Я ни на минуту не задумался о том, что мы вместе работаем. Я не подумал о том, что на следующий день нам придется снова смотреть друг на друга, как мы делали это каждое утро, и что это, вероятно, тревожит ее. Я еще не настолько прочно вошел в повседневную жизнь Корины, и это мешало ей. Я видел только ее зеленые глаза, восхитительное тело, мягкие, нежные губы. В тот миг я воспринимал ее как подарок, посланный мне из других миров, где повседневные мелкие банальности не берутся в расчет.

11. Путы

Я поужинал с Кориной и добился от нее кое-каких обещаний, не словесных, а телесных. Я пришел к выводу, что ты ложишься с кем-то в постель, не контролируя себя, по недоразумению, но мне безразлично, что первопричина заключается в химии, в гормонах. Природа диктует свое, она хочет, чтобы мужчины оплодотворяли женщин, и человеческая раса продлевала свое земное существование. Мне безразлично, что в постели мы ищем замену любви, которую наши матери и отцы недодали нам в детстве, и таким образом восполняем ее. Это не имеет значения. Дело в том, что во время занятий любовью наши тела ведут себя, как им заблагорассудится. Они познают друг друга, разговаривают, могут давать взаимные обещания независимо от твоего мозга и тебя. Теперь уже не ты, а твое тело владеет ситуацией. Я говорю не о твоих половых органах – в этом с молодых ногтей разбирается каждый – я говорю о чем-то более объемлющем.

Мы слегка перекусили и тотчас же пошли в гостиницу. Корина поддавалась искушению, потому что никогда не была в отеле. Там ей очень понравилось. Отель был современным, а ей нравится все современное. Я наслаждался ее телом, она – моим, а потом Корина рассказала мне о своей жизни, о ныне здравствующих дедушке и бабушке, живущих в Румынии, которым она любила посылать подарки; о том, что в детстве она была изрядным лодырем и забиякой. В школе она была заводилой, хотя теперь испытывает жалость к своим бедным, натерпевшимся от нее учителям, которые никогда не понимали, в чем ошибались. Она рассказывала о своей юности, о раннем замужестве и скором разводе; о дочери-подростке, очень ответственной и старательной, полной противоположности своей матери в ее годы, которая жила с родителями Корины, в Байя-Маре, румынском городе с довольно забавным названием, намекающим, как мне казалось, на его близость к бухте или морю. На деле же там нет ни того, ни другого, потому что на румынском языке название указывает на то, что город находится вблизи огромной шахты внутри страны. Еще Корина говорила о том, что, приехав в Испанию, она чувствовала себя очень потерянной, но открыла для себя религию, которой не существовало при социализме во времена ее детства, и о том, как это открытие полностью изменило ее жизнь. Она рассказала мне о приходском священнике из церкви, куда она ходит, или его преподобии, как величают себя сами служители веры.

Она не скрывала своего восхищения им и тем, какими мудрыми казались ей его проповеди в старом кинотеатре Кослады, куда она заходила иногда по дороге из церкви. Похоже, этот духовный пастырь много рассказывал прихожанам о страхе и различных способах его проявления, о том, как он сковывает нас. Этот тип проповедовал, а она соглашалась с тем, что страх напрямую был связан с желанием, что это были противоположные концы одних и тех же пут. Корина использовала слово “путы”, что показалось мне странным, потому что, как я уже говорил, ее испанский весьма беден, видимо, так выражался святой отец. По ее словам, чем больше ты стремишься к желаемому, будь то вещь или человек, тем больше увязаешь в страхе и, сам того не сознавая, оказываешься на другой стороне, смертельно боясь потерять желаемое, и именно поэтому человеку необходимы путы. Нужно проявлять осторожность и желать не слишком многого, по возможности ничего, потому что страх сродни зверю – по мере того, как ты его кормишь, он в той или иной мере растет, как одна из тех черепашек, что дарят детям, которые поначалу совсем крошечные, а как только начинаешь их кормить, все растут и растут.

- Ты не хочешь потерять столь желанную вещь, и тогда ты боишься, – поясняла она, – и внутренний страх занимает огромную часть тебя самого. И где же разместиться другим вещам? Да нигде! Все занимает страх. Ты похож на черепаху в своем панцире.

Я представлял себе черепашку и обещал, что мы оба позаботимся о кормежке животинки, но думал при этом о другом, воодушевленный первой ночью. Все идеи Корины казались мне прелестными, а сама она ослепительно сверкающей, поскольку была властительницей этих идей. Этот приступ оптимизма вселил в меня уверенность, что я, такой нетерпеливый, смогу обуздать свои будущие желания ежечасно видеть Корину, умерить свою тоску по близости с ней, словом, все то, что происходит со мной, когда я влюбляюсь, потому что мне представляется очевидным, что все пойдет как по маслу.

- Ты так и остаешься в панцире со своим страхом, ты ничего не делаешь, у тебя плохие мысли. Понимаешь? У тебя нет ничего нового. Ты понимаешь или нет, о чем я говорю?

Я понимал... Понимал, что мне безумно повезло разделить с ней постель. Я ничего не сделал или думал, что не сделал ничего такого, чтобы вызвать у нее подобного рода признания, но Корина откровенно говорила обо всем, и этим еще больше нравилась мне. Я уже упоминал, что молчунам предпочитаю разговорчивых людей. Как восхитительна была ее манера говорить в темноте и ее волнение, что я неточно пойму изложенные ею мысли. Я подумал законспектировать как в школе все, что она говорила, чтобы потом иметь возможность перечитывать ее слова точно так же, как снова и снова разглядывать фото, но мы изрядно перебрали, и мне показалось неуместным доставать бумагу и ручку, лежа в гостиничной кровати.

Под утро я, крадучись, вошел домой, но из-за того, что пробирался я излишне тихо, я знаю, что мама слышала, как я пришел. Тихонько прошмыгивая по коридору мимо ее двери, я слышал, как она ворочается в своей постели. Она возилась нарочно, чтобы я знал, что ей известно в котором часу я вернулся. Тут и Паркер поднялся с места и подошел ко мне, чтобы я надел на него ошейник и вывел на прогулку. Сегодня бедняга Паркер провел без прогулки много часов. В силу своей лени и флегматичности пес терпелив, но я испугался, неожиданно увидев в своей комнате его влажные, поблескивающие как карамельки глаза. А что, если Корина права, и мое желание оборачивалось слепотой к нуждам других, самое малое, моей собаки, например? Нет, во мне должно уместиться все: любовь и ответственность. Я входил в новый жизненный этап, в котором не испытывал бы страха и тревог иной любви, потому что держал бы на замке свое желание.

Я надел на Паркера ошейник, и мы вышли на улицу. После ночи любви с Кориной на тихой и темной улице любовь и привязанность пса показались мне сильнее обычного, и я представил себе жизнь с Кориной и Паркером, как мы прогуливаемся втроем по парку среди недели и за городом по воскресеньям.

Я наклонился, подбирая делишки Паркера, когда услышал голос Хосе Карлоса:

- Вот это да! Ты знаешь, сколько времени, а? Что ты делаешь в среду на улице в предзакатный час?

- Я познакомился с девушкой, – не сдержавшись, ответил я.

- Да что ты говоришь? – он крутанулся на своем инвалидном кресле, чтобы лучше видеть меня. Думаю, я не говорил, но Хосе Карлос приспособился к креслу и неплохо справляется. У него есть один физический недостаток, хотя меня смешит, что сам он называет его “дефицитом-не”. У него с рождения недоразвита мускулатура. Когда мы были детьми, ему удавалось ходить и даже бегать, довольно ловко двигая ногами от бедра, но когда он подрос, ему пришлось смириться с инвалидным креслом. Если ты посмотришь на его ноги, то увидишь две тощих палочки, совсем не имеющие мускулов, тем не менее, не знаю как, но летом в любой компании он всегда умудрялся быть на высоте. Апофеозом было то лето, когда самая красивая в бассейне девочка была с ним. Ее звали Хункаль, и ты по ее имени можешь представить, какой она была. С того времени Хосе Карлос всегда гулял с женщинами, потому что встречи с ними сильно придают решимости в жизни.

Только не в моем случае, как я говорил. Моя юношеская любовь вырвалась на волю в шестнадцать лет от неожиданного поцелуя Лурдес. Потом мы встречались с ней два с половиной года, с шестнадцати почти до девятнадцати лет; думается, я об этом уже говорил. Потом мы расстались. По глупости я думал, что на время. Я верил в то, что она мне сказала, мол, ей нужно “подумать”, однако разрыв наш оказался окончательным. Ее отец был военврачом, и они переехали в Валенсию. Лурдес поступила в тамошний университет, который, по моим представлениям, успешно окончила, вышла замуж и обзавелась детьми. Я говорю “по моим представлениям”, потому что для меня было невыносимо больно даже подумать о том, чтобы снова услышать ее голос. С тех пор, как она покинула Мадрид, подтвердив заодно, что оставила и меня, я больше не звонил и не писал ей, не расспрашивал о ней друзей или ее бабушку, увидев невзначай, что они идут мимо магазина.

Со временем смерть моего отца и уход Лурдес отодвинулись на второй план. Помните тот эпизод во сне, который так хорошо запомнился моему отцу, – день, когда Лурдес взяла меня за руку? В действительности в тот день отца уже не было в живых, и дела мои были из рук вон плохи. Узнав, что отец умер, Лурдес пришла ко мне домой, чтобы быть рядом со мной. Полагаю, ее родители, как и все остальные, были настолько шокированы этим фактом, что будучи людьми достаточно традиционных взглядов, тем не менее разрешили дочери провести эту ночь со мной, словно она, поддерживая меня и по-своему перенося утрату, могла облегчить боль. И она ее облегчила, по крайней мере на какое-то время. На следующий день в ритуальном зале я попытался поцеловать Лурдес, но она деликатно уклонилась. Не так явно, потому что нужно было иметь в жилах ледяную кровь, чтобы открыто оттолкнуть человека, чей отец совсем недавно скончался и сейчас лежал в гробу в четырех метрах отсюда. Она просто слегка повернула в сторону лицо, так что мой поцелуй пришелся не в губы, а в щеку, и мягко, но решительно убрала мои руки со своей спины, оставив меня стоять с глупым видом и нелепо вытянутыми вперед руками. Если бы кто-то увидел меня в подобной позе, я сгорел бы со стыда. Это был первый признак перемены, ее отдаления от меня, как она того и хотела. Но кто в настоящее время вспоминал о Лурдес? Встреться она мне сейчас на улице, я, пожалуй, даже не узнал бы ее. Нет, Лурдес не является душевной раной всей моей жизни, хотя, закончившись, наша с ней юношеская связь заставила меня пострадать.

Ничего общего с Кориной. Корина – совсем другое дело. Мне очень хотелось, чтобы быстрее наступил завтрашний день. Возможно, мы снова пойдем ужинать или что-нибудь перекусим, прежде чем... Впрочем, это будет где-то еще. Мне не по средствам ходить каждый вечер в отель NH. Где бы нам переспать? Рано или поздно, мне придется поговорить с мамой, потому что Корина жила в

квартире вместе со своими землячками, и одним из условий их совместного проживания было не водить домой никаких гостей. Оно и понятно. Парень, который остается у тебя ночевать, потом принимает душ, тратит свет и воду, пьет кофе, пользуется газом, занимает жилплощадь, не платя ни копейки. Этот вариант был невозможен. Кроме того, Корина не только женщина, имеющая четкие убеждения, что очень мне подходит, она еще и осмотрительная. Когда я отвозил Корину домой после отеля, она заставила меня высадить ее в нескольких домах от своего подъезда, чтобы никто не видел, как она выходит из моей машины.

- Я не хочу сплетен, – коротко сказала она. – Никто не должен знать о моей жизни, не то потом узнают в Байя-Маре.

Думаю, она имела в виду, чтобы об этом не узнала там, в Румынии, ее четырнадцатилетняя дочь, ведь как ни странно, Корина была матерью, хотя ничто в ее облике не выдавало мать юной девушки. Должно быть, это невероятно здорово иметь детей, будучи очень молодым, потому что потом, уже обзаведясь детьми, ты и дальше будешь оставаться молодым. Что касается меня, то этому уже не бывать. Как и множество моих друзей, случись со мной такое, я буду поздним отцом. Но, коль скоро, речь обо мне, то я должен сказать одну вещь: сегодня ночью я вдруг понял, что тоже хотел бы быть отцом.

Пусть я поступил опрометчиво, но я сказал Хосе Карлосу:

- Она разведена, у нее есть дочь, и я, не знаю почему, вдруг вижу себя вместе с ней и нашими детьми.

- Ну ты даешь – быстро шагаешь, – восхищенно присвистнул Хосе Карлос, восторгаясь моей идеей. Ничто не доставило бы ему большее удовольствие, чем видеть меня окольцованным. – И где ты с ней познакомился?

- В магазине, – односложно ответил я, не желая вдаваться в подробности. – Знаешь, я так рад, мне кажется, что в этот раз все может быть иначе.

- Я тоже очень рад за тебя, Висенте, – серьезно произнес Хосе Карлос. – Давно пора. Плохо, когда человек один. Одиночка становится нетерпимым, у него мания непримиримости. Нужно с кем-нибудь делить свою жизнь.

Я слушал друга, и с каждым его словом перед мысленным взором возникала картина моей размеренной и гармоничной семейной жизни с Кориной.

- Тут такое дело, я хочу снова пригласить ее на свидание, но есть одна загвоздка – куда ее отвести? Мы оба живем в квартире не одни, и я не миллионер, чтобы каждый день шляться по отелям, а заниматься этим в машине мы уже стары, – поделился я с другом беспокоившей меня проблемой. Хосе Карлос достал из кармана связку ключей и торжествующе потряс ею передо мной:

- Выше нос, старина, а моя квартира на что?

- Черт, дружище, я так тебе благодарен!

Я не просил его об этом открыто, но именно на это я втайне и рассчитывал.

- Даже если я буду дома, вы устроитесь в комнате для гостей. Мне это не мешает.

Я молча обдумывал сделанное от души предложение. Даже если Хосе Карлосу не мешает присутствие в доме парочки занимающихся сексом людей, то меня волнует сама мысль о находящемся поблизости свидетеле, правда не так как Корину. Корина беспокоится о том, чтобы избежать толков и пересудов, а я потому, что в моем плане ясно черным по белому прописано, что мне в этом деле нужна автономия, так что сами понимаете – сидящий под боком в гостиной, уставившись в телевизор, или шуршащий у себя в комнате Хосе Карлос, мне как кость в горле, то еще удовольствие. Я буду чувствовать себя так же неуютно как каталонцы и баски в Мадриде. Быть полностью независимым и пользоваться тем, что тебе предоставляют, вовсе не одно и то же, последнее очень тягостно и неловко. [*прим: здесь, по-видимому, намекается на различие катильского, каталанского и баскского языков и возможные политические разборки внутри страны*] Однако я тут же изгнал из головы эту скверную мысль, вспомнив, что у меня не должно быть ни страха, ни предубеждений, и самое главное для меня – иметь планы и цели. Не это ли говорила Корина? Если не это, то что-то подобное. У меня уже имелось две цели. Да что я говорю – не две, а три! Выкупить магазин, съехать из маминой квартиры, жить с Кориной. Как мне нравилась мысль снова побыть с ней наедине. Вдвоем, и только вдвоем, как влюбленным и любовникам.

12. Охотник за привидениями

- Ну слава богу! Вчерашний день прошел, а то домосед-то наш как разгулялся... – ехидно воскликнула мама на следующее утро, когда я готовил ей завтрак. – Тебе, должно быть, плохо, бедняжке.

- Нет, мама, не плохо, потому что я не пил, – соврал я, – а если ты не пьешь, то чувствуешь себя хорошо, даже если мало спал.

- А вот мне, если не выплусь, и жизнь не мила, ничего не хочется, – заметила она, и это чистая правда. Если мама не поспит восемь-девять часов, она ничего не соображает, бродит себе вялая и заспанная.

- Сегодня к тебе в магазин придет помогать эта румынка, так ведь?

Меня напугал ее неожиданный вопрос о Корине. У меня и в мыслях не было снова связывать Корину с моей матерью. Они были как две обособленные друг от друга вселенные. Какой идиотизм – ведь если я думал сойтись с Кориной и жить с ней как обычные люди, то мама первой узнала бы об этом, и вовсе не потому, что она была моей душевной подружкой. Как бы не так! У меня вызывают подозрение люди, которые считают себя лучшими друзьями своих детей, это просто невозможно. Мама узнала бы об этом, потому что мы живем с ней в одной квартире, а я прямо сейчас собирался поменять свой образ жизни. Я чаще уходил бы из дома, вероятно, каждый день брал бы машину, чтобы по вечерам подвозить Корину на работу, а потом забирать ее из того лощеного квартала, и быть может... Планы, проекты, замыслы. Мне хотелось заранее распланировать то новое время, что открывалось перед нами обоими.

Хотя в эту ночь я поспал всего ничего, в магазин я пришел как никогда рано и принялся надраивать его сверху донизу. Я собирался преподнести Корине сюрприз. В суматохе импровизированных событий вчерашнего дня Корина не вымыла тарелки из-под торта и кофейные чашки и в, так называемом, офисе царил небольшой беспорядок. Я навел чистоту и даже прошелся по полу шваброй – хорошенькое дело, которым я занимаюсь крайне редко, и то исключительно в доме сестрицы, когда нянчусь с ее детьми. Когда чуть позже пришла Корина, она была поражена.

- А ты умеешь отлично убираться.

- Наоборот, терпеть не могу застилать постель. У меня никогда не получается. Мне больше нравится разбирать ее... – пошутил я и засмеялся. Я думаю, она не поняла соль моей шутки, потому что не рассмеялась в ответ.

- Кто это – охотник за привидениями? – живо спросила она, глядя на календарь, где был отмечен день его прихода.

- Охотник за привидениями? Это один человек из конторы по уборке помещений. Иногда он приходит сюда, чтобы собрать всю пыль. Он носит очень смешную маску, и... – Корина не дала мне закончить.

- Он придет сегодня? – снова спросила она. – Но тогда ты потратишь деньги впустую. Все и так чисто, посмотри.

Все было именно так. С тех пор как Корина работала в магазине, пыль уже не скапливалась как прежде, и “охотнику”, приходившему теперь регулярно, потому что за работу он брал по-божески и, по правде говоря, мне нравился, находилось мало работы.

- Уволь этого человека, – посоветовала Корина. – Он больше не нужен.

- Да, но при таком положении вещей, не думаю, что у этого бедняги достаточно клиентов. Кроме того, я не известил его заранее, так что он, вероятно, вот-вот появится на пороге.

Я всегда представлял этот наш с “охотником” разговор и волновался. Я замолчал, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Корина воспользовалась моими сомнениями и нерешительностью.

- Сиди в подсобке, я сама поговорю с ним. Скажу ему от твоего лица, чтобы он не убирал сегодня и поблагодарю. Нет проблем. Он же меня не знает.

- Естественно, не знает, но, если я ему не заплачу, этот человек будет разочарован. Он отказался от других заказов, Корина, чтобы выполнить наш. Ты только представь, сколько времени мы заставляем его терять, плюс бензин, чтобы приехать сюда, плюс плата за стоянку, плюс...

- Бензин оплачивает компания, – без тени сомнения возразила Корина. – Стоянку – тоже. Молчи. Ведь этот фургончик его?

Корина вытолкала меня в подсобку. Я послушался ее, но нервничал так, что у меня вспотели руки. Я услышал звук отрываемой двери и звон колокольчиков, отгоняющих злых духов. Я перекрестился, сам не знаю, почему. Я в жизни своей не ходил к мессе, даже не причащался, но в экстремальных ситуациях рука сама тянется вверх. Почему эта ситуация казалась мне экстремальной?

В полумраке нашего чуланчика я повторял сам себе, что этот человек в маске сталкивается с подобной ситуацией каждый день, и что я, как и любой другой, был абсолютно прав, сказав ему, что по собственному желанию отказываюсь от его услуг. Я уже достаточно сделал для него, нанимая на работу прежде только потому, что маме уже не удавалось хорошо убраться на самых верхних полках и из-за его болтовни, что, в сущности, так и было. Мне нравилось болтать с ним: он рассказывал о том, как живут те, у кого он работал, потому что он видел все до самых распоследних уголков. Многие из его клиентов были людьми состоятельными и могли позволить себе подобную роскошь, а я всегда сгорал от любопытства узнать, как живут другие, особенно богачи, но мне хотелось знать, как они живут в обычной повседневной жизни, а не так, как об этом трубят в журнале “Hola!” Про себя я

твердил, что эти богачи точно не уволят его, что ему же лучше, что я освободил место в списке дел, чтобы он мог приходить в новый особняк недалеко отсюда, или к каким-нибудь адвокатам-аллергикам в просторный конторский кабинет, отделанный ценной древесиной. Но ни одно из этих правильных слов не успокаивало меня. Я мог слышать голос Маноло, потому что его звали Маноло, нет, не звали – зовут. Надеюсь, он продолжает жить, потому что этот “охотник” Маноло заслуживает того. Он был и остается славным малым. Он сплетник самую малость, немного задавака, чрезмерно горд для жизни со смешным пылесосом, но все-таки приятный парень... Итак, я мог слышать его голос. Маноло спрашивал Корину:

- Это точно, что он ничего мне не оставил? Очень странно.

- Он говорит, что тебе не нужно приходить убираться, потому что здесь работаю я, и везде чистота.

- Послушай, дорогуша, я не думаю, что ты убираешь чище моего пылесоса. Вот что я тебе скажу, если я буду приходить сюда раз в месяц, у тебя будет меньше работы. Сечешь, о чем я говорю? Мой приход сюда в первую очередь в твоих интересах, в твоих, поняла? Ты же не знаешь, что здесь было, когда я впервые пришел сюда. Нужно поменять хотя бы фильтр, я уж не говорю о большем. А фильтры заводские, сечешь? Тут это... паутина была повсюду. Мать с сыном не убирались здесь со времен свадьбы святого Исидора. [*прим: святой Исидор, Исидор Мадридский (ок.1070 – 1130гг) – покровитель Мадрида и всего крестьянства*]

Корина молчала, и я представлял ее суровый, непреклонный взгляд, каким она может смотреть, когда ей это выгодно, или когда в магазин заходит какой-нибудь хулиганистый подросток, попрошайка или разносчик рекламных листовок. Однако Маноло тоже был крепким орешком, и продолжал гнуть свое:

- Послушай, давай сделаем вот что – ты ничего не говоришь, сегодня я беру себе половину, а половину оставляю тебе, и если захочешь, то через месяц я приду снова.

- Шеф сказал – нет, нет и нет. Я передаю только то, что сказал шеф.

- А во сколько ты уходишь? – неожиданно спросил Маноло.

Вот невезение – как на грех ни одного клиента! Хоть бы кто-нибудь вошел, чтобы разрушить сложившуюся ситуацию, и чтобы Маноло с его наглой рожей, собиравшийся хамить и дальше, убрался отсюда.

- Между прочим, меня зовут Маноло. А тебя?

Я был возмущен до глубины души. Да кем он себя возомнил, этот чертов Маноло? Он мог спрашивать, как ее зовут, только в своекорыстных целях, а это больше, чем может вынести какой бы то ни было человек.

- Корина, – ответила она со свойственной ей уверенностью, которая может означать и обещать что угодно.

Сердце в моей груди разрывалось, уши горели. Ни с того ни с сего я сказал себе: “Ну все, довольно! Если сейчас не войдет ни один покупатель, то войду я сам и снесу ему башку”. Донельзя взбешенный, я пулей вылетел на улицу через заднюю дверь и снова вошел в магазин через основную, тем самым напугав Корину.

- Как дела, Маноло? Что нового? – произнес я, почти не задыхаясь от быстрого бега, который мне по душе, но я растерял весь свой боевой задор, едва завидев Маноло с его уродливым пылесосом.

- Висенте, дружище, Я думал, что не увижу тебя. Я поговорил здесь с твоей продавщицей, и она сказала, что ты уже не нуждаешься в уборке магазина.

- Да, тут случилось кое-что. Ну ты и сам знаешь, Маноло, как оно бывает...

Он не дал мне объяснить все до конца, на корню похоронив все заготовленные мною фразы. Он вытянул из меня энергию как высасывал пылевых клещей из офисных ковров.

- Я, конечно, все понимаю, но кто оплатит мне сегодняшний приход? Я проделал такой путь, Висенте. Скажи ты мне об этом вчера, и не было бы никаких проблем, а сегодня, понятно дело...

Признаю, вместо того, чтобы оторвать ему башку, я уступил. Он проволоч свой проклятый пылесос по всему магазину, пока я глотал свое достоинство. Корина молча взирала на нас. На меня – с безразличным пренебрежением из-за моей слабости, на него – с оскорбительным презрением из-за того, что он прощелыга. И хуже того, собравшись заплатить этому пройдохе, чтобы это был его последний визит, я понял, что у меня нет ни гроша, потому что я все потратил прошлой ночью с Кориной. Мне пришлось стрелкнуть деньги из кассы, потому что я ни на минуту не хотел оставлять этого бабника-авантюриста наедине с моей девушкой. Я вдруг осознал, что прошлой ночью был не просто трах в порыве влечения, мне хотелось, чтобы Корина и в самом деле стала моей девушкой, как назвал бы ее Хосе Карлос. Как только “охотник за привидениями” ушел, я решил сказать ей: “Корина, я хочу встречаться с тобой”. А может, так будет лучше: “Корина, хочешь со мной встречаться?” Я понимаю, что эти выражения уже не в ходу. Сегодня у двух взрослых людей есть выбор, и я мог бы

сказать нечто такое: “Корина, я хочу снова увидеть тебя”, но я и так видел ее каждый день, и это было бы чересчур.

Когда несносный тип ушел, я повернулся к Корине и, стараясь придать себе как можно более непринужденный вид после только что пережитой неприятной ситуации, пояснил, отчасти пытаясь оправдать свое поведение:

- Вот приставучий. Как мне хочется навсегда потерять его из виду. Корина, ты подала отличную идею. Бегущему врагу – серебряный мосток, как говорится, скатертью дорожка.

Она ничего не ответила. Мне думается, Корина не поняла поговорку, но она так горда, что скорее лопнет, чем переспросит. Мои слова не говоря, она пошла варить себе кофе. Я счел вопрос исчерпанным и сменил тему. Я был заинтересован в своем продвижении к намеченной цели.

- Ты очень устала? Я забыл тебе сказать, чтобы ты не приходила сегодня, если захочешь, осталась бы дома, выспалась, ведь вчера мы легли очень поздно...

Любому ясна цель моего высказывания – этим я недвусмысленно намекал на возобновление наших только что завязавшихся отношений. Когда утром Корина, слегка припозднившись, вошла в магазин, мы не поцеловались. Я не придавал этому особого значения, во-первых, потому, что еще в кровати мы обсуждали этот вопрос и договорились не поддаваться страху, а во-вторых, для меня было вполне очевидным, что работа для Корины – это святое. Мы не собирались менять меньше чем за сутки заведенный нами распорядок. Не прошло еще и двадцати четырех часов, как я впервые поцеловал Корину, и вот я снова вижу ее. Я подумал, что это было удачей, неслыханной удачей. И еще я подумал, что Корина была самым лучшим в жизни материнским подарком, за который я когда-нибудь поблагодарю ее. Это произойдет в тот день, когда я без какого-либо формального повода приведу Корину к нам домой просто пообедать. И тогда я скажу: “Мама, спасибо тебе за то, что настояла на своем, и Корина пришла в магазин”. Я смотрел на Корину, а она подогревала молоко, поскольку уже знала, что мне нравилось горячее молоко.

- Вчера... Ночью... – запинаясь, пробормотал я. Мне было нелегко подобрать нужные слова среди беспорядочно теснившихся в груди. – Корина... Я хотел сказать... Я очень рад, что ты здесь... Мне нравится, что ты рядом... Совсем близко от меня... И чем ближе, тем лучше.

Я сделал несколько шагов, чтобы подойти к ней поближе, но в этот самый момент Корина сняла кастрюльку с огня; пар от вскипевшего молока стеной вырастал между нами, и я остановился. Теперь уже Корина смотрела на меня с лукавой, слегка насмешливой улыбкой, словно говоря: “Ты думаешь, я не понимаю, что происходит?”

- Глупыш... – Поначалу я испугался, не понимая, к чему отнести ее слова. – На этом типе ты мог сэкономить деньги.

Я почувствовал огромное облегчение – Корина не ругала меня за то, что я завлекал ее, стараясь соблазнить. Хотя соблазн и влечение были обоюдными, а мы оба – взрослые люди, я могу чувствовать себя виноватым за любой скверный поступок, совершенный в радиусе пятидесяти метров, километров или тысяч километров от меня по мере необходимости. Сейчас Корина говорила об “охотнике за привидениями”, о котором я уже забыл.

- Я уже почти все уладила, – пожурила она меня, но, как я говорил, ее упрек прозвучал для меня не горьким осуждением, а райским медом.

- Понимаешь, я слышал ваш разговор, этот тип приставал к тебе, – пояснил я.

- Висенте, я и сама могу постоять за себя.

Корина назвала меня по имени, а поскольку мне мое имя не нравится, для меня оно прозвучало странно, фальшиво. Мне нравится, когда женщины называют меня любимым, милый или жизнь моя и все такое, даже толстячком, что терпеть не может большинство людей. И когда только Корина назовет меня любимым, милым или своей жизнью? Впрочем, возможно, мне никогда не удастся услышать от нее эти слова, произнесенные легко и непринужденно, потому что у нее другой родной язык. Но, может быть, она скажет мне иные слова, по-румынски. У Бланки был заскок называть меня Винсенсо, и как я понимаю, в равной степени для Корины я мог бы быть Висентеску.

- Я это знаю, Корина, поэтому ты мне и нравишься. Очень нравишься. Это я и хотел тебе сказать.

Она ничего не ответила, но мне это было неважно. Я сказал ей правду. Я вспомнил о рекламке, написанной от руки синей шариковой ручкой, которую все еще хранил. Когда в два часа дня Корина ушла, я в волнении поцеловал листок.

13. Подарки

Хотя все начиналось в день ее рождения, я, по правде говоря, ничего не подарил Корине. Подумать только, у меня была женщина, которой я был счастлив подарить что-нибудь. Словом, сегодня я наскоро пообедал с мамой и прогулялся с Паркером, глаза на витрины. Выбрать подарок было нелегко, потому что я не знал, что нравится Корине, не знал ее вкусов и предпочтений.

В пять часов я вернулся в магазин с пустыми руками, но не придавал этому значения, ведь впереди у меня было множество дней, чтобы удивить Корину. По сути дела, чем дальше уходил в прошлое день ее рождения, тем неожиданней оказался бы для нее мой подарок, произведя тем самым наибольший эффект. “Особенный подарок для особенной женщины” мог бы написать я в приложенной к подарку карточке. Я обдумывал, каким образом вручить подарок Корине: может, спрятать на какой-нибудь полке среди чернильных блоков и обложек, а потом попросить ее переставить их. Так она уткнется в мой подарок прямо носом. Это будет все равно, что сказать ей о своей любви и о том, что я могу ей дать.

Прошло несколько дней, прежде чем я придумал для Корины отличный подарок. В эти дни мы несколько раз целовались в подсобке. Я, скорее, выкрадывал у нее эти поцелуи, нежели она дарила их мне, потому что, насколько мне известно, наше положение патрона и служащей со стороны могло выглядеть несколько неравным. Конечно, сейчас я замечаю, что инициатива всегда исходила от меня. Корина запретила мне провожать ее на работу в тот отвратительный район и, признаюсь, что мне это было безразлично, потому что до смерти не хотелось каждый день в два часа выводить машину из гаража и в час пик пилить через весь город на другой его конец. К тому же это означало оставить мать одну в обеденное время, самое тяжелое для нее, потому что, с одной стороны нужно было гулять с Паркером, а с другой, еда для матери такая мелочь, что не приготовить ей филе или не разогрей гуляш с картошкой, она запросто перекусит одним кексом со стаканом молока, усевшись перед телевизором.

Мама пристрастилась смотреть телевизор. У нас есть платный футбольный канал, а по мне так он и даром не нужен. Я не в восторге от футбола, меня больше интересуют фильмы и сериалы, но за долгие годы мне пришлось приобщиться к этому виду спорта вкупе со всей никчемной шумихой, производимой вокруг него. Даже женщины уже высказывают свое мнение о тренерах-знаменитостях и их тактических указаниях в раздевалке. Не будь днем футбола, и у меня возникло бы множество проблем в общении. О футболе говорят все – покупатели, поставщики, соседи, даже парень из Минфина и тот говорит о футболе, и зятя туда же, каждый болеет за какой-нибудь клуб. Один мой племянник болеет за “Мадрид”, другой за “Барсу”, а младшенькая за “Атлетик”. Прибавьте к ним еще лечащего врача, банковского служащего, таксиста, киоскера, продавца рыбы, ветеринара и... Короче, если у тебя есть магазин, в который приходят люди, тебе не остается ничего другого, кроме как целый день обсуждать с ними волнующие их темы. У тебя нет иного выхода, в противном случае ты закончишь тем, что у тебя будет магазин канцтоваров XX века, а не XXI, к чему я тогда стремился. Но это уже другая тема, которую я оставляю до лучших времен. Как я сказал, мама теперь проводила много времени, глядя телевизор. Она смотрела все фильмы подряд – испанские, чешские, американские, японские, словом, все, что под руку попадались. Она была одержима ими, еще когда был жив мой отец. Когда я был ребенком, они почти каждый вечер ходили смотреть какой-нибудь фильм, а потом, когда она овдовела, ее круг общения сузился, она перестала ходить в кино. Мы все перестали ходить в кино, но это было непреднамеренно, просто получилось как-то само собой, но с мамой все было иначе. Казалось, потеряв мужа, она утратила интерес к определенным вещам. С некоторыми женщинами ее поколения такое случается. Ты даже не понимаешь, были это их личные интересы, или они подстроились под интересы своих мужей, словно их собственная жизнь и желания стирались двумя словами “да, хочу”. Я не собираюсь толкать здесь пламенные феминистские речи, которые так по душе моей сестре, я только говорю, что, порой, очень трудно распознать самую родительскую суть. Это же происходит сейчас у меня с моей матерью: она с такой готовностью приспособливалась к своему мужу и его привычкам, что для нас осталось непонятным, кем же была она сама. Когда-нибудь мы, возможно, и поймем. Как бы то ни было, а подстроиться под моего отца было не так уж плохо, потому что он водил тебя по разным интересным местам, не только в физическом плане, но и в духовном, потому что отец был человеком, прежде всего, любознательным. Отец открывал двери нашего дома самым разным людям, как будто дом был ярмаркой или парком развлечений, и когда он умер, то ключи от этой ярмарки унес с собой.

Я нашел отличный подарок для Корины. Я хотел подарить его ей в выходные. Например, в субботу, после закрытия магазина, мы сходили бы куда-нибудь пообедать. Хосе Карлос дал мне ключи от своей квартиры на случай, если мы захотим побыть там после обеда и даже провести целую ночь, если Корина того пожелает. А почему она не захочет? Мы оба – взрослые люди и не связаны никакими обязательствами, которые могли бы нас остановить. У нас нет родителей, которые могли бы помешать нам, потому что мою маму, как я уже говорил, подобные вопросы не волнуют. Но я не учел религиозные убеждения Корины, и это было большой промашкой. Она то ли из протестантов то ли из кого-то там еще, чья вера, мало того, что запрещает ей есть свинину и морепродукты (хотя я, ей-богу, никогда не пойму, что общего у Бога с морепродуктами), но, по-видимому, запрещает ей также пить спиртное. Слушайте, я не какой-нибудь выпивоха, я не хмелею и не напиваюсь до бесчувствия,

словом, у меня нет проблем с алкоголем. Я во всем предпочитаю умеренность, и в джин-тонике, в том числе, но для амурной жизни очень важно немного раскрепоститься, особенно в самом начале, чтобы расхрабриться и избавиться от смущения и стыда.

- Но мы же пили “Ламбуско” в день твоего рождения, – заметил я.

- И это было большой ошибкой, – ответила Корина. – Я думала, что “Ламбуско” не содержит алкоголя. И сегодня не день рождения... – Она не договорила.

- Хорошо, неважно, что мы не можем есть блюда из морепродуктов и пить “Альбариньо”. Я буду то же, что и ты, я уважаю твои верования, – настаивал я. – Я поведу тебя обедать, куда захочешь. Ну же, Корина, скажи, куда ты хочешь? В итальянский ресторанчик? Мексиканский? Давай пойдем в японский! Ты когда-нибудь ела японские блюда? Они очень специфические. – Я был готов вывернуться наизнанку, бросаясь из одной крайности в другую.

- В ресторанах ты потратишь много денег, – рассудила она.

- По-моему, сходить в ресторан раз в неделю не слишком расточительно, – уламывал я ее. – Не волнуйся из-за денег, я приглашаю.

Взглянув на меня, она совершенно неожиданно выпалила:

- Я не могу встретиться с тобой ни в субботу, ни в воскресенье. В эти дни я хожу в церковь.

- Как так? Ты что, все выходные целыми днями проводишь в церкви?

- В эти выходные я не могу, лучше в другой раз.

В следующие выходные был день рождения невестки, которая, вроде, была одной из тех, с кем Корина делила квартиру, а поскольку ее собственный день рождения был совсем недавно, то оба праздника они отмечали вместе на большой вечеринке, запланировав это заранее, чтобы им прислали блюда аж из самой Румынии. Кушанья, которые они не нашли здесь и которые, по-видимому, являются самыми вкусными, так как есть люди, которые едут за границу и тратят массу энергии на то, чтобы воспроизвести тот образ жизни, что остался позади. Я не из их числа. Если бы я поехал учиться в английский институт, как планировал в семнадцать лет, то бежал бы от всего испанского как от чумы. Ни к чему все это. Какой смысл в подобной суррогатной жизни? Я понимаю, что туризм и эмиграция – разные вещи. В смысле, приземление в чужой стране ненадолго с заранее известной датой возвращения, потому что ты этого хочешь, совсем непохоже на твое оседание в этой стране на неограниченное время с непременным разрушением всего твоего. Но мне, лично, нравится приспособливаться, и нравятся интернациональные пары, которые составляют люди разных культур. Мне нравятся, например, англичане, которые женятся на испанках, и француженки, выходящие замуж за испанцев. У моих родителей было много таких друзей. Эти люди приезжали в страну, скорее всего, в отпуск или учиться, потом влюблялись в кого-нибудь здешнего и оставались в наших краях на сорок лет. Хотел бы я стать одним из таких уроженцев для Корины – ее причиной полюбить Испанию, чувствовать себя здесь не эмигранткой в Косладе, а как дома, и даже лучше, чем в родной стране. С годами, рядом со мной ее страна, я уверен, стала бы казаться ей далеким местом, которое трудно узнать, потому что ее домом был бы я. Конечно, Корина не могла есть самый лучший окорок или ветчину. Ни лучший, ни худший. Я имею в виду, что Корина воздвигла перед собой некие преграды для приобщения к испанцам, что отнюдь не облегчало мою задачу.

- Корина, а что еще ты знаешь в Испании кроме Мадрида?

- Сорию, – тут же ответила она. [*прим: Сория – город в Испании, административный центр провинции*]

- Сорию?

- Я работала в одной семье, у которой был дом в Сории. Маленький такой городок. Пустой, никого из людей. И там очень холодно. Мы часто ездили туда на выходные. Но мне он нравился.

- А как же церковь?

- Что церковь?

- Ну, твоя церковь. Разве ты не должна была ходить к мессе по субботам и воскресеньям?

- Пастор разрешает мне не ходить, если я работаю.

- Вот как.

- Если я не работаю, то другое дело. Тогда это грех, это означает, что ты недостаточно считаешь бога, ведь церковь – его дом.

Пастор? Да что он на себя брал? Корина говорила очень серьезно, убежденно и даже несколько вызывающе, словно ей было чуточку досадно от того, что она должна объяснять мне такие очевидные вещи. Ее немного резкие, надменные жесты, прежде бесившие меня, теперь казались мне очаровательными. У меня были свои маленькие победы – мне удалось сломить ее серьезность, силу, практичность, уговорить ее съесть вегетарианскую пищу и провести часть ночи со мной в современном отеле, но я не собирался об этом говорить. Корина была во всеоружии, но я знал, как ее разоружить. Это был вопрос терпения и умения ждать.

- Ты нетерпелив, – неоднократно говорил мне Хосе Карлос, этот гуру наших дней в любви. – Ты

без промедления давишь на девушек и смущаешь, используешь стратегию мягкости, а это не котируется на бирже одиночек. Не ценится, и не будет цениться.

То, что я называю, быть внимательным и нежным, по словам Хосе Карлоса означает позволять женщинам вытирать о себя ноги, поэтому, дескать, они теряют ко мне уважение и интерес.

- Ты их торопишь.

Это было не так. Если кто-нибудь тебе нравится, и этот кто-то звонит тебе, шлет сообщения, в общем, клеится к тебе и хочет с тобой встречаться, то этим он не давит на тебя, он просто старается порадовать тебя. Если же он (или она) не радует тебя, значит, этот человек тебе не нравится, и что она или он могут сделать, чтобы пробудить твой интерес? Это – чистая правда, и это так тяжело. Возможно, я неправильно представлял и выстраивал свою любовную историю и всегда обращал внимание на девушек, которые в действительности не ставили меня ни в грош, а те, которые обрадовались бы моему предложению пообедать в субботний полдень в японском ресторанчике и провести сиесту со мной в постели, находились в других местах, и я их не знал. Подростком я познакомился с Лурдес, потом с Патрисией, потом с Пилар, которая была самой красивой из всех, но также и самой капризной, потому что сама не ела, и другим не давала. И последняя – Бланка. В перерывах у меня случались краткие отрезки спокойной жизни, когда я приходил в себя, потому что обычно даже в периоды одиночества женщины или мысли о них давили на меня значительно сильнее, чем я давил на них, будучи мягким и пушистым, и, в конечном счете, выматывали меня. Как сказал мне во сне отец, “они тебе нравятся, но не позволяют поймать себя. Девушки, они как бабочки”.

У меня был подарок для Корины, вот только не было самой Корины. Была суббота. Я вышел из магазина, запер дверь и включил сигнализацию. Хосе Карлос уехал на выходные со своей пассией, и у меня не было никаких планов. Звонить приятелям до смерти не хотелось, потому что встречаться с семейными парами зачастую довольно тяжело. К тому же я знал, что буду вспоминать то, что происходило совсем недавно. И это было правдой, потому что целовать Корину, ласкать ее тело вызывало во мне доселе не испытанные чувства. Я направился восвояси, но вдруг вспомнил, что должен зайти на минутку в соседний магазин. Думается, я уже говорил, что наш магазин канцтоваров находится на улице не слишком многолюдной, и в этом квартале мы все еще знаем кое-кого в лицо. В примыкающем к нашему зданию есть салон красоты. Это маленький независимый салончик, не принадлежащий сети подобных заведений, он существует сам по себе. Я хочу сказать, что он не является одним из многочисленных привилегированных акционерных обществ с кучей акционеров, но лицо и руки у него имеются. Владелицами салончика являются две сестры, Лаура и Эва, приблизительно моего возраста. В данном случае мне важны руки, потому что в салоне красоты работают руками. Я это знаю, пусть и заходил всего в один. В салон на своей улице я зашел исключительно по рабочим делам, я не из тех нынешних парней, которые делают себе депиляцию. Хосе Карлос, к примеру, удаляет волосы на спине, потому что это, надо думать, не нравится его возлюбленной подруге, а он, как подкаблучник, делает то, что велит Эстер, чтобы потом трезвонить мне о моей мягкотелости. Поскольку на моем теле нет избытка волос, к соседкам я отношусь не по-свойски, а исключительно как к коллегам, и только. Нам никогда не удавалось сблизиться, “привет” и “пока”, вот, собственно, и все, но, тем не менее, мы часто помогали друг другу по-соседски – меняли деньги на сдачу, оставляли чеки для поставщиков, если нас не будет, или вот не так давно, смотрели протечку сверху, словом, всякие мелочи подобного рода. И вот в эту субботу мне снова нужно было зайти к ним по поводу этой самой протечки воды. Сосед с первого этажа залил нас в двух местах. Я должен был передать им заключение эксперта и уточнить, когда придет маляр, чтобы покрасить потолок согласно страховке. Сестры тоже закрывались в это время, и одна из них заканчивала делать маникюр какой-то женщине, а вторая уже поджидала ее, держа пальто наготове. Та, что с пальто, не знаю, Эва или Лаура, я вечно путаю их по именам, взяла у меня заключение.

- По поводу маляра мы решили в понедельник, ты не против? – второпях, но очень вежливо, спросила она. А потом наклонилась, чтобы попрощаться с сестрой.

Помимо весьма внушительного на вид и ощутимого на вес пальто девушка сжимала в руках хозяйственную сумку и заключение эксперта. Ей было крайне неудобно наклоняться, чтобы поцеловаться на прощание с сестрой, движения которой, в свою очередь, тоже были ограничены. Та сидела на стуле, держа в одной руке кисть для маникюра, а в другой пальцы клиентки, и единственное, что она могла сделать, это слегка повернуть голову и вытянуть шею, не выпуская из виду ногти, на которые наносила лак. Чтобы поцеловаться, обе сестры прикладывали невероятные усилия, хотя вполне могли отложить поцелуй на потом, поскольку встречались каждый день и много часов проводили вместе, но в этот краткий миг за долю секунды я очень ясно осознал, насколько важным был для них поцелуй. Несмотря на спешку, та из сестер, что уходила, не могла не оставить что-то свое той, что оставалась одна, словно поцелуй в щеку содержал в себе нечто иное – сургучную печать, магическое заклинание, которые помогут тебе идти вперед. Я не помню, чтобы моя сестра когда-нибудь прикладывала такие усилия, чтобы наклониться и поцеловать меня. Я не имею в виду,

что сестра меня не любила. Конечно, Нурия любит меня и заботится обо мне. Я могу полностью положиться на нее, и если бы я попросил ее прийти прямо сейчас, она пришла бы, пусть в своей порывистой, бестолковой манере, но пришла бы сюда. И тем не менее, сестра не целует меня, а я, соответственно, не целую ее. Это не наш стиль, и не таково наше воспитание. В семье мы целуемся так, будто поцелуй это иностранный язык, который мы постигаем, в котором практикуемся и кое-как разбираемся, но это не наш родной язык. Я, например, не поцеловал своего отца, когда видел его в последний раз на лестничной площадке дома. Тогда мы вместе обедали, и он уже уходил на работу в типографию, как делал это ежедневно, но тот раз был последним. Последний раз. Эти слова до сих пор кажутся мне странными, хотя их трудно назвать по-другому, и трудно сделать так, чтобы они не давили на тебя, вызывая раскаяние и печаль.

Я случайно увидел выражение лиц сестер, их жесты и подумал, что есть еще на свете люди, любящие друг друга так сильно, что имеют поистине воинскую решимость открыто заявлять о своей любви. Их нежная привязанность друг к другу была столь велика, что ее можно было потрогать почти физически. И тогда я понял, что не принадлежу к этому сообществу, но хотел бы вступить в него. Это я тоже понял.

14. Световые импульсы

В понедельник я отправился прятать подарок для Корины среди наших припасов. В выходные я хорошенько подумал о том, что человек, который любит другого человека и целует его, верит в жизнь; он не ловчит и не мудрит со стратегиями, которые постоянно подсказывает мне Хосе Карлос.

- Заставь ее подождать, – наставлял он. – Заставь себя желать. Не будь всегда доступным. Ты теряешь терпение, Висенте, и это сразу бросается в глаза и выставляет тебя в невыгодном свете.

Естественно, я был нетерпелив. Я переспал с Кориной всего один раз в современной гостинице и не продвинулся вперед ни на пядь. Конечно, с нашего первого свидания прошло всего несколько дней, но мне уже хочется большего, и я не вижу в этом ничего странного. Отсюда следует такой вывод: я буду ухаживать за ней, и подарок станет первым шагом. Я передвинул несколько коробок, удивляясь тому, насколько они легкие. Я решил, что, по всей видимости, ошибся, и новый заказ не поступил несколько дней тому назад, как я думал. Впрочем, думать, что я ошибся, было глупо – счета-фактуры на поставку лежали на моем столе, и я напомнил Корине наклеить на товар этикетки. Я открыл коробки – они и в самом деле оказались полупустыми. Очевидно, Корина, руководствуясь своими соображениями, поставила вторую половину коробок в другое место. Я спрошу у нее, когда она придет, а пока слишком рано. Я поставил кофейник на плиту, чтобы встретить Корину горячим кофе и вкусными пончиками, не слишком жирными и не очень сладкими, которые я купил по дороге специально для нее. Ну вот, наконец-то она пришла. С превеликим трудом я сдерживал себя, пока она вешала пальто и раскладывала свои вещи в подсобке.

- Ты сварил кофе? О-о-о... тут и сладкие кругляшки... – заметила она.

- Это пончики. Они тебе нравятся? Они из очень хорошей кондитерской, что неподалеку от моего дома. Вот увидишь, какие они легкие и вкусные. Они мне нравятся. Я вообще обожаю чувственные наслаждения.

Последнюю фразу я сказал, желая показать, что я не из тех, кто идет по жизни в поисках исключительно секса и больше ничего. Все выходные я собирался с мыслями и решил, что Корину, скорее всего, немножко испугала моя стремительность и напористость в первый же день, и, вероятно, ей нужно было какое-то время, чтобы прийти в себя. Я не собираюсь торопить ее и дам необходимое ей время не только потому, что она работает у меня. Я докажу Корине, что, несмотря на ее женскую привлекательность, мне хотелось от нее не только плотских утех, а чего-то более серьезного и глубокого. Мне стыдно говорить о глубине, но это казалось мне правдой. Точнее, я верил в то, что Корина понравилась мне за ее манеру думать и чувствовать, не говоря уж о ее зеленых миндалевидных глазах и чудесных округлых бедрах. Лежа с ней в постели я чувствовал, что мы идеально подходим друг другу, словно были сделаны по одной мерке. И вот наступил долгожданный момент:

- Ты не достанешь мне фломастеры? Принеси мне, пожалуйста, по пятнадцать штук каждого цвета, я положу их здесь, на виду. Посмотрим, может, хоть так продадим.

- А ты не можешь взять сам? – спросила она, ополаскивая кофейные чашки.

- Не могу, – с нажимом ответил я, зная, что в эту минуту стал похож на властного и деспотичного шефа-тирана, чтобы потом усилить радость и приятное удивление от моей шутки и подарка.

Корина вытерла руки, думается, проклиная в душе мои взбалмошные указания. Она передвинула коробки и недоуменно воскликнула:

- Здесь лежит что-то странное.

Я подошел к ней. На полке лежал мой мой красиво упакованный сверток, с бантиком наверху.

Продавщица из огромного универмага отлично справилась со своей работой. Это был дорогой подарок, но он того стоил.

- Это тебе подарок.

Корина покраснела, и ее неспособность скрывать свои чувства сводила меня с ума. Я терял рассудок, и мне пришлось приложить невероятные усилия, чтобы не кинуться целовать ее. Корина аккуратно развернула подарок, но я не понял, понравилось ли ей увиденное, потому что она недоуменно спросила:

- Что это?

- Фотоэпилятор.

- Я не знаю, что это такое.

- Прибор для того, чтобы окончательно и безболезненно удалить волосы.

Корина принялась безудержно хохотать и не могла остановиться. Она все смеялась и смеялась, сложившись пополам и держась за живот руками, потому что от долгого смеха у нее заболели мышцы. Я тоже начал смеяться вместе с ней, но тут вошел какой-то господин, чтобы откопировать кучу довольно непонятных документов. Я делал копии и слушал, как в подсобке Корина говорит о чем-то по-румынски по телефону, заливаясь смехом. Она позвонила кому-то, чтобы рассказать о подарке.

- Весело здесь у вас, гуляете, наверно, – заметил мужчина.

Я согласно кивнул и улыбнулся. Я не нашелся, что ему ответить. Когда посетитель вместе со своими копиями ушел, Корина немного успокоилась, подошла ко мне, обхватила мою голову руками и поцеловала в лоб.

- Ты считаешь, что у меня очень волосатые ноги, раз подарил мне это?

- Нет, Корина, что ты, конечно нет! – с жаром возразил я, а затем промямлил: – Просто я подумал, что вы, женщины, помешаны на этом, можно сказать, приносите себя в жертву... ну я не знаю... короче, я увидел этот прибор и...

Вот что значит иметь соседок-косметологов, ведь это в салоне красоты мне подали идею подарить фотоэпилятор. Мне подсказала ее одна из женщин, что ежедневно кукуют там, ради мужчин тратя время и деньги на депиляцию. Им удаляют волосы при помощи воска, что, должно быть, ужасно больно. Фотоэпилятор со световыми импульсами был новинкой, довольно дорогой, конечно, но зато пригодной для домашнего пользования.

- Такой метод применяют в салонах красоты, но этим прибором можно пользоваться и дома... Тебе не нравится подарок? – разочарованно протянул я.

- Нет, нравится, очень нравится... только это как-то необычно.

- Ты можешь поменять его. У меня есть чек.

- Я не стану менять его, но чек ты мне все-таки дай, вдруг он сломается.

- Это верно, он на гарантии. Корина, мне по душе твоя практичность и организованность, – промолвил я, роясь в бумажнике и отыскивая чек, а затем добавил: – Кстати, а где остальные фломастеры, которые были в коробке? Нам привезли их недавно, помнишь?

- Не знаю, я ничего не трогаю, – ответила она как обычно, возвращаясь в подсобку, чтобы положить небольшой фотоэпилятор в свою необъятную, бездонную сумку, жадно поглощавшую в свои недра все без исключения. Должно быть, она устала таскать эту сумку, и ей давно следовало выбросить ее, но таковы женщины. Мне так хотелось бы, чтобы они избавились от своих оков, сожгли свои сумищи, которые волочатся за ними, ограничивая свободу их движений.

Сегодня, снова оставшись в одиночестве, я весь вечер искал доставленные припасы, которых нам не хватало, но так и не нашел. И куда только Корина их положила? Когда хотела, она становилась упрямой и глупой как осел, и в этом заключался ее недостаток. Наверняка в своем стремлении расставить все вещи по порядку, следуя только своим соображениям, эту новую партию товара, она засунула в какое-нибудь неожиданное место.

По словам дона Хоакина, по прозвищу “козлик” (насколько мне известно, в каждой школе есть свой “козлик”, то бишь, преподаватель с бородкой клинышком), так вот мой учитель по литературе утверждал, что в жизни бывают случаи, когда человек может выбирать, перебраться ли ему на другую сторону или остаться на этой, и этот шаг необратим. Полагаю, он говорил о сомнениях и собственных юношеских ощущениях: об отказе учиться, наркотиках, незначительных правонарушениях, о несвоевременной и неуместной влюбленности, о подделке оценок... Ты можешь быть вовлечен во все случайно, но это может не в лучшую сторону изменить течение твоей жизни. Короче говоря, я начал переплывать реку сегодня вечером, когда мама наблюдала, как я готовлю омлет по-крестьянски. Я никогда не думал, что поплыву на другой берег, но вот я оставил позади границу своих нравственных и моральных рубежей, на которых был воспитан, не до конца осознавая, но неукоснительно соблюдая их. Сестра предупредила нас, что приведет детей, и я принялся стряпать

барский ужин. Должно быть, я был так взволнован своими мыслями о границах и реке, что с языка у меня невольно сорвалось:

- Веришь ли, но я не нахожу несколько коробок фломастеров со стирающимися чернилами для белых досок. Заказ пришел на днях, и я ума не приложу, куда их дел.

- Сколько коробок? – сурово спросила мать.

- Четыре. По одной каждого цвета. Тебе, часом, не приходит в голову, куда Корина могла их положить? Может, в какую-нибудь большую коробку или на самые верхние полки, которыми мы не пользуемся и о которых я даже не помню?

- Ты ее спрашивал?

На секунду я остановился. Река находилась тут, у самых моих ног. Впервые я разглядел ее плавно текущие воды. Скорее, это был не очень широкий и не быстрый ручей, но плыть ли мне через него или остаться? Да в конце-то концов, к чему мне оставаться на этом берегу реки на всю жизнь? Что было у меня в мои тридцать семь лет взамен всегдашнего строгого соблюдения законов добрососедского совместного проживания? Я не хотел потерять Корину, поэтому очертя голову ринулся вперед:

- Скорее всего, я закрутился, запутался и в итоге не сделал заказ, – с преувеличенным спокойствием ответил я, уменьшив тем самым значимость проблемы, – и это меня не удивило бы, потому что я рассеянный... Завтра я все перепроверю с поставщиком.

В ту же секунду истошно прозвонил домофон и дело было улажено. Паркер принялся неистово лаять как сумасшедший, но не от злости к вторгшимся чужакам, а от радости, потому что услышал звук подъехавшего лифта и, как я думаю, еще от двери учуял запах детей. Под этот шум и гам мама забыла о теме разговора, и я повеселел. Открыв дверь, я увидел сестру с тремя детьми. У нее было такое лицо, что я не на шутку встревожился. Глаза Нурии были заплаканными, а ведь моя сестра как кремень – она никогда не плачет.

- Нурия, что случилось? – без обиняков, прямо в лоб, обеспокоенно спросил я.

Она ничего мне не ответила, но, как я говорил, для моей родни это нормально.

- Помоги мне. Разве ты не видишь, что я навьючена как мул?

Сестра и в самом деле приволокла с собой несколько чемоданов, так что я помог ей.

- Дети останутся у нас? – снова спросил я, потому что об этом сестра ничего не говорила, по крайней мере, мне. Говорила ли она маме, не знаю, потому что, как мне кажется, половину из того, что мама узнает из их разговоров, она мне не рассказывает. – Ты куда-то уезжаешь?

Должен заметить, что сестра работает в крупной компании по производству чистящих средств, в отделе маркетинга, и время от времени ей выпадает счастливый случай съездить куда-нибудь на переговоры.

- Мы все остаемся, – обронила Нурия, и тут я понял, что произошло нечто, из ряда вон выходящее.

За ужином мы поговорили о детях, потом вымыли их перед сном и уложили в кровать с той напускной, насквозь фальшивой, обыденностью, что характерна при чрезвычайных жизненных обстоятельствах, которые, к несчастью, мне очень хорошо известны.

- У тебя есть виски? – спросила сестра в тот момент, когда мама ушла к себе в комнату, чтобы облачиться в ночную рубашку с одним рукавом.

- Не думаю, – ответил я, заведомо зная, что виски нет.

- А водка, ром или что-нибудь такое?

Поскольку у меня не было ничего такого (дома мы пьем только вино или пиво, которого, впрочем, почти никогда не бывает, поскольку мама такая же ярая его фанатка, как ирландка), я поднялся на минутку к Хосе Карлосу. Он, не отрываясь, смотрел сериал на DVD, который нравится нам обоим, с жадностью проглатывая одну серию за другой. Я просто взбесился.

- Эй, приятель, мог бы и меня подождать! – набросился я на друга. – А ты даже не сказал, что у тебя есть четвертый сезон.

- Да я только что начал.

Только клеенка на столе была уже теплой. Попахивало предательством от того, что Хосе Карлос, как проклятый наркоман, смотрел новую серию в одиночку, даже не сказав мне.

- Я собирался посмотреть только одну серию.

- Я так и подумал, приятель. У тебя есть виски?

- Для кого это? Неужели для твоей девушки? Она у тебя дома? Смотри-ка, ты несешься на всех парусах.

- Нет, это не для девушки, а для сестры.

При упоминании сестрицы лицо Хосе Карлоса прямо-таки засияло. Нурия несказанно нравилась ему; еще совсем мальчишкой он был очарован ею.

- Я спущусь с тобой.

- Даже не знаю, Хосе Карлос, мне кажется, сейчас не самый лучший момент...

- Ладно, как скажешь, тогда я досмотрю сериал, а тебе обломится.

- Ну уж нет, давай, спускайся.

К этому времени Хосе Карлос стал почти что членом семьи, и было совершенно все равно, что он услышит то, что должна была рассказать нам с мамой моя сестра. Хосе Карлос прихватил с собой бутылку довольно хорошего виски, и мы спустились вниз.

Сестра сообщила нам, что порвала со своим последним женишком, то бишь Хорхе, тем, что из посреднической фирмы, однако самое ужасное заключалось не в этом. Нурия постоянно на свой страх и риск прокручивает какие-то темные делишки, чтобы выжить в этой неразберихе, а может, для того, чтобы пребывать в этом хаосе и дальше и не иметь возможности остановиться и задуматься о своей жизни. Так вот в последние месяцы она заключила с Хорхе договор пожизненной ренты и переписала квартиру на его имя. Тот начал выплачивать ей арендную плату, а теперь, порвав с ним, Нурия вместе с детьми оказалась на улице. Когда мама выслушала рассказ Нурии, ее охватила такая ярость, что даже присутствие Хуана Карлоса не сдержало ее. Она выпила два стакана виски, а именно, свой и моей сестры. Не знаю, почему, но мама не хотела, чтобы Нурия пила, как будто моя бедная сестричка по-черному бухала. Конечно, у Нурии есть множество недостатков, но только не этот.

- Дожила, называется, до старости лет с вами обоими! Вот уж старость так старость! – громко причитала мама, глотая виски.

- Мама... – увещевал я ее, – дети проснутся... Мама...

Но мама не слушала моих доводов и продолжала сетовать:

- И зачем только мы с вашим отцом потратили столько денег на школы и частные уроки... Я уже ничего не понимаю... Ничегошеньки.

О расходах на школу мама должна была говорить только моей сестре, потому что только она всегда училась в частной школе; меня же в четвертом классе отдали в обычную, рядом с домом, где я получал общее базовое образование, так что по деньгам я им недорого обошелся. Но я молчал, сейчас было не время для упреков.

Я лежал в кровати, не смыкая глаз. Мне никак не удавалось заснуть, как будто я был своей сестрой. В конце концов, я поднялся и прошелся по битком забитой квартире. На скорую руку мы соорудили для всех постели: мальчишек, Серхио и Мауро уложили в бывшей старой комнате моей сестры; мама спала с внучкой Амели на двуспальной супружеской кровати, которую делила вот уже много лет только с девчушкой; сестра устроилась на диване в гостиной, который в случае необходимости становился постелью. Как по-разному все спят! Дети парят как космонавты в своем крепком и глубоком сне. Они отдаются ему со всей серьезностью, целиком, без остатка; им чуждо все, что происходит вокруг них; они далеки от реальности и мечтают о жизни, которая у них впереди. Пожилые люди, наоборот, дряхлеют; в их неподвижных телах заметно усилие, которое они прикладывают, чтобы жить, чтобы удержаться на этом свете и занимать здесь свое место, как будто, засыпая, они уже ни к чему не готовились, и сон для них лишь репетиция собственной смерти. “Дядя, я боюсь бабушку, когда она спит, она похожа на слепого крота”, – сказал мне как-то утром Серхио. Я понимал, о чем он говорил, но никогда не мог так четко сформулировать. И точно, мама, особенно после своего падения, спала как маленькая, беззащитная зверушка, как заплутавший крот, который может запросто слепо погибнуть, если не позаботится о себе.

Я заглянул в гостиную. Услышав мою возню у двери, Нурия заворочалась в своей постели; ей тоже не спалось. Паркер дрых без задних ног на коврике.

- Что-то случилось? – спросила сестра.

- Нет. Тебе что-нибудь нужно? – в свою очередь поинтересовался я.

- Ничего, просто я думала о том, что отсюда будет трудно везти детей в школу по утрам.

- Ладно тебе, мы все устроим, – ответил я. – Спи давай.

- А собака? Ты его уведешь?

Паркер приоткрыл один глаз и вильнул хвостом, но отнюдь не собирался двигаться с места.

- Не знаю. Похоже, сегодня он предпочитает спать с тобой. Он тебе мешает?

- Да нет, – ответила сестра.

- Он спит с тем, кто больше всего нуждается в нем. Это точно.

- Да уж. – Сестра замолчала. Я повернулся, чтобы идти к себе в комнату, но она заговорила снова:

- Я дура, правда? Наворотила дел...

В голосе сестры звучала огромная боль.

- Брось, Нурия, все пройдет, уладится. Ты же у нас стальная, из нержавейки. Все будет хорошо, вот увидишь. Мы тебе поможем.

Мне показалось, что мои слова дошли до нее, и это меня порадовало. Нурия снова улеглась и расслабилась. Я вернулся к себе в кровать, но так и не заснул. Все эти долгие бессонные часы я думал о Корине, о ее прекрасном теле, о том, как, в конце концов, наступит час, когда я уеду из дома. Я

думал о том, как буду жить с ней, спать с ней в ее съёмной квартирке, и каждое утро по железной дороге вместе с ней добираться из Кослады до магазина; как мы вместе будем открывать его, заниматься делами, обедать с мамой у нее дома, а по вечерам, после ужина, взявшись за руки, возвращаться обратно на общественном транспорте, возможно, разговаривая, а может быть, читая, уткнувшись носом каждый в свою электронную книжку, потому что для долгой дороги это самое удобное. Впрочем, поскольку у меня есть машина и гараж, другим неплохим решением было бы ездить туда-обратно на машине. Также я подумал о недостатке в магазине, и сам не знаю почему, вдруг вспомнил о “козлик”, своем давнем учителе литературы, и моем ручейке. Про себя я подумал, что “козлик” был также далеко не самым квалифицированным специалистом в области этики, чтобы давать подобные уроки. За несколько недель до окончания учебного года он связался с одной своей коллегой, самой красивой преподавательницей в подготовительных классах [*прим: имеются в виду подготовительные классы для поступления в институт, в испанских школах не являются обязательными*]. Думаю, у них был даже общий ребенок, именно поэтому он так часто возвращался к разговорам о реке.

15. Другой берег реки

Мой дом с тремя детьми и неорганизованной, несобранной сестрой превратился в совершенно другое, необычное место. Я потерял личную жизнь, но зато выиграл в других вещах: мама была уже не одна, и с самого первого дня неизменно сообщала о том, что ей, так же как и мне, житье с моими племянниками доставляло истинное удовольствие. Хотя я устал, а расходы в супермаркетах, за газ и за свет возросли до небес, я набирался новых сил, слыша детские голосочки. Мне также нравилось заменять бесчисленные фильмы, которые мама буквально проглатывала один за другим, на мультики, ярой сторонницей которых была племянка Амели, отъявленная спорщица и моя любимица. Мауро, мой средний племянник, наоборот, был фанатом “Монополии”, и бесконечная партия отнимала у нас всю вторую половину дня. Порой, мы засиживались за обеденным столом вплоть до позднего вечера. Заигравшись, мы не могли оторваться от стола, и это привело к тому, что мы привыкли играть за ужином, сидя с подносом на коленях и пачкой игрушечных денег в руке.

С женщинами у меня были разные отношения, но ни с одной из них у меня не было возможности видаться ежедневно, за исключением Лурдес в школьные годы, разумеется. А теперь для меня было блаженством каждое утро быстро идти в магазин, потому что я знал, что увижусь там с Кориной. Встречи с ней придавали мне сил, можно сказать, буквально наполняли меня энергией, благодаря чему мы с Паркером совершали длинные прогулки. Самым лучшим местом погулять с собакой, где можно было предаваться счастливым любовным грезам, был парк.

Тем не менее, несмотря на то, что я хорошо понимал, что в моей стратегии терпение было необходимым и обязательным условием, я начинал его терять. Если Корине нужно было время как доказательство моих серьезных намерений по отношению к ней, то я и так дал его предостаточно. Как-то утром, когда никто даже не заходил в наш магазинчик, я пребывал в отчаянии и засыпал от скуки. Дважды прочитав газету и решив все sudoku, я пошел в разнос. Корина сидела в подсобке и что-то там шила; у нее была привычка таскать с собой в своей холщовой сумке какое-нибудь рукоделие. Я направился к ней и стал массировать ей шею, а затем плечи. Она не отвечала мне, но кажется, поддавалась моим ласкам, и я продолжал свое путешествие по ее телу. Мы отлично могли бы предаться здесь любви. Не было ничего странного в том, что парочка продавцов целуется и обнимается в укромном местечке своего магазина. Однако вскоре Корина крепко сжала мою руку, ухватив ее за запястье, и вытащила из-под лифчика, куда той удалось забраться к немалой радости моего тела, уже сулившего счастливые мгновения. Корина поднялась.

- Сегодня работы мало, – заметила она. – Ты не против, если я уйду пораньше? Вечером у меня много дел.

Я остолбенел и стоял, как громом пораженный, не только из-за того, что Корина разрушила нашу зыбкую связь, и не захотела ответить на мою любовь и внимание, а потому, что она снова даже не упомянула о том, что произошло и происходило между нами. Я ненавижу, когда вещи остаются незамеченными, но зачастую у меня складывается ощущение, что именно это и преобладает в моей жизни.

- Корина, какие у тебя планы в отношении нас? – напрямую спросил я. – Мне хотелось бы быть твоим парнем. Понимаешь? Твоей парой. Ты мне нравишься, мне очень хорошо с тобой.

- Так я могу уйти? – она отплатила мне той же монетой.

- Я скажу тебе, когда ты мне ответишь. – Я не собирался потворствовать этой двусмысленной ситуации.

Она посмотрела на меня и точно подумала, что я не знал удержу, был глупцом и ничего не понимал, но мне было все равно. Я начинал познавать Корину, и самым лучшим было бросить ей

вызов и не уступать. Я упорно гнул свое, хотя в глубине души уже сожалел о том, что, образно говоря, загнал ее в угол, вынуждая дать ответ, ведь Корина могла сказать как “да”, так и “нет”. И что бы я в таком случае стал делать? Как пережил бы это?

- Еще слишком рано, – промолвила она.

- Ты не хочешь отвечать мне.

- Это ты не хочешь мне ответить.

- Как ты можешь сравнивать разные вещи? – возмутился я. Ее двойственность казалась мне сейчас преднамеренной, таким способом помучить меня и заставить делать все, что ей захочется. Мной овладело неприятное ощущение, я чувствовал себя слабым и незащищенным. Корина молчала. Почему я жил в окружении молчащих женщин? Наказание молчанием для меня хуже всего, я его не выношу.

У Бланки была одна хорошая черта – она никогда так не делала. Бланка говорила тебе обо всем, даже о причинах, по которым, по ее мнению, у нас не складывались отношения, и нам нужно было прекратить наши встречи. Я подумал о Бланке. Мне захотелось увидеть ее или, по крайней мере, позвонить ей. Так бывало всякий раз, когда у меня случалось нечто важное, будь то хорошее или плохое.

- Корина, это же абсурдно. Ты хочешь, чтобы мы были парой? Хочешь или нет?

- Висенте, могу я сегодня уйти пораньше, чтобы сделать свои дела? Да или нет?

- Делай, что хочешь, – неохотно буркнул я и вышел в магазин.

Немного погодя, Корина стояла уже в пальто, нагруженная своей невиданной холщовой сумкой и гигантской сумищей, думается, из искусственной кожи.

- До завтра, – попрощалась она, но прежде чем закрыть дверь магазина, обернулась и добавила: – Когда-нибудь я тебе отвечу.

Когда-нибудь? Но когда? Что она имела в виду? Почему говорила так странно? Она делала это нарочно? Я устал думать об этом, и у меня сносило крышу от еле сдерживаемого желания позвонить Бланке и от вожделения, которые они обе вызывали во мне. Мне до смерти хотелось сесть в машину и, сломя голову, мчаться в этот спесиво-претенциозный квартал, где я, несомненно, догнал бы ее или при выходе из автобуса, или по дороге на работу, прежде чем она вошла бы в дом престарелых богачей. Я пребывал в смятении, удерживаясь от желания послать все к черту, и в то же время желая все продолжать, чтобы эта женщина-бабочка больше никогда не выпорхнула из моих рук, когда прозвенели дверные колокольчики, отпугивающие нечисть. Я вышел к прилавку. Это был не покупатель, а Лаура или Эва. Я никогда не знаю точно, кто из этих двоих косметологов есть кто.

- Привет.

- Привет, – уныло, без особой охоты поздоровался я с ней. Меня изнуряла тоска.

- Тебе оставляли позавчера срочный заказ для нас? Доставщик мог приехать только рано утром, и я сказала ему, чтобы он оставил заказ здесь.

- В котором часу?

- Очень рано. Мы открылись поздно, потому что сестра проходила осмотр у гинеколога, вернее была на ультразвуке.

- Она беременна?

- Да, – ответила Лаура или Эва, широко и открыто улыбаясь. Я вдруг понял, что, хотя обе они симпатичные девушки, у этой взгляд был более теплый, и говорила она медленно, не спеша, словно говорить со мной в данную минуту было единственным желанным для нее занятием, как будто в этом мире, в котором все суетятся, бегут куда-то, она была само внимание. Немудрено, что это действует на ее клиенток как мягкий, обволакивающий шелк, и меня не удивляет, что она завоевывает их доверие. – Твоя сотрудница тебе не говорила? Кстати, как ее зовут?

- Корина.

- Значит, Корина. Тебя не было, и я спросила ее, не трудно ли ей будет принять наш заказ.

- Позавчера? Нет, позавчера мне нужно было зайти в банк.

Я ходил в банк договариваться о кредите на покупку магазина. Они должны были сделать оценку недвижимости. Когда я вернулся, Корина ничего мне не говорила, но это была ее другая отличительная черта – она была не слишком склонна передавать сообщения, если мне звонили. Впрочем, теперь, когда мне почти никто не звонит, это уже не имеет особого значения.

- Она ничего тебе не сказала?

- Корина немного рассеянна. Она славная девушка, но рассеянная. Видимо, она забыла.

С какой стати я защищал ее? В данной ситуации исключительно потому, что она была моей сотрудницей. Корина не была мне ни невестой, ни подругой, нас не связывали душевные узы, что оправдывало бы мои усилия, направленные на то, чтобы соседки не составили о ней плохого мнения. Тем не менее, несмотря на все, мне хотелось, чтобы Корина нравилась всем почти так же, как нравилась мне.

- Заказ не передали? Там были две больших коробки с косметикой и одна маленькая с образцами. В коробку должны были положить “Mar de Diamantes”.

- “Mar de Diamantes”? – переспросил я, потому что Корина ничего не говорила мне об этом.

Теперь у меня жутко болела голова. Она буквально пухла от мыслей, потому что, когда я смотрел в стекло витрины на уменьшенное отражение спины удалявшейся Корины, у меня было ощущение, что я видел ее в последний раз. Такое происходит со мной всегда; когда я с кем-то спорю, то выхожу из себя и сильно расстраиваюсь.

- Какой ты бледный, – сказала Эва-Лаура. – Может, я потом зайду?

- Да нет, идем со мной, ты сама посмотришь коробки в магазине, ты же знаешь их лучше меня.

Лаура-Эва прошла внутрь, а я присел.

- Как замечательно пахнет кофе. Летом и весной, когда окно на улицу у тебя открыто, мы с сестрой говорим: “Этот Висенте такой умелец варить кофе”.

- Если вы его любите, то и варить умеете.

- У нас нет кофеварки, потому что с нашими двумя кабинками свободного места нет даже для спиртовки, хотя кофе мне нравится.

- Мне тоже, но не “Несpresso”, – некстати уточнил я. С каждым разом я чувствовал себя все глупее. Я совсем уже не думал. [прим: “Несpresso” – капсулы для кофемашин]

- Ай, “Несpresso”! Знаешь, сестре запретили кофе, потому что он может повышать давление, а она в положении и труднее переносит повышенное давление. Так вот она у нас как раз приверженка “Несpresso”, а я нет. Мне больше нравится слабый кофе, поило, как говорит мама... Слушай, я нигде не вижу заказ.

- Корина ничего не говорила, что приезжал какой-то поставщик, – ответил я.

Это была правда. Я выходил ненадолго, но если бы приезжал поставщик с тремя коробками, Корина наверняка мне что-нибудь сказала, хотя бы только для того, чтобы повозмущаться, сколько места они занимают, и какой из-за них беспорядок. Порой, когда все вещи были аккуратно разложены по местам, казалось, ее бесило даже то, что они продавались, потому что с появлением пустот нарушалась гармония.

- Ладно, значит, ничего не привозили. Возможно, завезут на днях. Большое спасибо, Висенте.

- И тебе большое спасибо... – я не мог назвать ее по имени, потому что не знал, с кем разговаривал, то ли с Лаурой, то ли с Эвой. Они похожи, как две капли воды...

Я пообедал со своим, теперь уже многочисленным семейством, и это немного меня отвлекло, а вечером в магазине было, к счастью, довольно суматошно, и я по горло был занят делами. Прогуливая перед ужином Паркера, я уже в который раз достал из кармана мобильник. Я носил его с собой весь день, глядя на проклятый экранчик, чтобы посмотреть, не позвонила ли мне Корина, не написала ли чего, но она чихать на меня хотела. Естественно, она же была на работе. Если бы мне не пришлось поневоле сдержаться раз пятьдесят, я не сдержался бы ни разу, потому что несмотря ни на что одна часть мозга подзуживала: “Пошли ей сообщение и повтори вопрос”, в то время как другая уже познала ад ожидания ответа, который не приходит на протяжении целого дня, и советовала оставить все, как есть, поскольку я, скорее всего, поступил опрометчиво, поспешил и снова ошибся. Я вспомнил одну вещь, о которой много раз предупреждал меня Хосе Карлос: “телефонные сообщения, – говорил он, – от лукавого; люди используют мобильники как для общения, так и для того, чтобы установить между собой дистанцию; пустое все это”, – добавлял он, но дельные советы не идут мне впрок. Сам не понимаю как, я остановился перед воротами парковки, посадил Паркера в машину, залез сам и вставил ключ зажигания. Я не помнил точно маршрут, поскольку Корина указывала мне путь на рассвете, когда я отвозил ее обратно, но, скорее всего, дорогу я отыщу. В это время на выезде из Мадрида довольно большие пробки, и в Косладу я приехал гораздо позже, чем ожидал. Мама находилась дома одна с тремя детьми, потому что у сестры была презентация их продукции, и она придет поздно. Она думала, что я должен был находиться вместе с мамой, помогая ей с внучатами, но все это было мне безразлично. Сидя за рулем застрявшей в пробке машины, я позвонил домой. Мне повезло – трубку взял Серхио, мой старший племянник. Он был замечательным мальчуганом, так что я избавил себя от объяснений с мамой, что само по себе приводит меня в беспокойство, поскольку у меня создается ощущение, что она читает мои мысли и знает, говорю я правду или вру. Моему старшему племяннику уже двенадцать лет, и он довольно ответственный паренек. В действительности он похож на старичка. Иногда такое случается с детьми, у которых, как бы это выразиться, несколько легкомысленные родители. Такие дети взрослеют раньше и становятся осмотрительными.

- Серхио, привет, чемпион, – сказал я племяннику, – передай бабушке, что мне неожиданно пришлось ехать за город за непредвиденными покупками. У нас закончился картридж, а я не могу ждать, когда придет мастер. Не ждите меня к ужину, я застрял в немыслимой пробке, должно быть, авария на шоссе или что-то такое. – Это была ложь, но она могла оказаться правдой. – Посмотри на

холодильник, и увидишь там телефон пиццерии. Там есть несколько скидочных купонов. Закажи пиццы, какие вам хочется, и расплатись деньгами, которые лежат в ящике в моей комнате... Да, в ночном столике.

Какой смысленный этот мальчуган, и как мне нравится иметь с ним дело. Он доставлял мне немалое удовольствие, но, бывало, и огорчал, потому что двенадцатилетнему мальчишке полагается быть мальчишкой, а не отцом для своих братьев и сестер, чью роль Серхио и играл.

- Скажи бабушке, чтобы не волновалась. Я приеду, как только смогу.

Я повесил трубку до того, как мама подойдет к телефону. Услышь я ее голос в подобных обстоятельствах, и я запутаюсь в своих чувствах еще больше. Все только усложнится. Я оставил машину на том же самом месте, что и пару недель назад, когда был здесь вместе с Кориной. Во избежание соблазнов и мучений мне показалось правильным убрать телефон с глаз долой. Я отключил звук и убрал его в самое недоступное место, которое пришло мне на ум, а именно, в багажник. Дом находился на какой-то замысловатой улочке с лестницами и закоулками в одном из тех кварталов, что были выстроены в семидесятые годы, с малюсенькими садиками между улицами и дюжинами машин самых разных цветов, в борьбе отстаивающих свое право припарковаться. Эти дома были построены для работяг, которые не могли купить себе даже Seat 127. [прим: автомобиль Seat 127 – лицензионная копия автомобиля Fiat 127, выпускавшаяся в Испании с 1972 по 1982 годы] Теперь все было по-другому, у каждого имелась своя машина, и стало очень трудно останавливаться, выглядывая свободное место у тротуара, потому что каждые две другие машины из трех гудели мне, поскольку я мешал им проехать. Так я провел в ожидании около сорока минут и даже как-то успокоился. Казалось, что находиться поблизости от квартиры Корины, от ее реальной жизни как-то приближает меня к возможности добиться того, что я буду рядом с ней, и она никогда не исчезнет из моей жизни.

“Я не хочу больше ошибаться, и мне хочется иметь прочные отношения, – это самое первое, что я сказал бы Корине, если бы снова увидел ее. – Мне хочется отношений, в которых жизнь течет плавно, и все вещи происходят естественно, без всяких потрясений и скачков, как день твоего рождения. Я не хочу играть с тобой в кошки-мышки, я хочу любить тебя такой, какая ты есть, и чтобы ты любила меня таким, какой я есть”. Я прервал дальнейшее сочинение своего монолога, потому что как раз освободилось место во втором ряду, и я стал маневрировать, чтобы припарковаться. Слава богу, мне это удалось, но и это оказалось весьма беспокойным делом, потому что чуть ли не каждую минуту другая машина останавливалась передо мной, и сидящий (или сидящая) за рулем, так же как и я кружившие полчаса по округе с желанием войти, наконец-то, к себе домой и расслабиться, сигналили мне и красноречиво спрашивали жестом: “Ты уезжаешь?”. Я не менее красноречиво отвечал “Нет, я остаюсь”, и он (или она), злые и уставшие, бросали на меня свирепый взгляд, словно говоря: “Тогда вылезти из машины, идиот. Что ты меня путаешь?”

Неожиданно я увидел ее. Она выходила из машины. За рулем сидел крепкий, здоровенный детина лет сорока. Она открыла багажник, потом подошла к двери подъезда, позвонила по домофону, с кем-то поговорила и вернулась к малолитражке. Прислонившись к машине, Корина молча ждала. Громила, сидевший за рулем, вылез из машины и раскурил две сигареты, одну из которых предложил ей. Она закурила, и я испугался, не знаю, почему, но испугался. Я не знал, что Корина курит. Я никогда не видел ее курящей, ни в магазине, ни в течение проводимых вместе дней. Я никогда не думал, что она – курящая женщина. Моя мать курит, сестра тоже, а я не курю, но не имею ничего против курящих людей. Однако от Корины, сам не понимаю, почему, я не ожидал такого и испугался. Вместо того чтобы выйти из машины, пойти к ней, как я собирался, и сказать: “Корина, я сожалею о том, что было утром. Единственное, чего я хочу, это сделать тебя счастливой, предложить тебе свою поддержку и любовь, и все такое бла-бла-бла...”, я наклонился пониже, чтобы она не заметила меня. Из подъезда вышла молодая, грузная женщина. Вероятно, это была небезызвестная невестка с того самого дня рождения. Все трое начали доставать из багажника коробки. Пять коробок. В трех из них находилась косметика “Mar de Diamantes”, две другие содержали канцтовары “Edding” и “Pelican”. Затем они достали виденные мною каждый день холщовую сумку и сумищу из искусственной кожи. Все это троица занесла в подъезд. Женщины скрылись из виду, а мужчина вернулся к своей машине и уехал. Представляю, как он покружил, прежде чем припарковаться.

Мобильник так и остался лежать в багажнике, а я вернулся домой и без проблем поставил машину в гараж на ее законное место. В квартиру я пришел как раз ко времени отхода детей ко сну. Уложив племянников спать, я пошел в ванную и взял себе одну из снотворных таблеток матери.

16. Семеро козлят

Состояние было как с похмелья, то ли из-за таблетки, то ли из-за волнений от увиденного в Косладе. Поднимаясь с кровати, я чувствовал в голове такую боль, что она мешала мне думать. Пока я искал в ванной пузырек с аспирином, мама поприветствовала меня:

- Ну и лицо у тебя. Уж не заболел ли ты часом?

- Нет, мама, я чувствую себя нормально.

- Ступай в магазин, открой его и возвращайся в постель. Пусть в магазине останется Серена.

- Серена? А кто такая эта Серена?

- Румынка. Разве ее зовут не Серена?

- Нет, мама, ее зовут Корина.

От того, что мама перепутала имена, мне, вроде, полегчало, но, с другой стороны, стало грустно. Но не успела мама узнать ее настоящее имя, как уже свернула на наши дела. Только хрен редьки не слаще.

- Она ведь хорошо знает, как вести дела в магазине, так?

- Да, мама, очень хорошо, но в этом нет необходимости. Я просто подустал чуток. После обеда вздремну немного, всего и делов.

- Дети задают работы, правда? Они очень славные, но дают жару. А что ты думаешь о сестре?

О сестре? Ничего себе вопрос. Я много что думаю о сестре. С одной стороны я завидую ее бьющей через край активности, ее способности вступать в любовные связи и столь же решительно выходить из них, волоча за собой как неделимое целое своих детей туда, куда она идет. Мне нравится эта смесь независимости и подчиненности, которую она сеет вокруг себя, хотя ей, как я полагаю, нелегко. У сестры множество подруг, которые обожают ее. Они вечно так и ходят, можно сказать, повиснув друг на друге. Вот и теперь уже в следующее воскресенье Нурия попросила нас с мамой освободить ей дом, чтобы она могла пригласить подруг. Они называют это тайными посиделками. Что касается работы, то сестра в своем деле дока. С другой стороны, Нурия частенько пребывает в плохом настроении, сердится и кричит. Она так ругается со своей маленькой дочуркой, Амели, что страшно слушать. Ничего не попишешь – такова моя сестра. Я знаю, что потом она остынет, отойдет, но, порой, в нее вселяется сам черт, выпуская демонов на прогулку. И это только некоторые мысли о моей сестре. Однако маме я сказал другое:

- Даже не знаю. А с Хорхе она познакомилась в какой-то шарашке, когда ходила обновлять водительские права, так ведь?

Права были просрочены уже два года, а Нурия у нас барыня, видите ли, чтобы идти в Главное Управление Дорожного Движения и стоять там в очередях, как все остальные. Я не спрашивал сестру о ее проблеме с Хорхио, поскольку ожидал ответа типа: “Ты живешь в мире семерых козлят, Висенте, так что занимайся своими делами, а не то волк тебя съест”. Порой кажется, что сестре нужно доказать всем, что она самая сильная, самая крепкая и самая стойкая. Нурия предпочитает быть волком, а не козленком. “Съешь сам, прежде чем съедят тебя” – таковым представляется мне ее девиз. В меньшей степени это касается ее детей. Как я уже говорил, здесь ее теория рушится. Нурия хоть и становится властной и деспотичной, но тут она в большей степени козленок, чем любой из семерых.

- Да ты и сама знаешь, какой человек наша Нурия, мама. Она нам все расскажет, если захочет, – успокоил я маму.

- Но детям хорошо здесь, ты так не считаешь? – настаивала она.

- По-моему, очень хорошо, мама, только я уже опаздываю.

- Ты даже кофе не выпьешь?

Я уже собрался уходить, но мельком посмотрел на маму. Зачастую мне трудно задержать на ней взгляд, потому что, как я упоминал, мне кажется, она изучает меня изнутри, но сейчас из-за переживаний за Нурию, я странным образом увидел ее слабой и хрупкой. Она стояла, безвольно сложив руки на груди, с синяками под глазами, которые невозможно стереть. Прежде чем уйти я поцеловал ее почти с той же нежностью, с какой целовались в салоне красоты две сестрички. За несколько секунд боль от предательства Корины, страх от того, что я увидел ее безразличной женщиной-вамп, раскуривающей свою сигарету, безнадежное отчаяние, в которое я погрузился с головой, рассеялись в небесной выси как легкий летний туман, и мне стало очень хорошо. Поцелуи ловят бабочек. Я знаю, что маме тоже понравилось, хотя она не произнесла ни слова, как и я, она почувствовала близость защитника. Я был уже у двери, когда мама нарушила молчание и поинтересовалась в нашей обычной прямой манере:

- Сынок, коробки нашлись?

- С фломастерами? Нашлись. Все нашлось... – ответил я.

Нужно сказать, что, несмотря на этот чудесный миг только что пережитой материнско-сыновней гармонии, в маме мне особенно не нравится одна ее черта – недоверчивость. Я предпочитаю не мудрить и не лезть на рожон, мама же, наоборот, всегда укажет тебе на то или на это. Если, к примеру, я встретил старого клиента отца или давнишнего друга семьи, которого мама потеряла из виду, и

радостно скажу ей: “Вчера я встретил Сутано, он передавал тебе большой привет”, она непременно ответит: “Сутано всегда думал только о себе. Знаешь, почему он разошелся со своей подружкой? Потому что связался с ее дочерью”. У мамы всегда есть в запасе какая-нибудь кошмарная история, которая всегда сводит на нет радость от этой встречи. Именно по этой причине я не стал вдаваться в объяснения, а быстренько ретировался, захлопнув за собою дверь, словно за мною гнался сам черт.

Я уже говорил, что по большому счету, завтракаю два раза в день. Один раз дома с утра пораньше, а второй раз в магазине, часов в десять, когда становится поспокойнее. Но сегодня таблетка возымела свое действие, я не услышал будильник, и из-за прогулки с Паркером, которая была короче обычной, я ничего не успел. По дороге я купил себе сдобную слоеную булку с начинкой, чтобы перекусить в магазине. Я делал это только в исключительных случаях, а сегодняшний день был особенно исключительным. Не то, чтобы я был голоден, нет, в первую очередь мне хотелось, чтобы все шло так же, как и в любой другой день. В этот раз я специально купил булочку только для себя, и ничего не купил для продавщицы. Придя в магазин, я внимательно осмотрел каждый стеллаж и начал составлять список. Я люблю составлять списки, поскольку они снимают напряжение, организуя мысли в голове. Когда дела занесены на бумагу, то кажется, что они частично решены. Однако я не знаю, успокоил меня этот список или еще больше растревожил. Не хватало не только фломастеров, а также точилок для карандашей, ластиков, пакетов с резинками, скоросшивателей, тетрадей, карандашей, блокнотов, обложек, папок, клея... Да что там продолжать – не хватало всего. Само собой разумеется, что Корина потихоньку откладывала себе разные товары, потому что за тот месяц с небольшим, что она провела со мной, я не замечал, чтобы количество поступаемого на склад товара хоть как-то росло. Корина провела больше месяца со мной – как бы не так! Скажем точнее, она провела месяц с лишним в магазине, поскольку со мной, именно со мной, она, по-моему, никогда и не была. Я закончил составлять свой список. Было почти одиннадцать часов, а Корина не приходила. Я был прав. Ее силуэт в витринном стекле магазина вчерашним утром был прощальным приветом. Мне было больно вспоминать о Корине, я все еще хотел быть с ней. Чтобы отогнать эти мысли подальше от себя я вызвал в памяти иной образ – Корина прислонилась к машине своего поделника и курит. Эта картина вызвала у меня дрожь, и тогда я стал думать о том типе, ее дружке, о его грубой ряхе. Мне вспомнилось кое-что прочитанное: многие женщины-эмигрантки должны выплачивать огромные денежные долги тем, кто привез их в Испанию. Я подумал, что у Корины именно такой случай. Скорее всего, она курила, чтобы подыграть своему боссу, этой скотине, что обирал ее до нитки, и, вероятней всего, именно для него она крадала офисные товары и косметику. Я вспомнил об Эве-Лауре и разыскал в интернете номер торгового представителя “Mar de Diamantes” в нашем районе. С большим трудом мне удалось-таки дозвониться до него. Я рассказал, что по ошибке завернул заказ обратно, подумав, что он был не моим, и теперь мне хотелось бы ненавязчиво исправить это досадное недоразумение. Я поинтересовался, когда они могли бы снова доставить мне тот же самый заказ, в итоге договорился на сегодняшний вечер, и мы повесили трубки. Мне было безразлично, что этот расход оказался незапланированным. Мне полегчало от того, что я восстановлю часть разрушенного. Вещи можно исправить, если человек за них берется. Сестрички-косметологички получают свои коробки “Mar de Diamantes”, как и было предусмотрено. Все удалось; по крайней мере, третьим лицам не будет нанесен ущерб. Вдруг совершенно неожиданно для меня открылась дверь. Прямо с порога, даже не поздоровавшись, она решительно заявила:

- Железнодорожники бастуют. Прости.

Я едва не рухнул на пол. То, что Корина вернется, было самым последним, чего я ждал, но вот она, собственной персоной, была здесь, во плоти. Шел дождь, и Корина заботливо стряхивала воду со своего зонта, стоя на улице, чтобы не замочить пол. Войдя, наконец, в магазин, она прошла в подсобку, слегка задев меня по пути, и оттуда весело провозгласила:

- У меня месячные. – Корина улыбнулась и нежно ущипнула меня чуть пониже спины. Думаю, ее радость была искренней. – Если хочешь, я поработаю сегодня на час больше.

Я не знал, что ей ответить, я вообще не знал, что сказать, чувствуя себя обескураженным и безоружным. Я скомкал список, лежащий на прилавке.

- Ты делаешь новый заказ? – спросила Корина, снимая пальто. Сегодня она не принесла с собой холщовую сумку. У нее была только одна маленькая сумочка другой модели. Я ответил первое, что пришло в голову:

- Задерживаться на час не имеет смысла. Я закрою магазин в два часа. Мне ничего не даст, что ты будешь здесь, если никто сюда не заходит.

Корина заметила мою булочку. Она до сих пор сиротливо лежала там, в нашем, так называемом, офисе, все еще не развернутая. Я про нее даже не вспоминал.

- Ты принес завтрак? Так мы ужасно растолстеем, – шутливо заметила Корина и снова улыбнулась, искренне и честно глядя мне прямо в глаза.

Очень трудно разобраться в людях и столь же трудно оценить и судить их. Прежде я думал иначе, и мне казалось легким делом раскусить, к примеру, бывших мужей моей сестры. Тот курил травку и пил, этот слишком часто менял работу... Я спрашивал сестру: “Ну почему ты всегда связываешься с парнями, которых знаешь только по ночам? Разве ты не видишь, что они уроды недоделанные?” И она отвечала мне своей коронной фразой про семерых козлят. Нурия имеет в виду, что я вижу мир не таким, какой он есть на самом деле, а таким, каким я хочу его видеть, и что все курят травку или гуляют допоздна, что у всех людей есть недостатки и свои темные стороны, но она любит их и за это тоже. Такова теория моей сестры, но не моя. На деле же сестра лукавит, и если мы с мамой думали, что ссоры между сестрой и ее мужьями были не случайными, то на это были свои причины. Однако теперь я думаю: “А что мы с мамой знали на самом деле о возлюбленных моей сестры? В отношениях между двумя людьми случается много чего, зачастую противоречивого и неведомого даже для них самих. Трудное это дело – любовь, для кого бы то ни было. Мы хотим, чтобы было легко, но это не так”. Я понял это сегодня утром, в те минуты, когда та же самая женщина, что выгружала коробки с косметикой “Mar de Diamantes” из багажника машины в Косладе, теперь с признательностью смотрела на меня чистым, ясным и благодарным взглядом, пока варила в кофеварке кофе, чтобы потом с любовью разлить его по нашим чашкам, себе и мне. Люди могут быть крайне противоречивы.

- Знаешь, я очень сильно волновалась, в смысле беременности.

Вот тебе на, приехали! Так вот в чем крылась причина того, что она избегала меня с той ночи, когда мы спали вместе. Мы не пользовались презервативом. Все произошло столь стремительно и неожиданно, что у меня просто не было при себе ни одного, а поскольку Корина и не заикнулась об этом, то я подумал, что она принимала противозачаточные таблетки. Я понимаю, что с моей стороны это было ребячеством, я имею в виду безрассудством, свойственным зеленым юнцам. Конечно, я должен был быть более осторожным и предусмотрительным, более толковым, что ли, но в подобных делах я никогда не был предусмотрительным. Это правда, я слепо доверяюсь и предаюсь страстям, как бык, не думая о последствиях.

- Мне нравится быть козленком, – брякнул я, не подумав. Черт, ну и сказанул! И какого дьявола с языка сорвалось? – Каюсь, я не подумал о тебе и возможной беременности. Мне так жаль, что тебе пришлось туго. Такого больше не повторится.

Сказав последние слова, я понял, что тоже был несчастен, потому что мне хотелось, чтобы это повторилось снова, чтобы мы снова спали вместе, не подвергая Корину риску забеременеть, но я предпочел заткнуться. Ситуация уже сама по себе была довольно сложной. Я молчал, обдумывая следующий шаг. Я размышлял, как сказать Корине, что видел ее у подъезда дома в Косладе, знал, что она курила, знал, что она украла из магазина товары, когда она подошла ко мне с чашечкой дымящегося кофе. Корина собиралась протянуть ее мне, но сначала она меня поцеловала.

Впервые она поцеловала меня, и, ей-богу, ее поцелуй показался мне искренним и полным любви. Я обнял ее, как обнял бы вернувшегося с фронта бойца, рисквавшего на передовой своей жизнью, которого мы уже не чаяли увидеть снова. Она почувствовала мое состояние, слегка отстранилась от меня и улыбнулась.

- Ты очень хороший и добрый человек, Висенте, – промолвила она.

Не знаю, лучшие ли это слова на данный момент, что она может сказать мужчине, которому происходящее кажется непонятным, напряженным, “подозрительным”, но мне понравилось. Я пришел к выводу, что, на самом деле был хорошим, и потому понимал слабости сложной и путаной человеческой души. А поскольку я понял человеческую душу, возможно, не свою, но своей любимой, то сумел простить ее слабости и недостатки, темную сторону ее натуры. Я ничего не сказал ей ни о холщовой сумке, ни о сигаретах, ни о товарах, которым она за предыдущие недели приделала ноги. Впредь я буду начеку, стану более внимательным, чтобы не давать ей воровать. Впрочем, речь шла не о воровстве, а о мелкой краже, которую ты не можешь назвать чем-то таким даже по закону, и все торговцы это знают. Возможно, мои любовь и понимание помешают повторным кражам. Я уверен, что Корина расскажет мне о том, что с ней происходило, если мы и дальше будем много разговаривать и целоваться. А ведь у Корины должно было случиться что-то очень серьезное, чтобы заставить ее совершить чудовищный поступок – красть у друга, который дал тебе работу, совершенно тебя не зная, лишь потому, что ему понравился твой почерк.

17. Микроклимат

В последующие недели я часто спал с Кориной у Хосе Карлоса. В самый первый день она не хотела подниматься, потому что думала, что я привел ее к себе домой, и наотрез отказывалась раздеваться под той же крышей, что приютила мою мать. Она сказала, что это было бы настоящим

грехом. Как знать! Я сказал Корине правду, объяснив, что мы идем на шестой, а не на четвертый этаж, и в этой квартире мы будем одни, к тому же она даже не похожа на мою, потому что друг живет в квартире Б, а я в квартире А, и более того, он ее переделал.

- А ты не врешь? – подозрительно спросила Корина и тут же повторила вопрос. – Ты мне не врешь?

Корина и в лифте не могла успокоиться, продолжая допытывать меня вопросами, а я спрашивал сам себя: что такого сделали этой женщине, если она стала такой подозрительной и недоверчивой? Некий, временами говорящий во мне внутренний голос, ехидно злорадствовал, невнятно бормоча: она же по сути своей воровка, но я не обращал внимания на ничтожный голосок, свято убежденный в порядочности Корины. В течение этих недель на другой стороне реки я предпочитал думать, что она, по-своему, запуталась и растерялась, только и всего. Было совершенно очевидным, что Корина упивалась нашими отношениями, теми краденными минутами, что мы урывали у работы, церкви, у ее и моих обязанностей. Таких минут было мало, но они были настоящими, как кристально-чистый взгляд ее немигающих зеленых глаз, и этого было вполне достаточно для того, чтобы я чувствовал себя влюбленным.

Я знаю, что слово “влюбленный” иногда ничего не значит. Может иметься множество различных точек зрения на каждое конкретное чувство и даже на самую возможность того, что оно что-то значит, но вот что я имею в виду под словом “влюбленный”: есть человек, который нравится тебе больше остальных и, вдобавок ко всему, то, что он говорит тебе, оказывается очень важным для тебя; тебе очень нравится его тело, тебе хочется быть рядом с этим человеком, ощущать его присутствие, смотреть на него. Вот, в общих чертах, мои краткие выводы. Влюбленность – это физическое состояние, требующее материального подкрепления, которое базируется на определенных жертвах и дарах. К примеру, одним из таких маминых подарков, сделанных отцу, было то, что она назвала меня Висенте в честь моего деда со стороны отца. Помимо того, что это имя действительно ужасно, в семидесятые годы так никого не называли. В то время были популярны имена Давид, Даниэль, Алехандро, Борха, Гонсало... Мама сделала отцу подарок за счет меня, но я не хочу снова возвращаться к теме моего имени. Корина редко его произносила, и, вероятно, неспроста. А мои дары налицо – куча офисных товаров.

Думаю, Корина больше ничего не стащит из магазина. С одной стороны, я был предельно внимателен, и не предоставлял ей для этого возможностей, а с другой, мне хочется думать, что наши узы окрепли, и я уже не был тем незнакомцем, который тебе безразличен, и которого можно спокойно обчистить. Возможно также, что тот громила с машиной перестал требовать с нее долги, не знаю. Не знаю, но хотел бы узнать, поговорить с Кориной на эту тему. Я не увильнул от разговора, но мне не представлялось случая его начать. Как правило, я избегаю стычек и стараюсь не спорить. До недавнего времени я считал себя терпеливым и сговорчивым парнем, теперь я понимаю, что это не так. Куда там! Я избегаю споров просто потому, что мне страшна сама мысль о вышедшем из себя человеке, который стоит передо мной и орет на меня. Что тебе делать после того как он проорется и выскажет тебе ужасные вещи, давая ясно понять, что он думает иначе и хочет не того, что ты? Мне трудно это представить. Мне это неприятно. Это выматывает меня, вот я и уйду от этого. Но в случае с Кориной и с пятью картонными коробками, я четко осознавал, что когда-нибудь мы поговорим об этом, когда я увижу, что она чувствует себя уверенной и в безопасности. В данную минуту у нее не было полной уверенности, я это видел. Хотя нашим телам было комфортно в обществе друг друга, она почти не говорила со мной о своем прошлом, о жизни. Она очень скупно рассказывала мне об обычаях Байя Маре, о своей дочери, которая хочет стать врачом-педиатром, когда вырастет, и о том, что она очень привязана к ней. Говорила о том, что происходило в доме старичков, за которыми она ухаживала по вечерам. Корина шутила по поводу Испании и испанцев, которые очень часто казались ей чужаками, но она никогда не говорила о том, что у нее в душе, о своем эмоциональном состоянии. В то же время мне не казалось, что она находится со мной по принуждению. Я считаю, что говорить обо всем необязательно. Есть незримые вещи, о которых нельзя сказать словами, и которые передаются столь же невидимыми путями.

- Почему бы нам не уехать на выходные? – предложил я Корине в четверг. – В эти выходные. Мне кажется это неплохой идеей.

- Уехать на эти выходные? – с сомнением переспросила она, как будто я предложил ей ограбить нью-йоркский банк в Бронксе.

- Ну да. У моего друга, Хосе Карлоса, есть квартира на берегу моря, в Аликанте. Я могу попросить его, он все равно почти никогда не бывает в ней. А моя сестра может оказать мне любезность и подменить меня в субботу утром в магазине. Ну давай, скажи “да”.

На самом деле та квартира принадлежала родителям Хосе Карлоса, точнее, всей семье. Летом у

его родителей, как у школьников, каникулы, только по старости. Когда они, изнемогая от жары и полчища нахлынувших людей, уезжают в августе дней на пятнадцать к родственникам в Виго, Хосе Карлос сообщает мне об этом, и мы вдвоем едем туда расчудеснейшим образом. С тех пор, как мы были зелеными юнцами, прибрежный городок очень сильно преобразился, но мне нравится каждый год сталкиваться со зданиями, чьи фасады оштукатурены; с новыми участками земли, на которых начали закладывать фундаменты зданий, которые в скором времени будут возведены; с ларьками, в которых продается вкуснейший оршад, обжаренные кальмары, тьма-тьмушая упитанных медуз и все такое... [*прим.: оршад – прохладительный напиток с миндалем*]

- Хосе Карлос – хороший друг. У него такая миленькая квартирка и квартира на море...

- Он – настоящий друг. Когда-нибудь нам нужно пойти поужинать с ним и его девушкой.

- У него есть девушка?

- Да, Эстер.

- А почему он не женится?

Вопрос Корины поверг меня в шок. Если она их не знала, то какая ей разница? Своей реакцией на какие-то вещи Корина не переставала удивлять и потешать меня. Ее интересовала жизнь других людей. Я подумал и решил сказать ей правду.

- Он не женится, потому что Эстер уже замужем.

Корина ничего мне не сказала, жестом выразив свое недоумение. Я пояснил:

- Эстер уже замужем, у нее двое детей, и она не хочет бросать мужа, потому что... я не знаю точно, почему. Может, из-за детей, может из-за того, что не хочет огорчать мужа... Не знаю. Но она очень любит Хосе Карлоса, и они уже несколько лет вместе. Они работают на одном предприятии, используют для встреч командировки, и просто встречаются. Им хорошо, и они счастливы.

Корина молча и очень внимательно слушала, что подвигло меня на продолжение разговора.

- По правде говоря, я не вынес бы подобной ситуации. Я, например, люблю тебя, – сказал я и осознал, что произнес эти слова впервые в жизни, – и я не довольствовался бы короткими встречами с тобой. Если бы у нас все было хорошо, то рано или поздно мне захотелось бы, чтобы мы с тобой жили вместе.

Ну вот, все сказано. Неожиданно и предельно ясно. Корина продолжала молчать. Теперь я понимаю, что многие мои представления о ее мыслях были ошибочными, потому что мысли других людей почти невозможно предусмотреть. Не потому, что люди хранят секреты, которыми никогда не поделятся с нами, скрывают их от нас, а потому что, как я подозреваю, другие люди плохо думают обо мне. Эти грязные мысли обо мне, и обо всем, что со мной произошло, не имеет к ним никакого отношения. Меня до сих пор иногда одолевает желание позвонить Корине и спросить ее: “Что у тебя было ко мне? Что ты чувствовала ко мне на самом деле?” Мне хотелось спросить ее не для того, чтобы взять реванш, не для того, чтобы снова заниматься с ней любовью, а просто для того, чтобы знать правду. Из-за того, что во мне проснулся дух исследователя-авантюриста, который побуждает меня сейчас к познанию того, что уготовано мне в будущем, я изменил некоторые детали. Дело в том, что люди остерегаются подвоха, и я не знаю, готова ли Корина просто взять и рассказать мне прямо сейчас, что творилось тогда в ее голове на самом деле. Если она это знает. Сам я, как мог, уже объяснил себе все.

- Тебе кажется плохим то, что я сказал? – спросил я в тишине.

- Нет, – ответила она.

- Я считаю, что если человеку плохо с кем-то, он должен с ним расстаться, – пояснил я свою мысль. – Как моя сестра, которая рассталась уже с кучей мужчин. Обманывать мужа неправильно и несправедливо, даже если он не догадывается об измене и не страдает. По крайней мере, мне не хотелось бы такого, я предпочел бы обо всем узнать. Кто знает, может, муж Эстер недоволен своим браком и тоже хотел бы оставить жену, но не решается? Да у него, возможно, груз с плеч свалился бы, поговори она с ним.

- Не думаю, – тут же убежденно и решительно откликнулась Корина.

Я уже упоминал, что Корина, по своему обыкновению, говорит очень уверенно о том, чего не знает, и никогда не признаёт своих ошибок.

- Не думаешь что?

- Что муж избавится от груза. Брак – тяжелая вещь.

- Да, конечно, я представляю. Так мы поедем на выходные? Я попрошу квартиру? В городе небольшой бардак и сумасшествие, потому что его перестраивают, но место чудесное. Там есть несколько таких бухточек – закачаешься... Ты знаешь Средиземноморье?

Корина отрицательно качнула головой.

- Ну так познакомишься с ним. Захвати с собой купальник. Если повезет, можем сходить с тобой на пляж. Там такой микроклимат.

Корина согласилась. Мы заканчиваем инвентаризацию, которая составляла часть моей стратегии,

чтобы не дать товару сбиться со следа и перекочевать в холщовую сумку. Каждую неделю мы пересчитываем весь товар и сверяем со счетами от поставщиков, занесенными в небольшую тетрадку. Рабочая неделя подходит к концу, заканчиваются и наши с Кориной отношения. Вам может показаться ложью, но это был последний день, когда я видел Корину.

В данный момент телефон был выключен или находился вне зоны действия сети. Не действовала даже голосовая почта. Посылать сообщения было бесполезно, поскольку она не могла даже знать, что они пришли, не говоря уже о том, чтобы ответить. Столь же напрасным будет и мое новое появление у ее подъезда, если раньше я не нашел способа протоптать к ней дорожку помягче. Тем не менее, я промаялся весь день. В воскресенье я взял Паркера, сказал матери, что уйду надолго, потому что поведу пса гулять в парк Ретино, а потом выпью аперетива с друзьями, которые находились в парке всей компашкой по инициативе тех, у кого были дети, и они не знали, что с ними делать. С моей стороны это было бессовестное вранье. Я усадил Паркера в машину, и мы очутились в Косладе перед ее подъездом. Эти несколько часов были кошмарными, и это было самым большим безумством, совершенным мною в жизни. Думаю, я был вне себя, причем настолько, что мне хотелось купить сигареты и начать курить, как это делала Корина, когда была не со мной. Мне хотелось выпить, раздобыть что-нибудь, что обострило бы мои чувства и одновременно сразу одурманило бы меня, избавив от этой боли. Я выпил в баре напротив пару двойного пива, наблюдая за входом в ее подъезд через стеклянную дверь бара. Мне повезло – она вышла через два часа, а могла бы не выходить из дома весь день или не возвращаться домой до поздней ночи. Я не знаю, что я сделал бы в таком случае. Иногда я думаю, что у меня нет упорства и настойчивости даже для моей одержимости.

Корина вышла с ним, с этим вымогателем, но теперь у него была не наглая, мафиозная рожа, а вполне нормальное лицо обычного работяги, который наслаждается праздничным днем. Следом за ним шли двое детей: маленький мальчик лет восьми и девочка лет четырнадцати, которая, возможно, хотела быть педиатром, когда вырастет. Все четверо были нарядно одеты. Корина тащила в руках уже известную мне тяжелую холщовую сумку, забитую, как мне думается, едой. Из нее торчали два батона хлеба и несколько бутылок прохладительного. Корина была довольна, очень довольна. Она обнимала и целовала детей. Затем они подошли к той же самой машине, что и в тот день. Родители посадили детей в машину и пристегнули ремни, подогнав их по высоте, чтобы тем было безопасно и удобно. Они заботились о детях, как могут заботиться только родители о своих малышах. Прежде чем сесть в машину, он открыл багажник и очень галантно взял у Корины тяжелую холщовую сумку, что она несла в руках, и заботливо поставил ее рядом с их пальто, чтобы всем было удобнее ехать. Он поцеловал Корину, а она рассмеялась, потому что поцелуи для них были привычкой, а не новизной, как для нас. Прежде чем открыть дверцу машины и сесть на свое место, Корина вернула ему поцелуй. Пока он трогался с места, она повернулась и, улыбнувшись детям, спросила их о чем-то, а они в ответ согласно кивали головой. Когда они проезжали перед баром, мне кажется, что девочка, которая хотела стать врачом, посмотрела на меня, но в этом я не уверен.

Не знаю, как живут другие, я знаю только то, что происходило со мной.

18. Чакры

Прозвучал вызов мобильного, и я ответил, не глядя.

- “Посмотрим, как там Винсенсо”, – сказала я себе и, вот, позвонила. Как дела? Ты покупаешь мамин магазин или нет?

Меня удивило, что Бланка позвонила именно сегодня; она снова появилась на горизонте аккурат на следующий день после того, как я потерпел неудачу с другой женщиной. Я многое бы отдал, чтобы Бланка позвонила мне вот так несколько недель назад, а теперь ее звонок и злил меня, и вызывал к ней жалость. Почему она мне позвонила? Неужели почуяла по космическим волнам, что я сошел с ее орбиты? Я ненавижу женщин, желающих держать тебя рядом с собой, ничего не давая взамен. Бланка была не из таких, она незаурядная женщина, я всегда это говорю, но даже так...

- Приходи ко мне домой, – предложил я, – выпьем чего-нибудь, там и поговорим. Приходи.

Покуда ты с человеком, так легко думать “мы не можем быть вместе, все закончилось”. И так трудно, обычно невозможно, сказать или подумать то же самое, когда физически ты не с ним, потому что это непозволительная роскошь – думать о том, что ты не с ним, когда это на самом деле так, это очень мучительно. Временами такая мысль приходила мне в голову еще до нашего разрыва с Бланкой. “Мы не можем быть вместе”, – иногда думал я, находясь рядом с Бланкой в наши последние вечера. Я и не был с ней, потому что ни с одной, ни с другой стороны у нас не было ничего нашего, общего. Есть нечто, что кажется парам мучительным и скучным, это судьба, к которой они идут. Я даже не помышлял, что должен был прибиться к какой-то стороне, добраться до определенной физической

конфигурации: дом, двое детей, собака, тот же самый город, а чтобы стало понятней, объясню в общих чертах – я даже не думал о том, что мы с Бланкой могли хотеть совершенно разных вещей. Это уже другой вопрос.

Случилось так, что между мной и Бланкой были камни, рытвины и ухабы. Мы шли вместе, но шли по плохой дороге. Я все еще не понимаю, почему на нашем пути были камни, и почему нам не удалось выровнять грунтовую дорожку, смягчив возникавшие у нас адские ощущения. Полагаю, мы оба понимали, что на нашем пути были канавы и промоины, которые мы не выбирали, но они заставляли нас спотыкаться. Богом клянусь, что я приложил все свое желание, чтобы убрать с дороги все препятствия и сгладить острые углы, по крайней мере, со своей стороны, но у меня не получилось.

- Я окончательно порвала с тобой и устала пережевывать одно и то же, – вздохнула в трубку Бланка. – Ты что, не понимаешь? Постоянные разговоры о наших отношениях не идут нам на пользу, а только вредят.

Это была правда, в которой я убедился. Мало-помалу нас вгоняли в тоску сначала наши встречи, потом телефонные звонки, а под занавес даже мысли о другом повергали нас в уныние.

- Висенте... посмотри на меня, Висенте.

Когда нам было плохо, я, обычно, смотрел на нее. Мне хотелось залезть к ней под бочок и только плакать.

- Послушай, любимый. – Бланка называла меня любимым, когда мы собирались распрощаться. В жизни конец отношений всегда страстный, думаю, это обычное явление. – Можно прикладывать множество усилий, но отношения базируются на постоянных усилиях и стараниях, а ты не такой. Ты становишься лицемерным притворщиком, а это утомляет. Отношения даны не для мучений, а для счастья. Понимаешь?

Конечно, я понимал Бланку, но не собирался отвечать. Что я чувствовал? Что я мог ответить? Что любое дело, за какое бы я ни взялся, лопалось, как мыльный пузырь? Что она далеко, а я один и опустошен? Что понемногу закончилась наша хмельная радость?

- Винсенсо, что с тобой? У тебя что-то случилось?

- Ничего.

- О чем ты думаешь?

- Да так, ни о чем. Не сходить ли нам в кино.

Со мной ничего не происходило, ровным счетом ничего. Я думал только о том, чтобы целовать ее и затащить в постель, потому что это было лучшим заменителем радости, пришедшем мне в голову. С одной стороны, я не хотел чувствовать то, что чувствовал, а с другой, не мог рассказать бывшей о том, что со мной происходило, потому что, находясь рядом с Бланкой, я переставал переживать. Все во мне словно замирало, и я становился будто замороженный. Должно быть, Бланка замечала это, потому что тоже леденела. А может, ей было скучно со мной. Это является другим объяснением, более простым и требующим меньше времени. В то время я винил себя за недостаток радости, за все камни, за скуку, но теперь я задаюсь вопросом, не было ли и в Бланке тоже чего-то такого, что резко затормаживало нас всякий раз, когда мы были вместе.

- Ты замечательный человек, и я очень тебя люблю, но... Все-таки лучше, что мы расстались, Висенте. Ну же, Винсенсо, не делай такое лицо.

Это сейчас я с легкостью все объясняю, но в свое время это было не так. Мне не хотелось, чтобы все заканчивалось. Я не мог расстаться с Бланкой и пребывал в напряжении, убирая камни с дороги и засыпая рытвины. Иногда вручную, иногда быстро принимая решения, позволявшие мне за один присест как лазерным лучом испепелить все наши проблемы. Ты, конечно, понимаешь, что все это вздор, и никаких таких лазерных способностей у меня отродясь не было. А рытвины – не шутивная метафора, которую я привожу сейчас здесь для примера, потому что мне приспичило рассказать все это. Нет, сеньора. Это способ озвучить неосознанные идеи, мысли, предубеждения, воспоминания, стоявшие между нами, которые мы не могли ни выразить, ни преодолеть, ни отогнать. Я понял это, когда Бланка позвонила мне сегодня утром, в понедельник. Никогда прежде я этого не понимал, ни когда мы встречались, ни после разрыва, потому что меня терзала только моя неспособность заинтересовать Бланку и вернуть ее. Теперь у меня уже не было прежних пылких чувств к ней, я не был связан с Бланкой и мог на расстоянии трезво и спокойно, но с симпатией, анализировать вещи. Сегодня вечером, после закрытия магазина, я встречался с Бланкой.

- Давай же, двигайся, у тебя тело тверже стального сейфа... Давай, открой эту чакру. Если ты не станешь шевелиться, Висенте, ты ее никогда не откроешь. [*прим: чакра – в практике индуизма – центр силы и сознания, по которым протекает жизненная энергия*]

Понятия не имею, какую чакру она бы предпочла. Четвертую. Пятую. Я в этом не разбираюсь. Мы танцевали в бразильском клубе, который она нашла, когда мы еще не встречались, и который очень ей нравился. Я старался следовать ритму, и чтобы не думать о нем пытался слиться с музыкой, пропустить ее через себя. Говорят, что так и нужно делать, но я думал только о ритме и, в итоге, терял его. Но как бы мы, испанцы, не любили музыку, она не учит нас активировать чакры. Тем самым, меня ничуть не интересовало, что говорила Бланка на эту тему, поскольку эту свою беду я разделял вместе со всеми. Тем не менее, за время наших отношений Бланка могла заставить меня почувствовать себя полным нулем в области танцев и ощутить полную раскоординированность движений. Она настаивала, чтобы мы практиковались во всем наборе, так называемых, национальных танцев, типа фламенко, который она просто обожает. А мне нравилось слушать музыку вместе с ней, и с этого момента я на какое-то время увлекся всем этим и даже отличал фанданго от сегидильи. [прим: *фанданго* – испанский народный танец, исполняемый под пение в сопровождении гитары и кастаньет; *сегидилья* – испанский народный танец, исполняемый под пение в сопровождении гитары и кастаньет]. Тогда меня не особенно интересовал ход времени, вернее, интересовал, когда она была со мной. Меня интересовала сама Бланка и все, что было интересно ей, потому что в танце она говорила мне что-то о себе так, словно фламенко принадлежал ей, словно Моренте или Кармен Линарес рассказывали о ней в песнях, раскрывая мне секретные формулы, как же снова обрести ее, как приблизиться к ее неприступной душе, в которую я, порой, заглядывал, и мне, как дьяволу, хотелось забрать ее. [прим: *Энрике Моренте* – испанский певец, исполнитель фламенко; *Кармен Линарес* (Кармен Пачете Родригес) – испанская певица, исполнительница широчайшего спектра фламенко и национальных песен] Но я не дьявол. Лукавый, похитив душу, удирает прочь. Он знает, что вынужден бежать с этим грузом, как можно быстрее, потому что душа захочет немедленно вернуться в свое тело, или тело станет требовать свою душу. Так и Корина захотела вернуться к своей семейной жизни и не связываться со мной. Да, я не был дьяволом и не прятал как можно дальше украденные на бегу души. Думаю, это связано с излишним проявлением моих чувств, но я могу и ошибаться. Я плохо разбираюсь в каких-то вещах, и это один из моих недостатков, причем крупных. Сейчас я понимал, что мне не хватало хитрости и изворотливости. Вольно или невольно, желая того или нет, но я всегда держу карты открытыми.

Мы танцуем и пьем, в особенности я. В конце концов, я изрядно накачался, так что мне удалось не думать о ритме и не обращать на него внимание. По словам Бланки я приспособился к фонограмме. Когда эту развалюху (а это была не более чем древняя, маленькая дискотека с хорошей музыкой и славным кайпиринья [прим: *кайпиринья* – бразильский алкогольный коктейль, который готовится из кашасы, лайма, льда и тростникового сахара]) стали закрывать, мы с Бланкой пошли к ней домой и спали вместе. Я очень смутно помню и не скажу точно, занимались ли мы любовью, поскольку не придавал этому никакого значения. Я помню только, что мы целовались, и поцелуи Бланки, которые прежде так нравились мне, теперь меня разочаровали, потому что это были не Коринины поцелуи. Я искал, но ничего не находил в них. Они были равнодушно-бесчувственными, в них не было ни страсти, ни любви; эти поцелуи заставляли меня лишь еще больше тосковать о моей румынской возлюбленной. Я хотел быть человеком, который может отделить секс от любви, рассматривая его, скорее, как некое гимнастическое упражнение, но я никогда не был таким человеком. Мое тело не имеет иной жизни, отличной от моей, поэтому я не испытывал удовольствия от перспективы секса с Бланкой. Теперь для нас все было слишком поздно. Мы возвращались к тому времени в нашей общей стране, срок действия визы в которой уже истек. Тем не менее, было приятно проснуться в объятиях Бланки, и с жуткой головной болью с похмелья принять душ в ее ванной, стоя под напористыми струями воды, потому что все в ее квартирке было превосходным, таким милым, аккуратеньким, и к тому же, чудесно работало. Словом, все было под стать ей самой.

Я доставал себе таблетку “Эспидифена” из американской барной стойки на кухне, надо заметить, претендующей также на звание гостиной, столовой и мастерской. Квартирка была маленькой, но, как я уже говорил, в ней было все. Самой же Бланке по душе мастерить украшения, поэтому она обустроила себе на кухне уголок прикладного искусства. Так вот, не успел я принять таблетку, как Бланка выпалила истинную причину ее вчерашнего звонка:

- Я уезжаю, Винсенсо. Я уезжаю из Испании. Я закрываю свою квартиру и буду жить в другой стране.

Я окаменел. Это известие ошеломило меня сильнее, чем безразличие к ее телу, которое испытало мое тело сегодня ночью, как и следовало ожидать. Таковы наши тела и разум; они отличаются сами по себе.

- Куда? – выдохнул я.

- В Англию. В головную компанию моей фирмы. Там освободилось место, и... да что там, здесь

меня ничто не держит, я ни к чему не привязана. Ты же знаешь, что мой брат болен, и уже пару лет как уехал туда вместе с мамой. У них все хорошо. Вот и я хочу попробовать что-то новое, прежде чем стану слишком старой и падкой на удобства домоседкой.

Англия. Надо же, именно Англия. Судьба... Место, о котором я постепенно забывал, где происходило действие песен, которые так много значили для меня. Англия. С ее чаем, *fish and chips* (рыбой с жареным картофелем), ее двухэтажными автобусами, ее фабриками, правосторонним движением, ее шахтерами в шаге от войны, ее пинтами пива. Я и думать забыл об Англии, этом легендарном острове, которым я восхищался когда-то, целые века тому назад, и вот теперь другие люди осмеливаются сделать шаг, чтобы завоевать его. Бланка была права. Время шло неумолимо, а она была старше меня. Сколько шансов на перемены есть у женщины за сорок? Я почувствовал себя осиротевшим; мне не хотелось, чтобы Бланка уезжала. Мне нравилось думать о ней. Хотя я уже и не был в нее влюблен, но мысленно я разговаривал с ней.

- Ну же, Винсенсо, не делай такое лицо, – Бланка понимала, что со мной творилось. Незаметно для меня самого мои глаза затуманились, такое иногда со мной бывает. – Англия – вот она, совсем рядом, и есть целая куча совсем недорогих авиарейсов.

“Такие вещи говорят, но не делают,” – подумал я. Сколько раз за эти годы я летал в Англию? Ни разу. Несмотря на свое огромное желание – ни разу! Бланка прочла мои мысли, а может, она просто думала о том же, и продолжила свою сердобольную ложь:

- Вот увидишь, там мы будем встречаться чаще, чем здесь. По крайней мере, находясь друг от друга на расстоянии, мы будем переписываться и общаться по скайпу. Это же так весело.

“Нет, – подумал я, – у тебя будут новые друзья, новая любовь, новые места, по которым ты будешь ходить: офис, супермаркет, химчистка, винный магазинчик, аптека, спортзал, бензоколонка, любимый индийский ресторанчик... Я не впишусь в эти декорации, и ты меня забудешь”. Но я не стал говорить свои мысли Бланке, вместо этого я подтвердил:

- Конечно, само собой.

- Уже четверть девятого, – нежно промурлыкала она, – я опаздываю на работу.

- Когда?..

- В эту пятницу, – ответила Бланка, надевая пальто.

Я встал со стула и обнял свою бывшую. Если бы я обнимал ее чуть дольше, то, кажется, расплакался бы, но, очевидно, Бланка предвидела такой вариант:

- Эй, Винсенсо, это не окончательное прощание, это всего лишь прощание до новой встречи. – Бланка слегка отстранилась от меня, улыбнулась и поцеловала в губы. – У тебя впереди масса времени, сколько хочешь. Потянешь за дверь, и ты уже там. Учти, ты – первый, с кем я хочу там встретиться. *Goodbye, my darling* (Пока, до встречи, милый). – И вышла за дверь.

Я даже не успел рассказать ей ни о Корине, ни о том, что покупка маминого магазина накрылась могучей шляпой, ни о сестре с ее детьми, живущей теперь с нами, ни...

По дороге в магазин, стоя в метро в мятой и несвежей вчерашней рубашке, я подумал, что незадолго до смерти моего отца Сантьяго Аусерон ушел из группы “Radio Futura” и стал называть себя Хуан Перро. Я достал несколько дисков кубинской музыки, которые имели большой успех, но не входили в число моих любимых. Я ведь уже упоминал о своей проблеме с ритмами тропиков и карибов. Я не могу станцевать даже болеро, не говоря уж о перрео или сальсе. Самое интересное заключалось в том, что уйдя из “Radio Futura”, Аусерон объединился с Кико Венено, и, благодаря этой дружбе, в свет вышел диск под названием “Échate un cantecito”, который я прослушал еще до того как его выпустили на кассетах. Сразу после смерти отца, я стал с еще большим рвением слушать музыку. Она единственная смягчала и приглушала боль, но это не имеет к делу никакого отношения. А дело, собственно, в том, что в метро я подумал, что мне хочется, чтобы мой друг, как Сантьяго Аусерон (а лучше женщина, такая как Бланка), помогли мне выудить из самого себя все самое лучшее и идти своим путем, тем, которым я иду, но лучшим, чтобы стать таким, как большинство людей. Кико Венено сделал шаг от своих предыдущих, более резких, дисков к имевшему большой успех диску “Échate un cantecito”, этакий плавный, естественный переход, который он проделал со своим товарищем. Я хотел бы того же для себя – спокойной, размеренной, упорядоченной перемены, сложившейся в моей голове: покупка магазина, отношения с Кориной, мое постепенное преобразование. Вот только кто будет моим Хуаном Перро или Сантьяго Аусероном? Бланка? Она уезжает. Хосе Карлос? Он славный малый, но слишком занят своими делами. К тому же, на самом деле он был таким же обалдевшим как и я от повседневной рутины и помешанным на работе. Неделю за неделей он топтался на месте в своих любовных отношениях, не делая ни единого шага ни вперед, ни назад. Корина? Корина, прикинь. Нет, не Корина. Я был один. У меня не было друга, который придет мне на помощь, укажет дорогу и подтолкнет вперед.

Сегодня вечером я погулял с Паркером и рано лег в постель. Племянники еще чистили зубы в ванной, решительно отказываясь ложиться спать и препираясь с сестрой, чтобы она дала им посмотреть какую-нибудь вечернюю телепрограмму. Читать мне не хотелось, и я лежал в кровати, тупо глядя в потолок. Эту комнату родители обустроили для меня, когда я был еще ребенком. Та же самая комната, и тот же самый потолок. Конечно, сама комната имела теперь другой вид: письменный стол, вращающееся кресло, книги в этажерке; поменялся цвет стен, потому что те пестрые, цветастые обои я содрал сто лет назад; детские занавески заменили на шторы, а стеганое одеяло – на кретоновое покрывало. Словом, все было другим. До сегодняшнего утра я думал, что тоже менялся, что время делало свое дело, но сейчас, вечером, я уже не был так уверен в этом. Я поднялся, открыл ящик с виниловыми пластинками и достал из него одну. Затем я включил проигрыватель и с величайшей осторожностью опустил иглу проигрывателя на бороздку пластинки. Зазвучала чудесная мелодия со всеми ее переливами: “Еще одна ночь, когда я не сплю, еще одна ночь, когда я в растерянности... Весело звучит старый рояль за зеленой дверью...”

Лежа рядом с моей кроватью, Паркер внимательно смотрел на меня своими влажными черными глазами. Я почувствовал к нему необычайный прилив любви и нежности. Они буквально переполняли мою грудь. Я улыбнулся псу и, не сумев сдержаться, задал ему вопрос: “И что мы из себя здесь представляем?”

19. Возвратиться к семнадцати годам

Целую неделю я бессознательно бродил как неприкаянный с единственной мыслью в голове – как пережить нескончаемо долгий день, дождаться наступления ночи и забыться сном. Дети во многом мне помогали. Я понял, что, благодаря сестринским любовным неудачам, я получал удовольствие от близости трех своих племянников, чего нет у других людей. Дети спускают тебя с небес на землю, ты меньше паришь в облаках и крепче стоишь на тверди земной, а в такие дни, какие выдались у меня, лучше вообще не отрываться от земли. Наступили выходные, и все дети разъехались кто куда, каждый со своим отцом – вещь, добиться которой совсем непросто, поскольку, как правило, выходные в рабочих графиках всех троих папаш, совпадают крайне редко, особенно, если учесть, что один из парней – аргентинец, и приезжает сюда из родной страны только тогда, когда ему заблагорассудится, как говорят жители Буэнос-Айреса. В пятницу в доме стало тихо, и я ощутил ужас пустоты, нависшей надо мной. Покумекав, я разработал план под названием “сядь на велосипед”. В воскресенье, одевшись сообразно намеченному плану, в солнцезащитных очках и шлеме я спускался по лестнице с велосипедом в руках. В лифт велосипед не помещался. По пути я столкнулся с нашей соседкой Фатимой; она как раз запирала дверь своей квартиры на семь замков, чтобы направиться к мессе.

- Здравствуй, Висенте, раскрасавец.

- Доброе утро, Фатима.

- Послушай, если тебе с мамой что-нибудь нужно, ты только попроси. Я вижу, она поправляется.

- Я знаю, что она уже спустилась, я даже пальто на нее не надел. Я как раз был в ванной, а она, ну ты же знаешь, как она нетерпелива.

- На то и существуют соседи. Посмотрим, может сегодня вечером я поднимусь провести ее и составлю ненадолго компанию.

Компанию ненадолго? Я улыбнулся своим мыслям, представив ужас на лице матери, когда прозвонит дверной звонок и появится Фатима. Иногда я даже боюсь, что однажды терпение у мамы лопнет, и она отвесит соседке смачного пинка, а то и побьет. Посмотреть на это было бы забавно, но неприятно.

- Поднимайся-поднимайся, когда захочешь. А сейчас я ухожу, Фатима, я спешу.

- Так ведь и я тороплюсь. Я иду к одиннадцати часам на мессу. До свидания, Висенте, до свидания, милоч.

Тяжело думать, что ничему нет объяснения, трудно принять, что предметы действительно бездыханны, и что наша жизнь не имеет особенного чувства и глубокого значения; получается, что все не более чем слепой случай, и у нас нет души. Фатима, естественно, прежде чем согласится с подобной идеей, предпочтет думать, что сам Бог или Пресвятая Дева Кармен, или Благословенный Святой Петр сидят среди коробок, дергая нас за всевозможные ниточки. Однако я до такого не дорос, и слово “бог” мне ни о чем не говорит, а созданные религии тем паче. Это касается и части коммунистических заветов, на которых меня растили. Но хоть я и не верю в бога, но верю в души. Не в те, что отправляются на небеса или мучаются в аду, и о каких пекутся люди типа Фатимы, еженедельно отстаивающие мессу и время от времени заказывающие службу на помин души. Нет, я верю в иного рода души. Если бы я не верил в души, во что-то невидимое, я не злился бы на жизнь, на какие-то вещи, на эти незримые ниточки, которые согласно распорядку или намерению, выходящему

за пределы материальности вещей, незаметно управляют вышеупомянутыми вещами, делая так, что бутерброд всегда падает маслом вниз, или же ты остаешься в магазине без кофе именно в тот день, когда он тебе больше всего необходим. Я верю в следы, которые люди оставляют на вещах, которых они касались, и в душах других людей, иногда положительные, иногда отрицательные. Верю в случайности, потому что в одних случаях мы знакомимся, в других нет, благодаря песне, книге или написанной красивым почерком рекламке в руке. Такой была душа при помощи которой отец расспрашивал меня обо всем во сне. Такой, и только такой.

На велосипеде я добрался до вершины горы. Небольшая поездка по Каса де Кампо сегодня меня не устраивала. [*Каса де Кампо – самый большой парк Мадрида*] Разве не имел я душу улитки? Тогда жми до последней цели – вершины Педриза на маршруте Зетас, говорящее название. [*Зетас – велосипедный круговой маршрут по горному массиву Сьерра-де-Гвадаррама в районе Мадрида. Начальная и конечная точка маршрута гора Пеориза (Каменная стена), длина 52км с перепадом высот 1542м*] В словаре говорится, что глагол ошибаться означает не только допущенную ошибку, но и заблуждение, растерянность. Именно таким я себя и видел – едущим на велосипеде по Педризе, допустившим ошибку и потерянным, интуитивно чувствующим, что с Кориной я шел по прекрасной, цветущей, солнечной дороге, но в какой-то момент, непонятно как, свернул с нее и больше никогда не ступлю на нее снова. Я крутил педали и изводил себя, мысленно прокручивая все поступки и дела, просматривая каждое свое действие, стараясь вспомнить каждое сказанное мною слово, чтобы найти свою оплошность. В моей голове все перепуталось: и то, что я сказал, и что не говорил, в первую очередь, что не говорил, и что сказал плохого. Я считал, что моя ошибка была ужасной, просто чудовищной. Я был убежден – не оступись я, и с Кориной все могло быть по-другому, даже если она была замужем, имела двоих детей, лгала мне. Я преисполнился тревоги, видя во всем лишь роковую тень своей некомпетентности. По дороге мне попалась закусочная. В глубине ее за дальним столиком сидела группа экскурсантов, отмечая чей-то день рождения. Кто-то пел под гитарный перебор:

Вернуться в семнадцать лет, прожив сто лет, это все равно, что расшифровывать символы, не умея этого делать...

Я знал эту песню. Когда я был совсем маленьким, мама слушала ее в исполнении Розы Леон. Репертуар Виктора Хары и Виолеты Парра был необычайно популярен среди прогрессистов семидесятых, принимавших участие в антифранкистском движении, как мои родители и многие другие люди, причастные к книгоиздательству. [*Роза Леон – испанская певица; Виолета Парра – чилийская певица, ездила по всей стране, собирая народные песни, покончила с собой, расставшись с возлюбленным; Виктор Хара – чилийский певец, политический активист, член компартии Чили, был убит путчистами во время военного переворота в 1973г. Песни всех троих зачастую имели острую социальную направленность*]

Неожиданно снова стать таким хрупким и недолговечным, как секунда, снова чувствовать глубину, как ребенок перед богом...

Я начал напевать стихи как молитву, не в силах сдержаться. Песня вела меня за собой, пробуждая эмоции.

Именно это я чувствую сейчас, в этот многообещающий миг...

Я столько лет не слышал эту песню, и теперь мелодия выплывала из далекого далека. Но откуда столько эмоций? Что общего было у меня с Виолетой Парра? Да ничего, за исключением семейных воспоминаний. Начнем с того, что она была женщиной, родилась в самом начале XX века, вела бурную жизнь, полную приключений, и покончила с собой в возрасте пятидесяти лет в 1967 году, задолго до моего рождения. Кем была для меня Виолета Парра? Посторонним человеком, и в то же самое время, она вселяла в меня что-то хищное. Почему я думал о ней сейчас? “*Прожив сто лет*”. Это я понимал, потому что чувствовал себя точно так же. “*Расшифровывать символы, не умея этого делать*”. Это я тоже понимал. В последнее время я видел столько знаков, что хотел бы, но, порой, не мог расшифровать их значение... В моей жизни что-то происходило, но что? Я ожидал указаний. “*Хрупким и недолговечным как секунда... Как ребенок перед богом*”. Я ехал в сопровождении Виолеты Парра. Может, оттого, что мне было очень грустно? Что по утрам я с трудом вставал с постели, безучастный ко всему, тоскуя о том, что ушло безвозвратно, что могло бы быть, но никогда не будет? Может, оттого, что связывало меня с Кориной? У нас с ней было наше, общее, а именно – ее руки на моих плечах, на боку, на затылке; ее такие мягкие, нежные губы и тот бунтарский поцелуй в машине. Но столь глубокое чувство было невозможным, ведь я был знаком с ней всего несколько недель! Как мне могло так сильно не хватать ее, если я был с ней так недолго, и так мало имел? В сущности, я почти ничего не имел. Крутя педали, я думал, что каждая новая потеря сменяла предыдущие, и, может, теперешняя утренняя грусть была грустью о многих прошлых утрах, таких неразлично далеких, что я даже не мог назвать их по именам. У меня нет четкого направления, строгой отчетности, я смешиваю все в беспорядочную кучу. “Ты как те люди, что просто складывают накладные, счета, билеты, чеки в одну картонную коробку, – мысленно говорил я себе, – и идут по

жизни без кошелька, с билетиками, кредитной карточкой, ключами и перепавшей им мелочью в почти пустых карманах”. Безотчетность означает хаос, лабиринт.

Я увидел себя человеческим существом в стадии инволюционной меланхолии. [*прим: инволюционная меланхолия – болезнь, характеризующаяся подавленным настроением, тревогой, страхом, растерянностью*] Я понял, что все мои знания были ни на что не годны, а новых знаний я уже давно не получал. Я был человеком, уверенно едущим по свету на велосипеде, но... Но я ничего не знал. Не знал, как вести себя с женщиной, как сказать ей о своей любви, как приблизиться к матери или отдалиться от нее, как принимать людей на работу, как быть честным. Я даже не знал, как быть другом, братом. Я вообще ничего не знал. Это было бы не так тяжело, если человек готов учиться. Я был готов, но не думал, что смогу научиться. Как научиться? Где? Кто тебя научит? Я не двигался вперед, просто еле-еле тащился по жизни как несчастная, бесправная улитка. Я слез с велосипеда. Тоска мешала мне ехать дальше. Я спрятался за одной из гранитных скал в цепи мадридских горных хребтов и достал свой скудный паек. Я, шеф-повар, не имел ни малейшего желания приготовить себе что-то стоящее. Я посмотрел на еду и увидел жалкий бутерброд с хлебом “бимбо”, который я всегда терпеть не мог и сухофрукты. У меня пропало желание есть; на глаза навернулись слезы.

- Учись у старших.

- Так.

- Дети учатся, подражая старшим.

- Понятно...

Я испугался. Кто это сказал? Я разговаривал сам с собой? Верно, так и было. Кто мог знать, о чем я думал? А может я был так расстроен, что думал вслух, сам того не замечая? Я огляделся по сторонам. Вокруг никого не было видно.

- Потому что дети чувствуют страх, когда не знают, как себя вести.

Я ни в чем не мог быть уверен, но, видимо, кто бы то ни был произносил эти слова, и именно эти слова были мне необходимы в эту минуту. Разве что они звучали в моей голове, накрепко засев в моих мыслях. Мне начинало казаться, что весь мир говорит об одном и том же – обо мне. Я убрал бутерброд обратно в рюкзачок и встал. Я не хотел, чтобы кто-то, идущий сюда, застал меня здесь сидящим на корточках и плачущим. К тому же мне хотелось дослушать разговор. Осторожно выглянув из-за скалы, я увидел с другой ее стороны группу ребятишек-скаутов, чинно взбравшихся по склону горы в сопровождении двух девушек. Детишки показались мне очень маленькими.

- Страх? – переспросила та, что, похоже, была младшей по званию, руководитель или младший скаут-инструктор, как называют ее на скаутском сленге.

- Да, страх, – подтвердила начальница с голосом певицы. – Мартин, Лукас, Кандела!.. Не сбейтесь с пути, сейчас мы придем и съедим бутерброд...

Все ясно. Вот что я чувствовал в этот момент – страх, он сопровождал меня. Я настолько привык к нему, что уже не называл его так. Его суть стала моей сутью, он жил в моей коже и мышцах, которые приспособились к нему как к неопреновой одежде. Я наострил уши. Чтобы не показалось, что я подслушиваю, я стал проверять давление в шинах, достал насос и продолжал слушать ту девушку.

- У детей единственный способ избавиться от страха и тревоги, это двигаться, делать что-нибудь, поэтому они ищут пример для подражания, а за неимением ничего другого, они подражают старшим. Они учатся у взрослых и хорошему, и плохому. Если мы курим, то курят и они. Если мы кричим, они тоже кричат. Мы, взрослые, не все делаем хорошо, так ведь?

Разница между мной и детьми была равна нулю. Я ничем от них не отличался, я тоже подражал, как и они. Разница между необузданной и свободной Виолетой Парра и мной, наоборот, была неизмеримо огромной. Виолета пела о многообещающем миге, у меня не было никакого многообещающего мига. Я находился один на вершине гранитной скалы кастильского горного хребта, окруженный детьми, которые пока еще не совершили ни одной ошибки. Мне стало мучительно больно за них при мысли о жизни, которая расстилалась перед ними, такими чистыми, непритворными путниками, и о серьезных ошибках, которые они могли допустить на жизненной стезе. Нет, я, скорее, мог согласиться с другой строчкой: “*Я делаю шаг назад, когда вы шагаете вперед.*” Это мне больше подходило – я оставался позади. Подумать только! Как глупо: единственная перемена, пришедшая мне в голову, – вместо продавца стать владельцем магазинчика канцтоваров. Вернуть меня в семнадцать лет, избавить от этой тревоги, досады, недовольства. Кто-то должен был это сделать, и этим кем-то оказалась как раз Корина. Только она одна могла смягчить ту боль и беспокойство, причиной которых являлась. Но чем была вызвана эта тревога? Как всегда, моей неспособностью понимать языки: ни свой собственный, на котором говорю, ни ее. Для меня все было иностранным языком, к которому не было словаря, чтобы в нем разобраться, лабиринтом тридцатилетних. И я снова был в его начальной точке.

20. Жертва

Когда после поездки на велосипеде я снова сел в машину, то заметил, что не захватил с собой мобильник. Чтобы не строчить впустую СМС-ки, прислушавшись к доброму совету Хосе Карлоса, я снова оставил молчащий телефон в багажнике. Мне было очень больно ежеминутно убеждаться в том, что мобильник не звонил. Дело не в том, что я не слышал звонка, просто Корина вовсе не собиралась мне звонить. Ни для того, чтобы объясниться, ни для того, чтобы сказать единственное, что я желал услышать всей душой – что она скучала по мне и хотела бы вновь встретиться со мной. Я вышел и снова достал мобильник. В телефоне были пропущенные звонки, причем много, но не от Корины, а от сестрицы Нурии.

- Какого черта! Куда ты запропастился?

- Катался на велосипеде.

- И при этом оглох?

- Я забыл телефон в машине. А в чем дело?

- В чем дело? Ты сошел с ума, вот в чем дело. – Сестрица, как всегда, необычайно ласкова. –

Приезжай в больницу Грегорио Мараньона, быстрее.

- Скажи, наконец, что происходит!

Человек может представить определенные вещи и оценить, как он себя поведет в том или ином случае, но старость родителей это нечто такое, к чему ты не готовишься. Она подстерегает тебя неожиданно. Ты можешь запаниковать, видя, как стареют твои родители, и впервые осознав, насколько они слабы. Их тела не выдержат все удары, лишь какие-то, но не все. Родители не будут здесь вечно, чтобы сдерживать твои удары, они больше не смогут опекать тебя, теперь уже ты должен опекать их, воздав им сторицей. Они должны быть окружены твоей заботой, чтобы потом исчезнуть навсегда. В моем случае это, вероятно, было более очевидным. Отец умер молодым, и я напрочь отвергал мысль о том, что мама тоже может умереть раньше времени. Один из родителей – может, но не двое. По статистике не может. Таков был мой расчет и мои счета с судьбой. Тем более что мою дюжую маму злило, если ты простужался, потому что сама она никогда ни разу не кашлянула, о чем и говорила. Тем утром, прежде чем взять велосипед, я брился и услышал скрежет дверного замка. Я несказанно удивился, и поскольку был, в чем мать родила, то быстро обернул вокруг пояса полотенце (на большее времени не было) и выглянул в коридор, где увидел маму с собачьим поводком в руке.

- Мама, куда ты собираешься идти?

- За хлебом, – невозмутимо ответила она, словно это было для нее самым обычным на свете делом. Пес выбежал из ванной следом за мной. – Так Паркер здесь? А я-то его обыскала! Давай, надень на него ошейник.

- Ну уж нет! Никуда ты не пойдешь. – Я встал между ней и собакой.

- Я спущусь за хлебом, а то имбирный, который так любит твоя сестра, заканчивается.

- Как ты собираешься нести хлеб? В какой руке? Моей сестрицы, что ли?

- Вот этой самой рукой. – Мама гордо продемонстрировала мне здоровую, незабинтованную руку.

- А какой еще рукой ты хочешь, чтобы я тащила? Ну ладно, надевай на Паркера ошейник, вон, посмотри на него, какой он.

- У него все прекрасно.

- Ничего не прекрасно, живо лужу наделает.

- Сейчас я сам его выведу!

- У этой собаки маленький мочевого пузырь, Висенте, он не может терпеть. Ладно, я пошла.

Паркер, идем.

У моей мамы, как я уже говорил, маловато терпения и она не тратит время на споры и пререкания. Она была уже в пальто, поэтому попросту развернулась и направилась к двери. Не знаю, право, как ей удалось, но пока я принимал душ, терзаясь и жалея себя, она умудрилась без моей помощи натянуть пальто. Я постарался образумить ее:

- Мама, Паркер рванет на улицу и поволочет тебя за собой, ты упадешь, и у нас снова будут неприятности.

- Ничего подобного, мой мальчик, песик меня слушается.

- Послушай, мама, сделай милость... – Мы уже были на лестничной клетке. Маме удалось справиться с собакой, поводком и сумкой. Дверь лифта уже была открыта. – Как ты надела пальто?

- Фатима, – коротко ответила она.

- Ты спускалась домой к Фатиме? Зачем? Чтобы она надела на тебя пальто? Ах да, конечно, ты же жаждешь с ней встреч.

На самом деле мама была в отчаянии, если позвонила в дверь нашей соседки. Она много раз говорила и говорит, что хоть и не верит в бога, но отлично представляет себе преисподнюю в виде нескончаемого вечера с Фатимой.

Тут какой-то сосед громко прокричал:

- Да что там такое с этим лифтом?..
- Мама, – взмолился я в последний раз.

Мама покосилась на Паркера:

- Сейчас малыш напрудит.

Мне пришлось уступить. К тому же я проспал чуть больше запланированного, и, в сущности, мне было на руку, что мама вывела Паркера. Так у меня была возможность как можно раньше сесть на велосипед и смотаться в горы.

- Но только хлеб, и больше никаких тяжестей. Ни йогуртов, ни пирожных, ни газет и журналов.

Мама, наконец-то, вошла в лифт и изрекла:

- Ступай в квартиру, детка, ты только посмотри, в каком ты виде.

И правда – половина лица в пене для бритья, чуть ли не нагишом, едва прикрытый полотенцем, обернутым вокруг пояса. Как говорится, я был не в лучшем виде, чтобы красоваться на лестнице. Вот и поговорили. Потом я спокойно шел себе с велосипедом по лестнице и столкнулся с Фатимой. Но об этом я уже рассказывал.

- Что-то с мамой?

Я находился в горах, на автостоянке, и разговаривал по телефону с сестрой, мысленно прокручивая в голове всевозможные ситуации. Если бы я мог выбирать, то предпочел бы ознакомиться со всеми обстоятельствами и, насколько возможно, задержать непосредственно тот миг, который все менял, чтобы все шло по-другому, потому что несчастье входит в нашу жизнь и смотрит на нас. Я выбрал знание, но в то же самое время в этот ни на что не похожий коротенький и необычайно длинный миг я горячо молился, не понимая толком кому, в надежде избежать самого худшего.

- Трещина в бедре, а так сама она более-менее нормально. Ну и дела, Висенте. Вот что значит, дать ей спуститься погулять с собакой..

Я приехал в больницу прямо в одежде велосипедиста, которая, честно говоря, является не бог весть каким нарядом и отнюдь не облагораживает человека. Как всегда я приехал последним. Мне показалось, что я вечно опаздывал к важным семейным делам. В машине, по дороге в больницу, я сам себе твердил: “Вот увидишь, ничего страшного, ну полежит несколько месяцев без движения и будет как огурчик, это все мелочи...” В неотложке, как всегда, пациентов было хоть отбавляй. Приемная была забита до отказа. Медсестры, врачи и остальной персонал были настолько замотаны, что никто из них не обратил на меня никакого внимания, когда я прошмыгнул мимо поста, чтобы направиться по коридору между родильной и кардиологической палатами, как указала мне по телефону сестра. В палате места для мамы не нашлось, и она временно лежала в коридоре вместе с другими пациентами.

- В этот раз не что иное, как трещина в бедре и еще в ребре, – таков был диагноз травматолога, который показался мне очень молодым и не слишком опытным и толковым в своем деле. – Ваш случай не редкость, – пояснил он, – травмы, полученные в результате несчастного случая под весом собственного тела – обычное явление. Второй сильный удар, и вторая травма. Большей частью это происходит с пожилыми людьми, которые передвигаются уже не так твердо и уверенно. Однако мы с сестрой, да и мама, пожалуй, тоже, знали, что походка здесь ни при чем. Как я и предсказывал, точнее, знал, что такое могло случиться, мама упала, потому что пес слишком сильно потянул ее за собой. Знать-то я знал, но ничего не сделал, чтобы предотвратить падение. Я просчитался.

- А кто с детьми? – первое, что я спросил, когда мы оказались только втроем, вернее, втроем среди множества больных.

- Дома осталась Фатима, она посидит с ними, когда отцы приведут детей.

- Впервые в жизни она оказалась полезной, – ехидно заметила мама таким слабеньким и тихим голоском, что он показался мне голосом совсем молоденькой девушки, которую я никогда не знал, девушки из других времен. – Висенте, сынок, собака...

- Где Паркер? – спросил я.

Какой же я дурак, я не подумал о Паркере. Где сестра его закрыла, черт побери? Она запросто могла оставить его в своей машине, даже не приоткрыв окошко и не оставив ему ни воды, ничего. Или, хуже того, привязать к фонарю, где любой мог его украсть.

- Мама, помолчи, тебе уже сказали, чтобы ты не утомляла себя разговорами, иначе разболются ребра, – вмешалась сестра и подошла ко мне, даже не глядя на меня. – Он сбежал.

- Как это сбежал? – Я ничего не понимал.

- Мы гуляли в парке, у цветников, Висенте, там, где ему нравится, – вымученно начала объяснять мама, – и он увидел катившийся мяч. Ты же знаешь, как Паркер относится к мячам. Он рванул за мячом, я упала и не смогла пойти за ним. Я позвала его, а он не обратил внимания. Думаю, Паркер меня не услышал.

- Все, мама, хватит. Паркер – собака. А теперь давай отдыхай, – снова вмешалась сестра.

- Но как? Ничего не понимаю, – пробормотал я. – Он погнался за мячом и...

- И мама, которая намного важнее твоей псины, упала на землю и не могла пошевелиться. А мимо проходили люди, совершенно незнакомые, кстати, потому что ты шлялся черт знает где...

- Я тебе уже сказал, что занимался спортом. Ты что не видишь, в каком я виде? – прервал я сестру, но она проигнорировала мою самозащиту и продолжила свои обвинения, на этот раз глядя мне прямо в глаза со свойственной ей злостью:

- ... мама была одна, и, слава богу, кто-то позвонил в скорую, и они приехали...

“Слава богу!” Что означало это выражение? И с каких это пор моя сестра выражается подобным образом? Нурия сказала так исключительно для того, чтобы придать побольше драматизма сложившемуся положению и заставить меня чувствовать себя еще хуже. Она вела себя как состарившаяся бездарная актриса, как манипулятор, каким она, собственно говоря, и являлась. Только мне не захотелось испытать худшие чувства.

- Так где Паркер? – Я назвал пса по имени, и мне стало дурно. Меня обуяло страшное волнение, даже ужас. Мой пес. Где мой пес? В этот миг мне захотелось увидеть его, держать в своих руках его уши и чувствовать их мягкость, коснуться звездочки на шерстке его загривка, посмотреть в его влажные глаза и разглядывать его лапы с белыми носочками.

- Не знаю, сынок, не знаю, – из глаз матери хлынули слезы, и не оттого, что у нее болело бедро, ребра или плечо.

- Ладно, мама, не волнуйся, – сказал я ей, пока сестра сверлила меня своим убийственным взглядом, как будто это я своими собственными руками причинил матери ужасную боль. – Он появится. Паркер умный пес, и отлично знает дорогу из парка домой. Он вернется.

Я сказал это, но не верил сказанному. Не знаю почему, но не верил. Я думал: мой пес погиб, чтобы спасти мою мать. И еще я подумал, что жизнь предъявляет мне счета, приходы и расходы, она торгуется со мной, и пес фигурирует в одном из счетов из-за моей небрежности и легкомыслия, потому что я думаю только о Корине и сексе с ней, а теперь я сполна оплатил свои долги.

- А если не вернется, все одно, – изрекла сестра со своей обычной мрачной вульгарностью. – Не понимаю, зачем вам собака. От нее одни проблемы. Вот что я тебе скажу: если его отвезли на живодерню, то каюк.

- Замолчи, – только и смог выдавить я, у меня дрожал голос. – Замолчи, Нурия.

Она умолкла. Меня охватил безудержный гнев. Я не хотел смотреть на сестру и видеть ее вечно недовольное лицо, когда она вместе с нами. Я посмотрел на маму, лежащую на высокой больничной кровати с боковыми ограждениями, и взял ее за руку. Со своими седыми растрепанными волосами, с каждым днем все более редящими, мешками под глазами, пигментными пятнами на коже она постепенно превращалась в беззащитного кротенка, которого так хорошо описал мой племянник. Пока я сострадал самому себе в горах, маленький слепой кротенок снова ошибся дорожкой. К счастью, эта ошибка оказалась не слишком серьезной, но она означала, что кротенок стареет и убегает. В равной степени как и мой пес сегодня, эта старенькая женщина, которая доводилась мне матерью, когда-нибудь исчезнет, уйдет навсегда из моей жизни. Я подумал о Паркере: каково это будет – никогда больше не увидеть его. Мне нужно было выбраться из больницы, я хотел бежать разыскивать пса. Я почувствовал приступ дурноты, мне хотелось исторгнуть из себя эту ужасающую страшную мысль, но приходилось сдерживаться. Я отметил колющую пустоту в груди, тоску, которую не испытывал со дня смерти моего отца. Я чувствовал страх, вернее даже нечто большее – панику. Как тем детям, маленьким скаутам с горы Педриза, мне нужно действовать перед лицом страха, двигаться. Я не мог и дальше терпеть этот узкий, тесный коридор.

- Я должен идти, мама. Нужно найти Паркера.

- Конечно, сынок, конечно.

И я сделал это снова. Я наклонился к маме, в точности как те две сестры, и поцеловал ее. Мне нравилось целовать ее, снова чувствовать ее близость, и я знаю, что ей это тоже нравилось. На сестру я даже не взглянул. Я вышел из больницы. На этот раз не как душа испуганной, медлительной улитки, а как душа, влекомая самим дьяволом, как безгрешная, верная, беспечная, невозмутимо-неудержимая душа моей собаки.

21. Небеса могут подождать

- Это твоя пижама? – племяншка Амели разглядывала меня из коридора, пока я чистил зубы в ванной. Я посмотрел на себя. На мне были теплые длинные кальсоны, все в катышках, и старая, донельзя поношенная и застиранная, дедова рубаха. Во сне у меня мерзнут ноги, а телу жарко.

– Фу, какая она страшная, – бессовестно добавила девчушка, ничуть не смутившись.

Спать в старых пижамах еще одна из моих привычек. Я не фетишист и не митоман, ничего подобного, просто я не придаю этому особого значения. [прим: **фетишист** – человек, поклоняющийся неодушевленным предметам, приписывая им сверхъестественные свойства;

митоман – патологический выдумщик] Я беру разные предметы, как говорится, с миру по нитке, здесь – одну из сестринских футболок, рекламирующих кондиционер-ополаскиватель, там – отцовские штаны или дедову рубаху, и вот тебе готовая пижама. Я плохо изъясняюсь, но я и в самом деле считаю сон особенным состоянием. Ты ложишься в кровать, выключаешь свет и, будучи беззащитным, безропотно принимаешь то, что несет тебе ночь, не зная, что произойдет в тебе самом за это время. Именно поэтому я считаю, что спать лучше в одежде других, потому что одежда, в которой спали другие, защищает тебя, являясь своего рода магическим плащом. Кроме того, во сне можно снова встретиться с этими самыми людьми, которые уже умерли или давно ушли из твоей жизни. Тогда предметы их одежды поддерживают тебя, говоря что-то вроде: “Я тот, кого ты знал. Посмотри, что я ношу. Я не забыл тебя, я помню о нас”. Но объяснять это маленькой девочке было долгим и трудным делом.

- Бабушка не придет ночевать?

- Нет, Амели, сегодня бабушка будет спать в больнице.

- И мама тоже не придет?

- Не придет, мама останется с ней.

- И Паркер?

Несколько часов я кружил на машине по всему нашему району и прилегающим кварталам. Ужасней всего было на центральном кольце М-30. Я боялся, что мог на какой-нибудь обочине обнаружить безжизненное тело Паркера, но ни живого, ни мертвого тела я не нашел. Я не нашел даже его следа. Я заплакал. Я сидел в машине и рыдал, и мне не стыдно признаться в этом. Меня не покидало чувство вины: если бы я тем утром вывел Паркера на прогулку вместо матери, а не потягивался лениво в постели, если бы я как последний эгоист не торопился поскорее подняться в горы на велосипеде, если бы я не думал постоянно о Корине... Если бы я... Придя домой, я собрался с силами и взял себя в руки, потому что дети были уже здесь, и потому что здесь были мои старые разномастные пижамы, дарившие мне утешение. До Паркера у нас была другая собака, по кличке Монблан. Он умер от старости в возрасте шестнадцати лет. Точнее, у него был рак печени, но он был старым, и мне пришлось его усыпить. Это было очень тяжело и печально, но это совсем другая история. Паркер же был невинной жертвой моей беспорядочной жизни. Я говорил, что не выношу беспорядка, я довольно организованный человек, и тем не менее, моя жизнь при всем ее кажущемся спокойствии и упорядоченности была не более чем хаосом, жуткой неразберихой. Человек с душой улитки. Никогда прежде я не характеризовал себя так перед сном, но каждый день приносил все новые доказательства того, что я таковым и являлся. Человеком, похожим на улитку. Не только внешне, но и внутренне, душой, что гораздо хуже. Моя душа. Человек, владеющий магазином канцтоваров – внешне, а внутренне – бесформенная масса. Отец спросил меня во сне, где была моя душа, куда я ее дел. Или сам черт ее унес? Да никуда, никуда я ее не дел. Я все делал наполовину, жил не своей жизнью, а жизнью студенистого, желеобразного беспозвоночного существа, слизняка. Своей жизнью я пытался повторить жизни других людей, которым и в подметки не гожусь. Думать о том, что ты сам не стоишь и половины того, что значил твой отец, не самая лучшая мысль, чтобы идти с ней в кровать после того, как уложил спать детей. У меня не было ничего, чем я мог бы гордиться. Я спал мало и очень плохо. Вместо того чтобы спать, я вспоминал.

- Висенте...

- Да.

- Что ты делаешь?

- Смотрю телевизор.

- Мама уже ушла. Она сказала, что ты будешь ждать ее у двери универмага “Галерея Пресиадос” на улице Гойа. Ты его знаешь?

- Папа, ты что, не понимаешь, что я смотрю фильм?

- Не опоздай, сынок, ты же знаешь, что иначе мама потом будет не в духе.

- Небеса могут подождать. [*прим: “Небеса могут подождать” – американский фильм 1978г, Уоррен Битти – сценарист, режиссер и исполнитель главной роли, Джули Кристи – исполнительница главной роли*]

- Отличный фильм. Уоррен Битти. Досмотришь фильм потом. Ты его записал?

- Нет, не было кассет.

- Нужно купить. Не забудь, и купи. А Джули Кристи красивая, правда?

- Очень красивая.

- Ладно, Висенте, иди. Целую тебя.

- Я тоже тебя целую.

- Да, слушай...

- Что?

- Мне не так важен сам подарок, так что не покупайте ничего дорогого. Лучше купи что-нибудь себе, что понравится. И приглядишься, что нравится твоей маме, только ничего ей не говори, а завтра мы с тобой сходим в магазин. Ну давай.

- Пока, пап.

- До встречи.

Когда мы закончили с покупками, я проводил маму до автобуса, а сам остался со своей девушкой, с Лурдес, о которой я так мечтал, которая так хорошо понимала меня и любила, а потом заставила страдать. Может стать, мечта была пропорциональна страданию. В конце концов, согласно толковому словарю, мечта означает всего лишь мираж, галлюцинацию, бредовое желание, полностью противоположное реальности, и она может быть очень болезненной. Я пошел к Лурдес домой, и мы успели провести с ней наедине несколько минут, когда зазвонил телефон.

- Это тебя.

- Меня?

- Да, сестра.

Я удивился, но у сестры всегда был нелегкий характер, так что я приготовился выслушать рассказ об одном из ее непредвиденных случаев.

- Хорошо, что хоть тебя нашла, – сказала она. – А где мама?

- В автобусе, – ответил я, подумав, что сейчас сестра закатит гигантский скандал по поводу того, что я не направился вместе с мамой напрямик домой, а оставил ее одну, нагруженную пакетами с подарками. По сути, так и было, я попросту слинял, но когда тебе семнадцать, и ты влюблен, это нормально. Для меня не было ничего важнее на свете, чем находиться рядом со своей девушкой, чувствовать ее тело, слушать ее голос. В Лурдес мне нравилось все. Когда я признался ей в любви, а она ответила, что моя любовь взаимна, я почувствовал дрожь, которая поднималась от пяток к голове, и был вынужден присесть. Однако сестра ни словом не обмолвилась о пакетах, а только сказала:

- Тогда я подожду ее у подъезда, а ты поезжай в Центр здоровья, папе стало плохо.

- Как это стало плохо? – спросил я. – Я разговаривал с ним в четыре, он был в типографии, и все было чудесно.

- А потом ему стало плохо. Мне сказал Антонито. – У Антонито был киоск рядом с типографией. Сейчас киоска уже нет, потому что периодические издания почти не продаются. – Папа сказал ему, что плохо себя чувствует и пойдет к врачу. Он попросил его присмотреть за типографией на случай, если приедут забирать заказ, поскольку никого из нас не было дома.

- А где ты была? – спросил я сестру, которая, предположительно, должна была учиться.

- А тебе это так важно? – заносчиво ответила она. Уже тогда моя сестра была такой. – Ладно, так ты едешь туда или как? Похоже на то, что отца, скорее всего, положат в больницу.

- Так что же все-таки случилось? – снова спросил я, так ничего и не поняв.

- Пока не знаю, но он в отделении скорой помощи, и его наверняка положат в больницу.

- Мне захватить его белье? – поинтересовался я.

- Бери, что хочешь, – отрезала сестра и повесила трубку.

Знаете, мне совершенно не пришло в голову, что у отца было что-то серьезное. Я подумал о том, как ужасно провести ночь без сна, лежа в больничном коридоре, и попросил Лурдес одолжить мне какую-нибудь книжку для моего отца, любителя почитать. “Бери, какую хочешь,” – ответила Лурдес, и я выбрал трилогию, действие которой происходило в Республике. [*прим: Республика Испания просуществовала с 1931 по 1939гг, крайне нестабильный период между изгнанием короля Альфонсо XIII и установлением военной диктатуры Франсиско Франко*] Мне показалось, что книга будет интересна отцу, который увлекался и политикой. Помнится, я потратил еще несколько минут, обдумывая, что выбрать почитать для нас двоих. Именно чтение на протяжении долгих тяжелых и томительных часов должно было скрашивать ожидание, пока врачи оформляли бумаги и посылали отца на обследование. Много раз я снова думал о тех минутах размышлений перед книжными полками в гостиной и о своей неосведомленности и спокойствии... Много раз.

Я не помню как добрался до Центра здоровья. Полагаю, я был абсолютно спокоен и думал о чем-то другом. Когда я подошел к Центру, у двери больницы стояла машина реанимационной скорой помощи. Это было необычно и слегка меня насторожило. Я вошел в амбулаторное отделение через дверь скорой помощи, поскольку был десятый час вечера и консультационные отделения, как таковые, были уже закрыты. Я встретил сестру, маму и некоторых соседей помимо киоскера Антонито. Видимо, не найдя нас у себя, они в недоумении перезванивались между собой.

- Что случилось? Где папа? – спросил я.

- Там, внутри, – ответил Антонито. – Им занимаются врачи.

Тут в разговор вступила сестра:

- Папа стоял тут вместе с нами, мы даже не волновались, вроде ничего такого, и вдруг – бац! – он пошатнулся и потерял сознание. Врачи сразу забрали его туда. Судя по всему, в типографии он

почувствовал себя как-то странно и пришел сюда. Машины у него не было, поскольку в магазин он ходил пешком; нас он не нашел, потому и сюда пришел на своих двоих. Может, это все длинная дорога... Как ты считаешь?

Изнутри не доносилось никакого шума, не слышался сильный голос моего отца, отпускающего шутки и не придающего значения вещам, или дающего указания, как он делал это всегда. Не было слышно ни звука, даже врачей. Я оглядел соседей, маму и сестру и снова подумал о больнице и о ночи, которую мы проведем в вечно переполненном городском отделении скорой помощи... У наших друзей лица были хмурые и унылые в отличие от моего и мамино. Мамино лицо выражало скорее удивление, чем испуг. Она пришла чуть раньше меня и ничего не говорила. А я даже сейчас думал только о выбранной книге, был ли правильным мой выбор, или роман Артуро Барера окажется ужасно скучным.

Чуть погодя, молодой доктор, которого мы знали, поскольку он был нашим лечащим врачом, сказал, чтобы мы зашли к нему. В кабинет мы вошли втроем – мама, сестра и я. Доктор заставил нас присесть, и тогда все произошло – он сообщил нам, что отец умер. Думаю, он сказал не так, а что-то типа “он страдал от острой сердечно-сосудистой недостаточности; мы пытались его спасти, но ничего нельзя было сделать – он скончался”. Обычно врачи используют именно это слово: “скончался”. Доктор и сам был потрясен. Он был лечащим врачом, который ограничивался приемом пациентов в Центре здоровья, к тому же он был молодым. Это было только начало его трудовой деятельности, и он еще не привык к тому, чтобы пациенты умирали у него на руках, тем более те, которые приходят к нему прямо из типографии на своих ногах. Но для меня не имело значения, молодой был врач или старый, и то, что он был в шоке. В эту минуту я мог только сказать матери, думается, даже прокричать:

- Ты только посмотри, мама, что говорит этот врач. Да он же врун, он говорит, что папа скончался!

Я очень хорошо помню, что врач показался мне обманщиком, а сама новость – невысказанно жутким кошмаром. Помню полусумрак коридора. Персонал расходился по домам, и, уходя, они гасили свет. Мы были единственными, кто оставался в уже закрывшемся амбулаторном отделении. Думаю, это мама мягко повторила мне: “Да, сынок, папа умер”, или же просто произнесла что-то, что заставило меня поверить, что папа на самом деле умер. Я не понимал происходящего и не видел выхода из этой странно-неправдоподобной, абсурдной, непонятной ситуации, и тогда я с безграничным отчаянием закричал: “И что мы теперь будем делать? Что с нами будет?”, но никто не дал мне ответа на этот вопрос.

Я не знаю, плакал я или нет, знаю только, что очень быстро оказался снова в зале ожидания среди соседей, и что на долю сестры выпало заниматься оформлением бумаг в похоронном бюро, потому что сын владельца был ее школьным товарищем, и потому что в каких-то вопросах Нурия была самой взрослой из нас. Без отца и мужа мы с мамой не знали, что делать и как, но мы не плакали. Помню, что я позвонил Лурдес из больничного телефона-автомата (раньше в больницах всегда был телефон-автомат) и сказал: “Папа умер”, а может быть, “отец скончался”, точно не скажу.

Знаю, что в какой-то момент мы вышли оттуда и направились домой. Я был взволнован, потому что мне казалось непорядочным оставлять отца одного, хотя врач объяснил, что он находится в морге. Мне думалось, что я, как сын, не должен был допускать, чтобы отец лежал в холодильной камере морга. В старых фильмах я видел, что родственники проводят с умершим всю ночь, и теперь сомневался, правильно ли то, что нас не будет рядом с отцом. Мне казалось, что находиться одному в холодильной камере морга было плохим концом, но это был не конец, а временная мера.

Лурдес присоединилась ко мне, и вот мы спим вместе в доме моих родителей. До этого мы не только никогда не спали вместе, но даже не осмеливались об этом помышлять. А теперь мы спим рядышком на моей односпальной кровати, застеленной моими извечно полосатыми студенческими простынями, но я не могу уснуть. Я думаю об отце, неподвижно лежащем в холодильной камере, и о том, правильно ли я поступил, согласившись оставить его там. Не смыкая глаз, я лежал в кровати рядом с моей девушкой. Сколько ночей я страстно желал этого, и вот теперь ее прекрасное тело находилось так близко от меня, как никогда прежде, а мое тело оказывалось таким тяжелым, оно было далеко от меня. Чувство неловкости и тоски тискалами сдавливало мне живот в темной комнате притихшего дома. Каждый был в своей постели: мама – в своей, и впервые одна, сестра – в своей, тетки – на диване. Всё до смехотворного обычно и так ничтожно, незначительно. Все как роботы сохраняли видимость обыденной жизни, ложась спать в эту непохожую на все остальные ночь. Все было гротескным, но мы делали то, что ожидалось. В конце концов, мы заснули, потому что сон это тоже побег. Полагаю, что поднявшись, мы выпили кофе, который кто-то сварил, возможно, Лурдес. А может, никто ничего не варил, потому что на рассвете мы уже не совершали смехотворных поступков. Мы оделись. Кто-то должен был сообщить о случившемся моему дяде, брату отца, и кто-то должен был сказать об этом его матери, моей бабушке. Утром сообщить печальное известие бабушке пошел я вместе с дядей, потому что она была близка со мной и доверяла мне, но я не помню досконально тех

слов, что мы говорили. Все, что я машинально делал в те дни, стерлось из памяти. Смутно помню бабушку за маленьким столиком для рукоделия возле окна, где она обычно вязала, посматривая на улицу. Сейчас она ничего не делала, а молча сидела в ночной рубашке и халате, с перманетом, слегка примятым подушкой и растерянно смотрела в пол. Не было ни слез, ни боли, только недоверие. Она еще раз была обманута и разбита жизнью, нанесшей ей новый удар. Бабушка потеряла мужа, будучи молодой. Она овдовела, когда ей был всего-то сорок один год. Она чувствовала себя такой же обманутой, каким чувствовал себя я прошлой ночью.

Я не чувствовал холода, хотя был декабрь. В морге друзья отца, гурьбой пришедшие проститься с ним, сказали мне: “Ты заболеешь”, но мне не было холодно, а пальто мешало. У меня было слишком много дел. Я хотел, чтобы прощание с отцом или что там это было, прошло с должным уважением. И уделял пришедшим много внимания. Я ходил то туда, то сюда, встречая одних и провожая других. Я не помню, где была мама, не помню даже ее лица и лица сестры, помню только пришедших, людскую суету и себя по уши загруженного делами под холодным солнцем, когда никто не мог мне помочь.

В то необычное утро, кто знает с кофе или без, прежде чем пойти в морг, я вышел пораньше из родительского дома и побывал в типографии, последнем месте, откуда ушел мой отец. У отца был хороший вкус, и его типография была восхитительным местом с красиво оформленными шелкографическими постерами. Первое, что удивило меня, когда я вошел, было включенное радио и тепло. Обогреватель работал со вчерашнего вечера. По радио, как ни в чем не бывало, бесстрастные голоса передавали новости. Я заглянул в отцовский ежедневник и увидел, что сегодня утром у него должна была быть встреча с издателем по вопросу сметы. Я выключил обогреватель и радио и позвонил издателю, который, ко всему прочему, был еще и другом отца. Я сказал, чтобы он не приходил на встречу, потому что отец умер. Бедняга, он не мог в это поверить и был так растерян, что мне даже стало жаль его. Я почти что видел выражение его лица на другом конце телефонного провода. Хотя я и не видел его лица воочию тем утром, я все еще могу представить его так же отчетливо как и свое собственное. Точно так же как издателя мне было жалко потом, чуть позже, отцовых друзей, которые постепенно подтягивались к моргу. Я жалел их больше самого себя и уже умершего отца, оставившего включенный компьютер на столе, который работал всю ночь, и радио, по которому звучала музыка, ручку “монблан”, лежавшую на только что отпечатанных образцах, кондиционер, непрестанно гонявший воздух. Бездушные, безразличные ко всему предметы, чье существование висит на тонкой ниточке и зависит от возвращения хозяина, который уже никогда не вернется.

И вот теперь, двадцать лет спустя, мама в больнице, собака пропала, я не мог заснуть, и мне пришло в голову, что те самые отцовские вещи звали меня. Они напрасно ждали того, кто пользовался ими, придавая им смысл, до тех пор, пока не побудили меня принять роль, которую я играл и по сей день – посредник между умершим и его вещами. Хотя, вероятней всего, зерно этой роли уже было заложено во мне, ведь недаром говорят, что основа того, кем мы являемся и как себя ведем, формируется в раннем детстве.

Небеса могут подождать. Протрезвонил будильник, а я так и не заснул. Я вдруг осознал, что больше никогда не смотрел этот фильм.

22. Преступники

Атомная бомба, свалившаяся на меня по жизни, разрушила всё. Все мои прежние треволения казались смешными, и я о них не вспоминал. Я не мог думать ни о чем, кроме своей собаки. Где проводит ночи Паркер, мой Паркер? В каких условиях? Я слышал много раз, что некоторые крадут больших собак, таких как моя, для нелегальных собачьих боев, а потом оставляют их умирать. Еще я слышал, что есть люди, которые их находят и приводят к себе домой, не сообщая об этом, чтобы оставить у себя. По сути, если выбирать из двух зол, второе было бы меньшим. При таком раскладе мой пес, по крайней мере, жил бы в любящей его семье, даже если я никогда больше не увидел бы его. Я думал об этом, одеваясь. После бессонной ночи я был выжат как лимон, а день еще только начинался.

- Ну еще чуть-чуть... ну пожа-а-лста...
- Дядя, у меня сегодня физкультура, не забудь положить спортивный костюм.
- Дядя, дядя, вчерашний бутерброд был обалденно вкусный. Ты можешь сделать сегодня такой же?
- Уй-юй-юй! Ты дергаешь меня за волосы. Ты нарочно так делаешь, я же вижу!
- Дядя, дядя, молоко почти убежало. Лучше я налью Амели холодного, иначе она не станет пить.
- А хлебцев у нас не осталось? Я хочу хлебцы. Это все ты съел мои хлебцы!
- Дядя, ты не видел мой циркуль? Он лежал рядом с учебником по математике.

- Я его не брал. Дядя, честное слово, я его не брал. Он всегда говорит на меня, а это не я.

Как только встают племянники, мне приходится выслушивать их пререкания (Амели ненавидит рано вставать), одевать, кормить завтраком, вмешиваться в их ссоры, готовить бутерброды и отводить в школу (разный возраст, разные школы), но в этой рутине я почерпнул поддерживающую меня силу. В моей голове еще звучали детские голоса, и от этой неуправляемой, неуемной жизненной энергии троих ребят, крепко стоящих на земле, я почувствовал себя крутым и позвонил в полицию. Я часто звонил туда вчера, но не получил никакой информации: никто не сообщал о потерявшейся на улицах Мадрида собаке без ошейника. Я подумал, что за ночь на дежурство заступила другая смена, и по телефону мне ответит другой человек, который не сочтет меня надоедливым. Мнение других людей по-прежнему оставалось для меня очень важным; оно внушало мне почти такой же страх, как потеря собаки. Почти, но все же не такой. Эта новая энергия, новое состояние, жизненная сила детей, которая заключалась в том, чтобы жить ради жизни, ради того, чтобы дышать, чувствовать кровь в своем теле, твердила мне: “Ты имеешь право знать, поэтому можешь спрашивать, сколько тебе заблагорассудится; ты имеешь право на их помощь”. Я набрал номер телефона, и женщина-полицейский произнесла слова, которые напугали меня до глубины души:

- Минуточку, кажется, сегодня утром произошел какой-то инцидент с боксером.

А мой Паркер как раз-таки боксер.

- Сейчас посмотрим отчеты.

Мое сердце бешено заколотилось, и мне пришлось прижать руку к груди.

- Добрый день.

- Здравствуйте. Вы хозяин боксера?

Паркер помчался вдогонку за чужим мячом, а потом беспорядочно метался по улицам и, в конце концов, спрятался в гараже неподалеку от дома, где и провел ночь. Когда на следующий день рано утром один из автовладельцев, первым пришедший в гараж, открыл дверь, Паркер выбежал на улицу и нос к носу столкнулся с другим псом, которого выгуливала какая-то женщина. Собаки зарычали и бросились друг на друга, завязалась нешуточная драка. Женщина пыталась разнять собак, и Паркер ее укусил. Теперь он находился в собачнике, скажем так, в заключении, но живой и здоровый.

Это происшествие было самым необычным, что когда-либо со мной случилось. В этот момент я осознал, что хотя все эти тридцать семь лет я считал себя оптимистом, на самом деле таковым не являлся. Я никогда по-настоящему не верил, что кто-то, кто меня оставил, может вернуться, и что потерянное снова может оказаться у меня в руках. Тем не менее, несмотря на мое злосчастное неверие и молчаливое, безнадежное отчаяние, мой пес был жив.

Вероятно, мне предстоит много хлопот, придется заполнять кучу бумаг, давать объяснения, решать проблему с идентификационным чипом (похоже, электронный чип не работал должным образом, поэтому меня не смогли найти), и ждать, напишет ли на меня заявление пострадавшая или нет. Если она решит подать в суд, тогда дело перейдет в руки судьи, и будет судебное разбирательство. Но все это было мне безразлично. Мой пес снова будет со мной, и это главное!

Утро в магазине выдалось для меня радостным и обнадеживающим, хотя и долгим, потому что я не мог вот так вот взять и улизнуть отсюда, как часто делал по утрам раньше. Я призадумался, и у меня мелькнула мысль, что, пережив смерть отца, мы втроем, мама, Нурия и я, в каком-то роде уподобились преступникам. Преступники бегут от закона и не могут остановиться, чтобы построить будущее, потому что не находят себе места в мире несправедливости, зачастую являясь преступниками поневоле. Как и преступники, мы мало что могли, разве что продолжать бежать, всегда вперед, карабкаясь каждый по своей дорожке на кручи Сьерра-Мадре. [*прим: Сьерра-Мадре – цепь горных хребтов, здесь, скорее всего имеется в виду фильм американского режиссера Джона Хьюстона “Сокровища Сьерра-Мадре” (1948г) о трех золотоискателях*] По большому счету от нас было мало проку, мы могли только присматривать друг за другом, чтобы наш сотоварищ-попутчик не попал в лапы продажного окружного злодея-шерифа, каковым являлась депрессия, беспросветная скорбь и охватывающая тебя пустота. Если кто-то все же попадал в злодейские лапы, нужно было постараться вызволить его оттуда, хотя порой это могло оказаться невозможным, поскольку ты рисковал собственной неприкосновенностью. Иногда в печали наши пути-дороги пересекались, но никогда не сливались. И тем не менее, нам было хорошо известно, что другой тоже скорбит, находясь здесь, дома, в соседней комнате. Он просто был рядом и присматривал за тобой, чтобы ты не оказался в кутузке этого аморального и беспринципного “шерифа”, о котором я говорил. Я подразумеваю, что семья, переживающая какой-либо болезненный этап, живет по законам кораблекрушения: спасайся кто может. Каждый приспосабливается по-своему, придерживаясь своих принципов, чтобы убежать от присутствия смерти, чужой и своей собственной, потому что велико искушение махнуть на все рукой и сдаться. Теперь я взрослый человек и понимаю тогдашние решения матери: не покладая рук, трудиться в магазине, не сидеть без дела, не думать больше о насущном, чтобы не сломаться. Эта

импровизированная стратегия, напоминавшая стратегию преступников, зачастую проваливалась и не соблюдалась.

Еще я подумал, что у сестры этот процесс проходил совершенно иначе. Смерть отца она осознала гораздо позже. Поначалу Нурия пустилась во все тяжкие – напропалую гуляла с парнями по ночам, сходилась то с одним, то с другим, один другого хлеще, слишком много пила и, полагая, даже наркоманила. Лишь два года спустя в один из дней она сдалась в руки того самого пресловутого “шерифа”. Тогда она заперлась в своей жалкой комнатенке как в тюремной одиночке и не желала оттуда выходить, сама того не понимая, пока мама не вытащила ее из заточения.

Мы обедали в доме дяди, это был очень милый обед. Теперь мы уже не ходим по таким званым обедам, а тогда все родственники были очень внимательны к нам и приглашали нас по любому поводу. Мы с кузенами говорили о книгах, кто что читал. Тогда очень модной была повесть Альмудены Грандес, и многие ее читали. Весь обед сестра молчала, и это она-то, болтливая сорока, которая просто лопнет, если не выскажется. Она смотрела на нас с некоторым удивлением и недоумением, не говоря ни слова, пока остальные с жаром обсуждали достоинства и недостатки сюжета повести и героев книги. Мы довольно непринужденно говорили на эту тему, насколько вообще можно быть непринужденным, когда умер кто-то близкий. Странно, но подобное оживление просто необходимо. Оно появляется неожиданно, если человек к этому стремится. Жизнь продолжается, и мир не стоит на месте, а движется вперед. Писатели продолжают писать, издатели – издавать, продавцы – продавать, а люди – читать, чтобы ничего не чувствовать или, наоборот, чувствовать больше, чтобы понять, почему умер важный для тебя человек. Когда мы возвращались домой, мама спросила Нурию:

- Что с тобой происходит? Почему в доме дяди ты все время молчала?

Сестра молча пожала плечами, но мама не отступала:

- Ты злишься?

На этот раз Нурия ни защищалась, ни нападала, а просто ответила:

- Я не понимаю газет и журналов.

- То есть как это не понимаешь?

- Когда я стараюсь что-то прочесть, то не понимаю слов, мне в голову ничего не лезет. Эта повесть, которую вы обсуждали, я не понимаю, о чем вы говорили.

На следующее утро мама поговорила с психологом, который был нашим постоянным покупателем, и таким образом сестра начала ходить на сеансы терапии два раза в неделю. То ли психотерапевт, то ли время освободили Нурию из ее застенка, и теперь она такая, какая есть: она не читает газет и журналов, но не потому, что не понимает их, а потому, что политика, по ее словам, плывет мимо нее, а все политики – бесстыжие нахалы. Вот такая она у нас – копия большинства.

Не оставались ли мы по-прежнему преступниками, спустя столько времени после той предрождественской ночи, когда мы потеряли отца? Этот вопрос я задал себе сегодня утром в магазине. Если я больше не удирал, скрываясь как партизан, то почему все еще думал, что этот самый продажный “шериф” мог меня догнать? Почему я привык к этому и не мог поступать иначе? Почему я хотел остановить время, чтобы не предавать отсутствующего: если время не движется вперед, то и смерти не существует? И еще я подумал: не для того ли я каждый день почти двадцать лет работал в магазине, чтобы сберечь место для отца, а самому остаться семнадцатилетним, потому что, как во сне так и наяву, несмотря на свои тридцать семь, твердо верил, что когда-нибудь отец вернется? И тут я понял: что бы я ни выбрал – оставить ли материнский дом, купить ли магазин, отправиться ли в путешествие или обзавестись невестой – словом, любое решение, мало чем мне поможет, если я не избавлюсь от этого продажного “шерифа”, который есть ничто иное как страх. Мне нужно было выяснить, на самом ли деле мне хотелось провести остаток жизни именно так, или я, как Спящая Красавица, спал, ожидая, что кто-нибудь – например, мой отец во сне – меня разбудит.

23. Страх

Мне нравится быть за рулем. Таков был слоган из рекламы автомобилей, но это как раз мой случай. [прим: имеется в виду слоган из рекламы BMW – “- Тебе нравится быть за рулем? - А мне нравится”] Я люблю долгие поездки на машине. Эта поездка с мамой на моем Ford Focus должна была быть недолгой, но поскольку я застрял в чертовой пробке, то с тем же успехом мог съездить за ней из Толедо в Сеговию и вернуться обратно. Маму выписали, а сестра была на работе, поэтому я закрыл магазин и приехал в больницу. Уж если раньше, с загипсованной рукой на перевязи, ей было трудно передвигаться, то теперь с двумя трещинами в бедре и сломанными ребрами – и подавно. Я обзавелся креслом на колесиках, которое, само собой, одолжила мне Фатима. Это было кресло ее престарелых родителей, а теперь вот я вез в нем свою маму.

- Слава богу, с Паркером все хорошо, я вся изволновалась.

- Да, мам, по крайней мере, мы знаем, где он.

- Он сильно покусал ту женщину?

- Не знаю. Полиция ничего не говорит.

- Я так сожалею, сынок.

- Ничего не случилось, мама, главное – мы его нашли.

Мама ненадолго задумалась, а потом сказала:

- Теперь уж я не смогу вернуться в магазин.

- Ты поправишься, ма.

- Ты был прав – я стала старухой.

Мне было грустно и тревожно слышать это от матери. Если мама признала мою правоту, значит ей было хуже, чем я думал. Мама всегда была скрытной, воинственной женщиной, не желающей кого-либо беспокоить, а при условии того, что она была сдержанной, ей это удавалось. И вот теперь она сдалась. Мне захотелось утешить ее, и я соврал во благо спасения:

- Это была случайность, со мной могло произойти то же самое.

Но мама не приняла мою ложь, обман с ней не проходит.

- Знаешь, Висенте, в больнице не спится, и глаз не сомкнешь, зато много думается. Я вот что надумала – если хочешь оставить магазин себе, то оставляй. И ты не должен мне за него платить, сынок. Мое – это ваше, так что улаживай этот вопрос с сестрой.

- Тебе нужны деньги, мама.

- Зачем? С каждым днем, они нужны мне все меньше.

Я замолчал. Мне подумалось, что если я заговорю, то мой изменившийся голос выдаст мои чувства, и мама заметит мой испуг.

- Позвони нотариусу, в банк или куда хочешь, чтобы мы начали это дело. Словом, организуй все, а на сестру не обращай внимания. Ты же знаешь, что она любит перечить по любому поводу, а потом соглашается.

Вот оно и случилось – у меня был магазин. Не этого ли я хотел? Я вдруг понял – нет, только не таким образом, и несколько странных слов сорвались с моих губ:

- Я не могу остановить время.

- Что? – Мама меня не понимала.

Я тоже не знал, понимаю ли самого себя, но мой голос продолжал говорить за меня. Я смотрел вперед на дорогу, на движение машин, на гудящих таксистов, на мотоциклистов, виляющих между машинами, на патрульных, которые то ли помогали движению, то ли мешали. Все это служило мне защитой, давая возможность не смотреть маме в глаза и разделить с ней необычайную близость, которую я никогда не испытывал, живя с ней с самого рождения.

- Я стараюсь, мама, но не могу остановить время. Как бы я ни старался, но все меняется.

- Конечно, сынок, конечно. К счастью, все меняется.

Я хранил молчание. Мое горло горело, я задыхался, но если бы я говорил, то было бы еще хуже. Мама всхлипнула. Она с ее креслом на колесиках, лежащем в багажнике, имела право плакать. Она, но не я.

- Тогда что же сделает тебя счастливым, сынок? – спросила она.

Я чувствовал, как она со своего места внимательно смотрит на меня, а я пребывал в неведении. Да и как не пребывать в неведении перед подобным вопросом, заданным матерью? Этот вопрос столь значителен, что кажется, ты оставил что-то снаружи, то, что уже никогда не вернешь. Я продолжал молчать.

- Ты не знаешь, что сделает тебя счастливым, но я знаю, что не сделает.

Я не ответил. Счастье – это ловкий способ заявить о хорошей, бурной, радостной жизни без треволнений, но с какими-то желаниями. Моя мама не наивная простушка, не легкомысленная ветреница и не манерная жеманница, и если она использует слово “счастье”, то для того, чтобы обозначить все вышеперечисленное.

- Я не вижу тебя предпринимателем, – сказала мама, – но не потому, что ты не можешь, сынок, а потому, что предпочитаешь останавливаться на достигнутом. Ты слишком боишься ошибиться, чтобы рисковать, предпочитаешь, чтобы другие принимали решения, даже если мы принуждаем тебя к чему-то, навязывая свою волю. Висенте, мир не шагнет вперед, если делать то, что уже сделали до тебя.

Мама была абсолютно права, но я не сказал ей об этом.

- Ты меня слушаешь, Висенте? Если тебе хочется иметь магазин, то он твой, но подумай об этом.

Я тут же ответил. Эти слова вырвались сами собой:

- Если я брошу магазин, то что с ним будет?

Думаю, я спросил про магазин, чтобы не спрашивать, что будет со мной.

- Не знаю. Продадим, наверное. Да какая разница, это не так важно.

- Это очень важно! – На мои глаза навернулись слезы. – Это было ваше предприятие, папино и твое!

- Сыночек, папе не это было важно, он просто хотел, чтобы мы были рады и счастливы.

Я представил продажу магазинчика, представил себя самого, распродающего наши запасы, переезжающего на другую квартиру, выбрасывающего большую часть мебели, которая была уже слишком старой и слишком ветхой, чтобы пользоваться ей и дальше. Я представил сдернутую вывеску, витрины, заваленные бумагами, табличку “продается”, логотип одного из агентств недвижимости, новых собственников, скорее всего, это будет булочная, филиал банка, магазин, торгующий мобильниками или точка по продаже лотерейных билетов.

- Мучения и жалость ни к чему, – уверенно сказала мама после недолгого молчания, во время которого мы еле плелись. Я не ответил, и она включила радио. – А что, теперь уже не крутят ту программу, что тебе так нравится? Ту, с оркестрами?

- “К духовым и деревянным”? Почему же? Она идет в первой половине дня, – ответил я. [*прим.*: “К духовым и деревянным” (“*Contra viento y madera.*”) – передача на Радио Классика, посвященная большей частью муниципальным, симфоническим и военным духовым оркестрам]

- Надо же, какой ты оригинал. Даже не знаю, в кого ты пошел.

Я настроился на нужную волну, и зазвучала музыка. Нас окружили тромбоны и трубы, гобои и кларнеты, приглашая по-военному гордо маршировать.

Я поудобнее устроил забинтованную маму вместе с ее костылем за столом перед телевизором и приготовил ей кое-что поесть. Мне показалось, что ела она с аппетитом.

- Домашняя еда намного вкуснее больничной, сынок. Ты очень вкусно готовишь. Спасибо.

Я не был готов к такой сердечной благодарности и ничего не добавил к сказанному. Еще бы, это было такой редкостью, чтобы мама с этакой легкостью от души благодарила меня за что-то. Я скрыл свое замешательство, притворившись, что внимательно просматриваю вечернюю программу канала “Plus”.

- Сегодня показывают трилогию “Крестный отец”.

- Вот радость-то какая. Дай-ка мне плед. Я посмотрю этот фильм, пока дети не придут из школы.

- Так тебе будет хорошо?

- Прекрасно. Во всяком случае, если не поднимется Фатима, конечно.

Я улыбнулся, принес маме пульт от телевизора и плед, поцеловал ее, что уже вошло у нас в привычку, и ушел. Пора было возвращаться в магазин, и у меня уже не было времени зайти в комиссариат, чтобы передать свои и собачьи документы. Я смирился с отсрочкой нашего с Паркером воссоединения и открыл жалюзи, затем включил свет и радио. Помпезное пиццикато, а затем радостная скрипка – оригинальная заставка к передаче “Гран аудиторио”. [*прим.*: “*Gran auditorio*” – программа классической музыки на испанском национальном радио]. Впереди у меня был длинный остаток дня и вечер, прежде чем я смогу пойти за Паркером, а это было единственным, что мне хотелось. На самом ли деле он здоров? Действительно ли он находился там? Я отыскал номер телефона и позвонил в собачник, поскольку часть меня еще не окончательно уверовала в то, что добрая весть сменила ужасную. А вдруг из-за неявки хозяина вовремя, собак умертвляли, как говорила сестра?

- Да, он здесь... Нет. Он не ранен, с ним ничего не случилось, но, думается, другой пес изрядно потрепан... Глаз, так что придется вашему пятнадцать дней пробыть в карантине... тридцать евро налоговый сбор и шесть евро за каждый день пребывания в приюте... Из-за того, что укусил человека, конечно, таковы нормативы системы здравоохранения. Да, пятнадцать дней.

Пятнадцать дней содержания Паркера взаперти в клетке собачника?! Среди других воющих и таких же испуганных как он сам собак? Я позвонил ветеринару, точнее, довольно миленькой ветеринарше по имени Мариса, о которой я, признаться, иногда мечтал. Она из тех решительных и уверенных в себе женщин, которые мне нравятся. На секунду я усомнился, все ли было сделано, как нужно, и заботился ли я о своей собаке даже в прошлом. Мариса уверила меня, что, само собой, как всегда, собака была привита, и что все было в полном порядке, кроме треклятого опознавательного чипа, который мы, оказывается, недооформили, и он не значился в списках.

Я тяжело вздохнул – на часах было всего пять с четвертью, и мне оставалось ждать еще целых три часа. Раньше будний день никогда не тянулся для меня так долго. Но в последнее время... Я внимательно осмотрел свой магазинчик. Может, я был как Алиса, которая выпила зелья, и, как она, тоже стал слишком большим для окружающей меня обстановки, настолько большим, что руки и ноги вылезают из окон. Может, со мной происходило то же, что и с ней, впоследствии хлебнувшей другого зелья и уменьшившейся настолько, что того и гляди потонет в море собственных слез. [*прим.*: речь идет о главной героине сказки Льюиса Кэрролла “Алиса в стране чудес”] Выкарабкаться и уехать. Вот

что мне нужно сделать. Вернуть себе свой нормальный размер. Я протянул руку за школьным энциклопедическим словарем, который продавался у нас весьма кстати и открыл его.

Страх: сильное беспокойство человека, тревога из-за реальной или воображаемой угрозы бедствия; опасение или боязнь того, что с ним случится что-то нежелательное.

Страх непреодолимый: в уголовном праве страх, который лишает человека способности трезво мыслить и принимать решения, тем самым толкая его на совершение преступления. Непреодолимый страх является смягчающим вину обстоятельством.

Эти определения показались мне неполными и крайне скудными. Почему я так боялся? Словарь ничуть не прояснял причину страха. Я вышел в подсобку и включил компьютер. Там я откопал следующее: “С эволюционной точки зрения страх – это усовершенствование и расширение представления человека о физической или душевной боли...”

Я не был уверен в том, действительно ли я боялся или же просто грустил, но в любом случае я не мог жить так и дальше. Можно жить двумя способами: в испуге или осознанно, и, кажется, я до сих пор жил первым способом, а это неправильно. И еще один вопрос: откуда пришел такой страх? В чем его причина? Имелись ли у меня объективные факты, поддерживавшие мои опасения? То, что случалось со мной против желания, я не считал достаточно весомой причиной собственного страха. И это не шутка – со мной часто происходили совершенно нежелательные вещи, каждый день, как и со всеми, и вовсе не из-за этого я впал в кататонию, которая теперь мешала мне понять, чего же я хочу. Я любил нескольких женщин, которые, по-видимому, бросили меня, – Лурдес, Бланка, та же самая Корина, – но, уверяю вас, были также и другие, которых я бросил или просто не обращал на них внимания, к примеру, на Росу с дружеского ужина. Кто знает, с какими чаяниями пришла та девушка, как долго искала она мужчину, которого могла бы полюбить, и насколько разочарованной она ушла. Вполне возможно, что я тоже являлся причиной страха для других. Эта мысль никогда не приходила мне в голову. Быть может, были и такие, кто боялся парня из магазинчика канцтоваров, который превратился в идиота. Ну уж это дудки, это, пожалуй, был бы перебор. Я приблизительно вспомнил, что Корина рассказывала мне о страхе: это одна из тех вещей, что питается именно нашим беспокойством за других и нашим переживанием из-за их мнения о нас. Страх преследует нас вопросами: “А что они подумают обо мне?”, “Кажется, я сказал глупость?”, “А правильно ли я поступил?”, “Отвергнут меня или полюбят?” Корина по совету приходского священника, старалась не задаваться подобными вопросами, потому что страх занимает значительное место в твоей душе, которое ты уже не можешь использовать для других чувств. Я догадывался, что помимо желания и чужого уважения, страх со временем прокладывает для нас и иной путь: он хочет, чтобы мы и в будущем продолжали играть фишками прошлого, но это было несоответствием, и я это понял. В реальной жизни имеет значение настоящее; важно, как ты разыграешь свои карты в сегодняшней партии, а не в завтрашней, и уж тем более через двадцать лет. Если сейчас я сумел распознать страх, сумел понять, что все мои прежние знания и убеждения были бесполезны в жизни, которую мне хотелось бы; если я убедился, что жил неправильно, не было ли это хорошим известием? И не было ли мне позволено каким-то образом начать с нуля и стать свободным?

Я снова представил прощание с этими стенами и подумал об отце: сколько часов, недель, месяцев, лет провел он здесь, среди тех же стен, захваченный своим делом. Мама была права – он не хотел иного. Он не сподвиг нас на нечто большее, чем просто делать то, что доставляло нам удовольствие. Я повторил себе слова, которые сказал маме в машине: “Как бы я ни старался, но все меняется. Я не могу остановить время”. Как бы я не тужился, сколько бы усилий не прикладывал, я уже давно покинул отца, потому что продолжал жить, когда он уже умер. С тех пор моя жизнь базировалась на веренице незначительной лжи. “Я предпочитаю простые удовольствия” – ложь, “не гонись за миражом” – ложь, “жизнь состоит из мелочей” – ложь. “Двое не спорят, коли один не хочет” – обман. “Если не можешь сказать ничего приятного – лучше помолчи” – враки. Многочисленна ложь того парня, каким я был или все еще являюсь. Этот парнишка предпочитает ничего не говорить, нежели возражать. Ты всегда можешь на него положиться, потому что в любой момент он готов оказать тебе услугу. Он милый и бескорыстный друг, чье имя люди плохо запоминают, но который неплохо получается на всех свадебных групповых фотографиях. Единственное, что представляло важность – хотел ли он здесь и сейчас жить по-другому, и единственное, что принималось в расчет – сумеет ли он этого добиться.

Мне никогда не вернуться в свои семнадцать лет, и с этим ничего не поделаешь. Все мои терзания и беспокойства были ни к чему, и, тем не менее, я начинал понимать, что не желал сдаваться. Все еще не желал, потому что не знал, где находилась моя душа, и тем более, где она будет в будущем, но я был уверен в том, что мне нравилась жизнь. Порой, быть может, я и хотел укрыться от нее, защититься от того, что она может сделать, но я уже не был прежним. Сейчас я был кем-то, кто очень хотел новой, лучшей жизни, пусть неясной, непонятной, но новой. Как же я этого хотел!

24. Три грустных тигра

Веткнижка с печатями. Мое удостоверение личности. Ветеринарный сертификат на то, что собака чипирована, но по какой-то ошибке компьютера чип не был зарегистрирован. Сегодня утром я все это зарегистрировал. Что еще?

Полицейский отксерил все документы.

- Теперь Вы можете забрать свою собаку, когда захотите.

- Мне сказали, что он должен будет провести пятнадцать дней в карантине.

- Кто Вам это сказал?

- Тот, кто работает в собачнике, простите, в “Центре приюта”.

Теперь собачники называются “Центр приюта и защиты животных”. Это один из эвфемизмов современного бюрократического языка, который все переворачивает.

- Ну, я не вижу в этом смысла. Все бумаги в порядке. По нашей части нет проблем, женщина ничего не сообщила. Если бы она подала заявление, и судья захотел провести осмотр собаки, Вам бы уже позвонили.

Я заметил, что полицейский был своего рода членом “Международной амнистии”, но должен подчеркнуть, амнистии для собак, а не для людей. Пока полицейский разговаривал со мной, вошли две расстроенных женщины, у которых карманник украл сумки, а он и бровью не повел, возмущаясь тем, что его подчиненный превысил полномочия, собираясь задержать моего пса. [прим: “Международная амнистия” (“Эмнести”) – международная неправительственная организация, основанная в Великобритании в 1961г, выступает за защиту прав человека и соблюдение международных стандартов]

- Не могли бы Вы позвонить ему, я был бы Вам чрезвычайно признателен... – на всякий случай попросил я, отнюдь не убежденный, что в собачнике на меня обратят какое-то внимание.

Полицейский в форме любезно набрал номер, подсказанный ему сослуживцем. По отношению ко мне оба были необычайно предупредительны. Мне было странно видеть силовые органы безопасности прилагающими все силы к освобождению собаки из заточения и не обращающими никакого внимания на двух испуганных дрожащих туристок, оплакивающих свои сумки, продавцов пиратских дисков и разных воришек. “Вот уж и вправду мир поистине удивителен”, – подумал я про себя.

- Идите прямо туда. Знаете, где это?

Устроив выволочку тюремщику животных и приказав освободить собаку и бросить свои глупости, член собачьего “Эмнести” дал мне всякого рода подробные указания, чтобы я не заблудился. Я шел и слушал радио, настроив его на волну жизнерадостной передачи известных хитов прошлых лет, которые всегда побуждают тебя распевать во весь голос. Я пел, потому что был рад, хотя и волновался, точно ли это мой пес? Подумать только, вдруг это был другой боксер. Что, если я приду, а это окажется не Паркер. И что мне тогда делать? Я напевал хиты восьмидесятых-девяностых, но с опаской.

Место показалось мне недобрый. Сторожевой пес, посаженный на толстую цепь, подбежал к моей машине и царапнул дверцу своими когтями. Я припарковался как можно дальше от этого чудовища и направился в контору, где три весьма странных персонажа курили сигареты. Одной из них была тучная женщина неопределенного возраста, которая все время улыбалась, сидя за компьютером; вторым был крупный пожилой мужчина, раскладывавший пасьянс за массивным столом в кабинете; третьим же был тот, с кем я разговаривал по телефону, по виду типичный представитель народа Барбура. Мой пес был в их руках, но где? Я воочию представил себе псарню – клетки, где милые собаки лаяли бы, не прекращая, при шуме моих шагов, но это было не так. Это сооружение казалось мне неприступной крепостью. Лай и в самом деле доносился, но издали и приглушенно, и я не мог распознать Паркера.

- Я могу увидеть свою собаку?

- Сначала бумаги, и нужно будет посмотреть насчет карантина, я же не знаю, вдруг...

Они снова начали делать копии всех сертификатов и бланков, хотя я принес с собой свои.

- Они не заверены, – хихикнула толстуха. – Нам самим нравится делать копии. – Она рассмеялась, вырвав оригиналы у меня из рук. Все трое были ровно малые дети, играющие во взрослых, три грустных тигра в пшеничном поле, умирающих со скуки. Им нужно было потешить самолюбие, почувствовав хоть на время свою значимость. Я подольстился к ним, что облегчило продвижение моего дела, поскольку до этих пор троица и пальцем не пошевелила, чтобы позволить мне взглянуть на мою собаку.

- Вот Ваши документы, – сказала женщина, наконец-то возвращая мне бумаги, и издала еще один смешок, не знаю почему, – то ли я ей приглянулся, то ли она просто была хохотушкой.

- Теперь я могу пройти посмотреть на него?

- Нет, – отрезал толстомордый, – внутрь никто не заходит. Сейчас я позвоню инспектору, – заключил он, снимая трубку телефона, – не хватало еще...

“Не хватало еще чего?” – спросил я себя, начиная отчаиваться. Еще бы, если с меня брали плату за содержание, то чем дольше они продержат Паркера у себя, тем им выгоднее.

- Ну и связь, – пробурчало это дремучее ничтожество, вешая трубку допотопного телефона, достойного археологического музея, я же предпочел продолжать свои подлизывания.

- Вам лучше всех известно, что такое потеря собаки... А Вы здесь должны рассматривать каждый случай... Это же Ваша работа.

- Да уж, это верно, – согласился со мной старикан-картежник.

- И сколько же собак у Вас может быть?

- Ну-у-у... – последовал уклончивый ответ.

Все было весьма туманным. Барбуржский мастодонт тянул время. Он не звонил в инспекцию и не возвращал мне собаку, но я доверился ему.

- Как я посмотрю, нелегко связаться с кем-нибудь из головного центра – они то ли вышли, то ли на собрании, то ли говорят по другой линии...

Мертвое молчание – никто мне не ответил, были слышны только шлепки игральных карт по столу. Я больше не смог выдерживать это напряжение и предложил:

- Может, попробуем еще раз? Если повезет, они, даст бог, ответят.

Я добился того, что барбуржец снова попытался дозвониться.

- Магдалена, – проорал он, наконец, в трубку телефона времен каменного века. – Это Мариано из центра приюта животных. Слушай, я звоню тебе по поводу боксера, о котором мы говорили вчера... Да... Да... Да... И что... Здесь его хозяин... Он хочет его забрать... Да, тот самый, что укусил женщину...

Последнее замечание относилось к Паркеру, а не ко мне. Я мысленно скрестил пальцы на удачу и помимо воли представил себе следующую сцену, в которой я, невзирая на лица, по-хорошему, по-плохому ли, уломаю трех тигров немедленно отпустить мою собаку. Если бы в этом возникла необходимость, я так и сделал бы, конечно, сделал бы, и неважно, как это получилось бы, хорошо или нелепо.

- Да... Да... Да... Так... Так... Ага... Отлично... Я понял.

Мариано повесил трубку. Я улыбнулся. А что еще я мог сделать в этот момент? Несколько нескончаемо долгих мгновений мы смотрели друг на друга. Секунды все тянулись и тянулись, но я, в известной степени, был даже рад. Парень, должно быть, почувствовал, что я был готов применить силу, если это будет необходимо, и я был не из тех, кто так легко сдается. Не в этом случае, и чтобы у него не оставалось никаких сомнений, я решительно сказал:

- Так и знайте, я не уйду отсюда без своей собаки; если нужно, я останусь с ним на все карантинные дни.

“Возможно, Вы и тигр, но я – лев, единственный персонаж сказки “Волшебник из страны Оз”, которого мне предстоит сыграть,” – хотел добавить я, но промолчал. Он бы меня не понял. Я увидел его сомнения, увидел, что он меня оценивает, и осознал, что, на этот раз по боевому духу этот тип считал меня боксером своей весовой категории, а не полулегкачом.

- Ладно, можете забрать собаку, только оставьте документы.

Я облегченно вздохнул – мне не пришлось ввязываться в драку.

- Я уже оставил их у Вашей оперативной и очень симпатичной коллеги.

Они переглянулись, и женщина, зардевшись от удовольствия, согласно кивнула.

- Хусто, веди собаку.

Хусто тяжело поднялся со своего стула, на котором так удобно развалился. Он все еще сжимал в руке карты, хотя по причине моего посещения раскладывание пасьянса было прервано. Он с тоской оставил свой пасьянс, схватил первый попавшийся поводок, висевший на вешалке рядом со множеством других, и вышел из конторы.

- С ним все было в порядке? Он ел? Пил?

Мне хотелось знать это, потому что за все время они ни разу не назвали Паркера по кличке и даже не намекнули на его общее состояние. Он не представлял для них большого значения. Мордоворот согласно кивнул, а женщина снова хихикнула. Думаю, или я и впрямь ей сильно приглянулся, или тут бывало очень мало народа.

- Паркер очень добрый. Он никогда никого не кусал, – уверил я их, и это была чистая правда.

- Женщина сама была виновата, что полезла их разнимать. И кому такое в голову взбредет? – ответил главный тигр.

Дверь распахнулась, и появился Хусто, которого тащил за собой пес без ошейника. Поскольку ошейника не было, этот негодяй туго затянул на собачьей шее какой-то ремень, так что псу было невероятно трудно дышать.

- Паркер... – полувопросительно сказал я, потому что первой моей реакцией было сомнение.

Мой ли это пес? Внешне он был очень похож, но вел себя так, как будто никогда меня не видел. Он был каким-то понурым, испуганным и не прыгал, как сумасшедший, как делал это обычно, когда мы приходили домой, и к чему уже привыкли. И я ли это был? Я по-прежнему продолжал мириться с потерями и ничего не готовил для победы? А может, это было то, что чувствует человек, увидевший призрак? Сомнение? Потому что мы знаем, что на самом деле призраки не существуют. Я решил, что мне без разницы – даже если это был не мой Паркер, я все равно уведу его отсюда.

- Паркер... – повторил я, наклоняясь, чтобы ласково погладить его.

Едва коснувшись пса, я разволновался. Разволновался так же сильно, как во сне, когда целовал отца, потому что я узнал его, точнее, узнал его привязанность ко мне, и мою – к нему. Моя человеческая душа перехлестнулась с душой собачьей. Я взглянул на Хусто, и тот, наконец, снял с пса душивший его ужасный ремень. Я решил, что Хусто и два остальных грустных тигра не защищают животных, радушно принимая их у себя. Я надел на Паркера принесенный с собой поводок, получше укрепил его, пожал руки всем троим, посрамленным в последнем акте моей комедии, персонажам и вышел вон из этого злосчастного собачника с моим амнистированным псом, держа курс напрямик к свободе.

25. Обиталище улитки

У меня был пес, была мама, был я сам, но время остановилось. В довершение ко всему был конец месяца, и в магазин заходило очень мало людей. Первый день из оставшейся мне жизни, рабочий день, который должен был быть новым и возбуждающим, сделался вечным здесь, в моей естественной среде, в обиталище улитки, окруженной тетрадами, папками, скоросшивателями, гелевыми ручками, фломастерами и маркерами – молчаливыми предметами, как никогда далекими от меня. Я не знал как убить время и вышел во внутренний дворик, как всегда пребывающий в некотором беспорядке, и сейчас я как всегда думаю, что надо бы здесь прибраться. Что бы там ни было с магазином, продам я его или куплю, но дворик нужно обустроить. Он превратился в своего рода кладовку, где мы хранили всё, начиная от старых велосипедов племянников, когда те были совсем маленькими, до барбекю, зонтика без спиц и двух гамаков, которые сестра купила еще в то время, когда снимала мансарду с террасой, а теперь они были ей не нужны и валялись на банках с акриловой краской, которую я с большим воодушевлением купил прошлым летом, замышляя перекрасить мебель в магазине, создав в нем иную атмосферу. Не стоит и говорить, что я так ничего и не перекрасил. Но сегодня, во второй половине дня, я решил, что время пришло. Глядишь, за занятием и время пойдет быстрее. Я вытащил из магазина два стула, несколько старых журналов и газет, кисти, скипидар и взялся за работу. На улице было холодно. На мне не было рабочей одежды, но если все делать осторожно, то я не должен был запачкаться. Я открыл жестянку с краской. Ради всего святого, какой же необычный цвет я выбрал. Разумнее всего было начать со стульев, и если они мне не понравятся, то забросить окончательно эту затею. Я сварил себе кофе, а потом безостановочно махал и махал кистью, думая о том, что вот уже какое-то время кофе не кажется мне таким вкусным, впрочем, как и чай (недаром же поговаривают, что теин такой же вредный как и кофеин), и вдруг – раз! – дверь во внутренний дворик захлопнулась. Я был так погружен в свои мысли, что от неожиданности даже подскочил. Я не верил своим глазам – металлическая дверь была намертво закрыта. Как я мог быть таким идиотом? Естественно, дверь открывается снаружи только ключом, а ключ находился внутри, в ящике прилавка. Мобильник тоже был недосыгаем, потому что я оставил его в офисе, когда ставил на плиту кофейник. Радиотелефон стоял на своей базе, потому что по нему почти никто никогда не звонит. Окна туалета и склада, выходившие во дворик, не только были плотно закрыты, поскольку была зима, но поверх них от греха подальше были еще и металлические решетки, поскольку магазин находится внизу, на первом этаже. Я высунулся в небольшое окошко, вырезанное в металлической двери, в надежде, что из магазина на меня снизойдет вдохновение, как выйти из моего нечаянного узилища, но вдохновение не пришло. Зато пришло отчаяние, едва я понял, что магазин стоит открытым, в нем никого нет, и тут же касса, доступная всем, кроме владельца – только руку протяни. И какого черта я это затеял? Я огляделся по сторонам. Нигде не было никакого инструмента, пригодного для того, чтобы взломать дверь. Я принялся дубасить по двери зонтом, но сломать замок мне не удалось. Я ведь не Индиана Джонс. В моем распоряжении имелась бумага, защищавшая пол от краски под наполовину покрашенными теперь стульями, кисти и сама краска. Послать весточку, как это делают похищенные? Но кому? Куда? Все окна дома, выходящие во дворик были закрыты. Как мне переправить свое письмо? Я посмотрел вверх. Там были протянуты только бельевые веревки с прищепками, но плохая погода не располагала к стирке, поэтому никто и не собирался появляться во дворе, чтобы развесить что-нибудь. К тому же, начнем с того, что здесь никто не живет, и именно поэтому у нас была протечка – никто даже не знал, что прорвало трубу. В таком случае, кто меня

увидит? К тому же, какое послание мне сочинить? “Спасите, помогите – я закрыт! Передайте это маме, ради бога, потому что у нее есть запасные ключи!” Маме, которая только что выписалась из больницы?! После того, как мы тихо-мирно попросились? Нет, такое нельзя даже представить. Лучше так: “На помощь! Я во дворе. Зайдите, пожалуйста, в магазин через главную дверь. Это магазин канцтоваров на такой-то улице”. “Только вы откройте меня, а не обворуйте,” – мог бы добавить я.

Всякий раз, переставая двигаться, я замерзал. К тому же уже смеркалось. Я так разнервничался, что угодил ногой прямо в банку с краской. Отлично. Теперь во дворике оставалось полно зеленых следов. Именно, зеленых. Мне взбрело в голову, что яблочно-зеленый цвет вновь украсит мою жизнь. А потом говорят еще, что подсознания не существует. Вероятно, придется подождать, когда краска высохнет, чтобы отчистить ее растворителем, поскольку чем больше оттирал я ее газетами, тем больше она размазывалась. Кроме того, если эта нелепая ситуация затянется, то газет мне может и не хватить для того, чтобы укрыться ими или написать послание. Нужно было успокоиться и что-то делать. На ум мне пришла одна неподражаемая идея – кричать. Орать до тех пор, пока кто-нибудь меня не услышит. Вот стыдоба! Я снова выглянул в дверное окошко. Магазинчик отдышал, храня полнейшее безучастие; ему была чужда моя катастрофа. До меня донеслась музыка, передаваемая по “Радио Классика”. Мне показалось печальным до слез, что у тебя крали звучание Игоря Стравинского, единственную тему сегодняшней передачи. К счастью, в магазин никто не заходил. Внезапно у витрины замаячил чей-то силуэт. Только бы не вор! Боже, только бы не вор! Не знаю точно, что его привлекало, может, цена на витрине, но несколько минут человек стоял снаружи, что-то выглядывая за стеклом. Может, он готовился к удару? Заметил, что хозяина нет, и магазин можно легко обчистить? После нескольких минут, в которые чужак или чужачка (в сумерках на таком расстоянии было невозможно различить его черты) оценивал возможность своего успеха, он вошел внутрь. Из всех людей, живущих на земле, меньше всего я ожидал увидеть именно этого человека. Я был до такой степени удивлен, что даже подумал, не сошел ли с ума. Этим человеком была Корина. Она не позвала меня и не стала искать, просто постояла несколько секунд в торговом зале, а потом оставила на прилавке конверт и поспешно вышла, будто за ней гнались... Это я звал ее, искал ее. Я кричал, колотил в стальную дверь, но она не услышала меня. Не помня себя, я плюхнулся на пол, угодив задницей прямо в краску. Так что когда я поднялся, на мне остались отпечатки зеленых следов, и было похоже, что кто-то отвесил мне пинок в то место, которое старушка-мама нашей соседки Фатимы называет “пятой точкой”. Это было неважно. Я успокоился, подумав о Паркере, о том, что все было хорошо, и что он вырвался из того гиблого места. Я рассмеялся и продолжал смеяться, когда засветилось одно окошко, выходящее во двор. Ох ты! Я вскочил на ноги. Ну наконец-то, сосед! К моей одежде тут и там прилепились наполовину подсохшие газеты, и теперь я больше был похож не на Железного Дровосека из моего сна, а на Страшилу, стоящего на обочине дороги из желтого кирпича. Но избавляться от газет мне было недосуг. Я постучал в окошко – тук-тук-тук! Затем постучал снова. Тот, кто включил свет, от меня не скроется. Тук-тук-тук!

- Эй!.. Привет!.. Я сосед снизу... Эй! Я Висенте... Привет...

После звяканья цепочки водосливного бачка, оконце отворилось, и в обрамлении алюминиевого оконного каркаса появилось улыбающееся, жизнерадостное лицо.

- Привет.

- Прости, кажется, я тебя напугал, – извинился я.

- Вот еще! – задорно ответила Лаура или Эва.

- Тебе, наверное, это покажется несуразным, но я оказался запертым во дворе. Я вышел во дворик прибрать кое-что и...

- И долго ты здесь сидишь, не скажешь?

- Да нет, совсем чуть-чуть... Ты не могла бы?..

- Ну что ты, конечно.

Эва-Лаура закрыла окошко.

Я почувствовал себя невероятно счастливым. Моя жизненная полоса невезения менялась на другую. Я потерял собаку и нашел ее. Я оказался запертым, и вот меня освободили. Со всей мыслимой скоростью я принялся срывать газетные листы со штанин, с локтей, и особенно, с задницы. Пусть уж лучше на заднице будут следы пинков, чем листы газеты, свисающие с указанной части тела. Я заправил рубашку за пояс штанов и немного причесался. У меня жесткие, всклокоченные волосы, и если их не пригладить, то, по словам матери, я похож на чокнутого. Дверь, казавшаяся непреодолимой преградой, приоткрылась, и я широко распахнул ее. Дверь не была зеленой, но зелеными были мои руки, ботинки, пол дворика и два стула, не говоря о моей полностью заляпанной, теперь уже пятнистой, рубашке и штанах. Все было не так уж плохо для начала.

- Спасибо.

- Да не за что.

Она всегда улыбалась. До этого момента она не обращала на меня внимания, но всегда улыбалась.

Я тоже улыбнулся. Девушка повернулась, чтобы вернуться в свой салон красоты, но мне показалось, что незначительного обмена любезностями недостаточно для оказанной мне огромной, неоценимой услуги, и я попытался продлить наш диалог.

- Раз я теперь один...

Эва или Лаура обернулась и внимательно посмотрела на меня со свойственным ей обаянием.

- А та девушка, что работала здесь с тобой, уже не работает? Мы ее не видим.

- Нет, уже не работает.

- Да, трудно держать работников в таком маленьком магазинчике, правда? Тяжело с ними уживаться, а теперь вот, в связи с декретом сестры, мне придется нанять кого-то, но не хочется...

- Ну есть же и хорошие люди, – ответил я. Она рассмеялась и протянула мне визитку.

- Тут, в переулке, открывают новый ресторан, и в полдень приходили пригласить нас на бокальчик, но у тебя было закрыто.

- Да, я должен был отъехать, чтобы забрать маму. Ее выписывали из больницы.

- А что с ней случилось? – Лицо Эвы-Лауры выражало неподдельную тревогу.

- Она снова упала, но все хорошо, насколько это возможно.

- Бедняжка.

Воцарилось молчание. Мне не хотелось, чтобы девушка ушла, но на ум не приходило, что еще сказать. Моя спасительница уже открыла дверь, чтобы уйти, но снова повернулась и улыбнулась.

- Сестра не пойдет, поскольку беременна и боится токсикоза. – Я понятия не имел, что такое токсикоз, но поддакнул. – А я подумываю пойти. Ты пойдешь?

Я взглянул на карточку, которую дала мне девушка. Это был пригласительный билет в ресторанчик на хамон с шампанским. [*прим: хамон – окорок, национальное испанское блюдо*]

Наш квартал тоже менялся. Не знаю, пояснял ли я, но наш магазинчик находится на не слишком бойкой в смысле торговли улочке. Здесь едва-едва найдется один-два магазина. В нескольких домах от нас есть школа и училище, а в другой стороне – рынок, вот и получается, что мы находимся в самом центре квартала, хотя и умирающего. Я говорю – умирающего, потому что сказать так точнее, нежели говорить, что квартал находится в процессе преобразования, как называют это чинуши в районном муниципалитете, когда приближаются выборы, будто желая этим доказать, что у нас есть будущее, что все это временно, и что живущие здесь проходят через этап перемен к лучшему, хотя по-нашему, скорее, все наоборот. В общем, временное – это то небольшое, что было у меня в наличии во взрослой жизни, а может, это я сам привносил непостоянство в свою жизнь. Я вечно твердил себе, мол, все это на время, пока я не доберусь до постоянного, хорошего, а раз это временное, то не стоит его брать в расчет. Это сродни поездке на пляж в автобусе. Рейсовый автобус становится невыносимым, но это только полпути на дороге к морю, где ты будешь отрываться в свое удовольствие вместе с друзьями, которые ждут тебя там. В моем случае такие друзья – только Хосе Карлос, потому что, как известно, я так и не приехал на пляж с Кориной. Я хочу сказать, что не стану оценивать весь свой отпуск одной неудобной поездкой в туристическом автобусе. Моя жизнь была незначительной как одна из таких поездок, но сон о моем отце подсказал мне: “Ты не можешь провести в автобусе всю жизнь. Вылезай.”

- Конечно, я пойду. Мне очень хочется пойти.

- Как хорошо! Замечательно. Тогда пойдем вместе, если ты не против. Дело в том, что я в квартале почти никого не знаю. Знаешь, мне так стыдно, но хочется пойти хоть одним глазком взглянуть.

Мне тоже хотелось бы взглянуть. Вместе с Эвой. Или с Лаурой.

- Не против... – И рискнул, потому что храбрецы рискуют, – Эва.

- Лаура. Я – Лаура. У тебя лицо в краске.

26. Хамон и шампанское

Висенте!

Ты очень добрый человек. Прости, если мой испанский плохой. Мои дети вот знают его очень хорошо, они поправляли меня, но я не могу просить у них помощи из-за тебя. Я не могу ждать. Я женицина замужем. Я знаю, о чем ты мечтаешь, но у меня есть семья. Время с тобой очень хорошее, потому что ты очень славный человек, который все понимает. Но я не такая хорошая ни с тобой, ни с моей семьей. Я думала. Ты считаешь, что я не думала, ты хочешь ответа и говоришь, что я не отвечаю, но я много подумала все это время. Мне нужна работа, я никогда не найду такую легкую работу, как с тобой. Мне нравилось твое уважение, ты всегда уважал меня. И я хочу уважать тебя. Я научилась этому за время с тобой. Я уважаю тебя, себя и свою семью. Скоро из Байа-Маре приедет моя дочь. И мой маленький сын, о котором я тебе не сказала, тоже. Мне хотелось, чтобы у них было все для учебы в Испании. Образование это очень важно. Учиться, чтобы хорошо жить. Они умные ребята, и я знаю, что они используют свои возможности. Сейчас

все хорошо, и я не могу продолжать работать в магазине. Я хочу, но нельзя. Спасибо тебе и, пожалуйста, прости. Ты говоришь, что не вынес бы положения, как у твоего друга с колесами и его подружкой замужем. Я понимаю. Я тоже не вынесла бы. В другое время я тоже могла бы любить тебя, а сейчас невозможно. Для другой женщины – да. Ты найдешь эту женщину. Ей очень повезет, когда она тебя встретит.

Корина.

Я дал ей работу, потому что меня тронули написанные от руки слова на оторванных от целого листа бумаги четвертушках, и потому что поверил – все написанное правда, ей была нужна работа. Только человек, нуждавшийся в зарплате, мог с безнадежным отчаянием написать синей шариковой ручкой такое объявление. И я не думаю, что в этом случае мной двигала профессиональная деформация человека, покупающего и продающего письменные принадлежности, которые он обожает и в силу личных причин придает им значимость. [прим: профессиональная деформация – психологическая дезориентация личности, формирующаяся из-за постоянного давления внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности и приводящая к формированию специфически-профессионального типа личности] Впрочем нет, полагаю, это тронуло бы любого человека. Побуждение. Мною двигало желание иметь чистую, искреннюю душу, коли представилась возможность, но не как дьяволу. Я ведь не дьявол, и никогда не утащил с собой ни одной души, тем более с моей-то находчивостью и выразительностью. А если бы мне и посчастливилось изловчиться и поймать чью-то душу, я не смог бы улепетнуть с ней как дьявол, потому что мои руки и ноги тряслись бы так, что я оцепенел бы, не сдвинувшись с места. Это она вырвала из меня душу и убежала с ней, неся ее в трех картонных коробках. Но я не мог злиться на нее, и это правда. Теперь я был уверен, что Корина вынужденно оказалась в крайне тяжелых обстоятельствах, что и подстегнуло ее совершить это преступление – украсть канцелярские принадлежности. Но для чего? Чтобы перепродать своим землячкам в Косладе, бывшим соседям или родственникам в Байя-Маре? А может, она украла их для своих детей, о чем вскользь уклончиво намекнула в письме? Да как бы там ни было, это была невелика потеря, страховка возместила бы ее. Огромной потерей было другое – то, что я ничего не смог этому противопоставить, и в особенности то, что существовали люди, вынужденные эмигрировать и делать глупости, чтобы заработать жалкие гроши и выжить.

Тот же самый своеобразный почерк, те же синей ручкой написанные буквы, были теперь перед моими глазами. Я не хотел распечатывать письмо, пока не приду домой. Я боялся его содержания, боялся, что оно слишком сильно расстроит меня, а сегодня нужно было заняться Паркером, семьей, собой. Как бывшего страдальца идея снова наступить на одни и те же грабли, по счастью, меня не привлекала, скорее, даже отталкивала. Я принялся действовать спокойно и хладнокровно. Прежде чем открыть послание, я сел и глубоко вдохнул, стараясь отбросить все следы тревоги и смехотворной тоски к которой я так легко приноровился. Племянники мыли Паркера. Из своей комнаты я слышал их шумные, суматошные голоса и собачьи повизгивания. Паркеру не нравится стоять мокрым, и всякий раз возникает несусветная кутерьма, когда он встряхивается, застав тебя врасплох с губкой в руке. Детей забавляет весь этот кошмар, а мне не хотелось, чтобы Паркер провел еще хоть день, чувствуя запах того злосчастного, гиблого места. Собачья память – это нюх, а осязание шершавой бумаги и синих дешевых чернил – моя.

- Дядя, готово. Иди, посмотри.

Я отложил письмо. Мне всегда нравилось держать в холодильнике бутылочку-другую сидра, и когда дети отмыли Паркера до блеска, я открыл одну, и мы дружно выпили. Несмотря на настойчивые просьбы племянника Мауро, сегодня мы не сыграли в “Монополию”. Было уже поздно, и к тому же у меня имелись собственные планы. Стоя под душем, я тер себя что было сил, пока не отмыл, насколько мог, зеленую краску, чтобы она не слишком выделялась, и приоделся. Когда я одевался, в комнату вошла племянница и стала наблюдать за мной. Что тут поделывать – она же женщина в миниатюре, и ей нравится совать свой любопытный нос во все. У нас в доме не осталось ни единого непереворщенного ею ящика.

- Дядя, когда ты включишь эту музыку? – Амели смотрела на пластинки.

- Завтра, когда захочешь.

- А я хочу сего-о-одня.

- Сегодня я ухожу.

- Ты всегда уходишь!

- А вот и нет, я никогда не ухожу.

- Да-а? А тот день, когда ты ездил в пригород?

Племяшка была права. Как она все помнит, эта малышка. Тот день, когда я поехал выслеживать Корину и увидел, как она выгружает мои коробки, казался мне таким далеким, днем из другого времени. Я не узнавал себя в том страдальце.

- Ты едешь в пригород?

- Нет. Сегодня я иду на праздник. Есть хамон и пить шампанское.

- Вот здорово.

- Да, здорово.

- Поставь мне вот эту, ну только одну-одинешеньку. – Амели указывала на виниловый миньон, тот самый который я ставил пару ночей назад. Посмотрим, как он звучит. Ну давай, поставь, ну, пожа-а-алста... – изо всех сил упрашивала она.

Пора было выходить, но я не мог ей отказать. Амели такая очаровашка – ну вылитый отец, самый обаятельный и привлекательный из всех парней, с которыми связывалась моя сестра.

Игла проигрывателя встала на свою дорожку, и...

Еще одна ночь, когда я не сплю, еще одна ночь, когда я в растерянности...

Крутится виниловый диск, и звучит прекрасная песня.

Весело звучит старый рояль за зеленой дверью, все смеются, а я не знаю, что происходит за зеленой дверью... Я хотел бы быть по другую сторону зеленой двери...

Племяшка танцевала и улыбалась. Как настойчиво предлагал я отцу послушать эту песню в том своем сне, а племяшке, как и мне, нравилась эта песня. Группа “Лос Никис” создала великолепную версию, и она тоже была у меня. Пожалуй, завтра я ее заведу. Я оставил танцующую Амели, поцеловал племянников, маму и, конечно же, Паркера, в его белую шерстистую звездочку. Поджидая лифт, я вдруг вернулся и поцеловал сестру, которая смотрела телевизор, чем поверг ее в небывалое изумление, думаю, в хорошем смысле. [*прим: Los Nicis (1981-1998) – испанская группа, популярная в 80-е гг*]

Чем хорошо гулять в своем квартале, так это тем, что не нужно сидеть за рулем, так что мы хлопнули по третьему бокалу “Кавы” в столь зажигательной атмосфере праздника, когда я снова вспомнил песню, выбранную племянницей: *Я позвонил в дверь, а когда мне ответили, сказал: “Меня сюда позвали”... Смех, и тотчас же меня прогнали... Я не успокоюсь, пока не узнаю, что там, за зеленой дверью... Что там, за этой зеленой дверью?..*

- О чем ты думаешь? – спросила меня Лаура.

- О том, что мне весело.

- Мне тоже.

- О том, что я спокоен и ни о чем не тревожусь.

- И я тоже.

- И о том, Лаура, что я продам магазин.

- Расскажешь мне?

- Конечно. Дело в том, что я буду учиться. Я всегда хотел учиться.

- А что ты хочешь изучать?

- Языки. Филологию, по курсу английского языка, но не здесь, а в Англии. Возможно, в Шотландии, а может, в Великобритании.

- Как мило.

- А потом, может, стану давать уроки. Думаю, мне хотелось бы учить других, и мне кажется, я буду неплохо ладить с ребятами. – Все это я придумал на ходу, но это же самое я и чувствовал. – Знаешь, я куплю себе пижаму, прямо завтра.

Лаура рассмеялась:

- Пижаму?

- Или несколько, – добавил я, – новых. Совершенно новых, с этикетками.

Еще пуще расхохотавшись, Лаура сказала:

- Мне тоже не мешало бы купить себе пижаму или несколько. У меня есть пижамы, но уже замурзанные. Никто не видит, как я сплю... разве что родители.

- Ты живешь с родителями?

- Да, Висенте, да, – на этот раз мое имя не прозвучало странно, – я все еще живу с родителями, но надеюсь когда-нибудь вылететь из гнезда. Скоро, раньше, чем думается.

В ее голосе слышалось некоторое смирение, но в улыбке сквозила ирония. Она могла смеяться над собой. Я ничего не сказал, потому что отлично понимал, о чем она говорила.

- Единственное... – на полуслове Лаура умолкла.

- Что?

- Мне будет жаль, что ты уедешь. – Лаура улыбнулась. Какая она, оказывается, симпатичная. – Ты замечательный сосед, Висенте.

Она снова произнесла мое имя, и снова оно прозвучало неплохо.

- Чересчур, – брякнул я. Лаура не ответила; она избегала смотреть на меня, и я понял, что мое заявление прозвучало некрасиво. – Закажем еще, – поспешно предложил я.

- А не много будет?

- Всё, как ты скажешь. – Мне было совершенно все равно, пить или не пить. Я совсем не волновался.

- Ну хорошо, давай, – уступила она. – По последней.

- По последней или по первой из многих, – выпалил я. Она улыбнулась. Сомнение, промелькнувшее в ее глазах от моего опрометчивого, неуместного замечания, рассеялось. – Знаешь, Лаура, ты великолепная соседка, и я очень рад, что ты привела меня сюда. Не то слово, как рад!

Вскоре я проводил ее до метро и пошел домой. Выгуливая Паркера, я встретился с Хосе Карлосом, который только что посадил Эстер в такси.

- Эй, как жизнь, мачо? Ты меня совсем забыл, – сказал он мне.

Мне нужно было так много рассказать ему, что я даже не знал, с чего начать, и начал с конца.

- Я был с девушкой. На самом деле я довольно давно ее знаю, но не присматривался к ней.

Мы сидели в гостиной Хосе Карлоса и о многом говорили, ведя неторопливую беседу, а Паркер развалился на диване, подмяв под себя подушки, и храпел. Позднее, когда я уже спускался на свой этаж, Хосе Карлос проводил меня до лестничной площадки и спросил:

- Ты помнишь то время, когда нам было семнадцать?

- Конечно, помню.

- В ту пору, Висенте, однажды я понял, что очень скоро все для меня закончится креслом на колесах. И не потому, что мне сказали родители или врачи, ничего подобного. Я догадался. Я видел себя – мое тело менялось, а ноги – нет. Я понял, что они не смогут всегда выдерживать меня, даже скособоченного. Я разглядывал себя в зеркало и не мог врать самому себе.

- Ты ничего мне не сказал.

- Я никому ничего не сказал, Висенте, даже родителям.

- Но почему?

- Тогда вы обращались бы со мной по-другому. Родители и братья волновались бы, переживали бы из-за меня. Точнее, не столько из-за меня, сколько из-за моих страданий.

Все было так, именно так.

- Я понял, что скоро стану инвалидом, и очень тяжело переживал это, а потом наступил момент, и мне принесли то кресло. Оно было громоздким и неудобным, помнишь? Тогда не было ни титановых кресел, ни каких-то других, и я смирился с этим, не знаю точно, как, но я изменился... Знаешь, Висенте, однажды я заметил, что больше всего меня отделяло от вас ваше усилие молчать при мне об инвалидном кресле. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я не знал, что ему ответить. Мой друг участливо и с любовью смотрел на меня, сидя в своем кресле совсем близко от ступенек лестницы, по которой я поднимался и спускался, а он никогда не мог пройти по ней. Не пойми меня превратно, это удивительно, но Хосе Карлос и один отлично со всем справляется. Ему нужна помощь, только если перед ним ступеньки или две машины не оставляют проезда. Тогда он просит тебя помочь, ты помогаешь и снова не думаешь об этом.

- Не давай задний ход, Висенте, слышишь? Не поворачивай назад.

- Не поверну, конечно, нет, – ответил я.

- Но перед тем, как смыться в Англию...

- В Великобританию, – машинально поправил я. – Там есть много хороших университетов в Шотландии.

- Да как бы то ни было, живи там. Только прежде ты должен рассказать кому-то все по порядку с самого начала. Тому, кто тебе очень важен... Насколько я тебя знаю, рассказав обо всем, ты выплеснешь всё из себя и не сойдешь с намеченного пути.

Я посмотрел на Паркера, а он – на меня. Пожалуй, друг был прав. Быть может, я увижу свою жизнь извне, быть может, из окошка самолета...

27. Зеленая дверь

У меня нет ни одного скучного дня. Каждое утро я просыпаюсь в комнатенке шотландского университетского общежития. Она гораздо хуже моей спальни в отчем доме, но я не просыпаюсь уставшим и унылым. Выпадают и тяжелые дни, ведь я никого не знаю, и никто не знает меня. В моей группе ускоренного изучения английского языка, который нужен мне, чтобы начать непосредственно саму учебу, есть несколько азиатов, африканцев и один полоумный, жутко занудный бразилец. Все живут своей жизнью, у них свои собственные компании. Примыкать к испанцам я не собирался, поскольку приехал сюда для познания, а не пить пиво и жарить тортилью с картошкой на спиртовке. Помимо того, что я знаю их в лицо и вижу в столовой, у них другие специализации, и они гораздо

моложе меня. В такие трудные дни я задаюсь вопросом, зачем я приехал сюда, не дурь ли все это, не детский ли каприз, ведь я никогда не перестану быть примерным сыном, как моя сестра никогда не перестанет быть скупой дочерью, которая никогда не уделяет внимания ни нам с мамой, ни своим мужьям, целиком отдаваясь детям. Тогда я стараюсь вспомнить, что сказал себе в последний вечер за прилавком магазина: может, я все еще не знаю, куда дел свою душу, но знаю, где начать ее искать. “Начни оттуда, где заблудился”, – мысленно говорю я себе. Я сажусь в поезд или в автобус и возвращаюсь в свои семнадцать лет. Я еду в Ливерпуль, Манчестер, Шеффилд, Лидс, Лондон, не говоря уж, естественно, об Абингдоне, славном городе группы “Радиохед”, где они, как я полагаю, уже не живут. Я гуляю по улицам этих городов, выпиваю несколько пинт пива и съедаю ужасный мясной рулет в каком-нибудь пабе, слушая какую-нибудь начинающую группу из тех, что еще не прославились, а только ищут свой стиль. Мне нравятся новые группы, в которых парни, подражая другим, хотят казаться самими собой. Потом, воспользовавшись своим студенческим билетом, я засыпаю в первой подвернувшейся общаге, а утром бодрым и цветущим возвращаюсь в свой колледж.

Особенно тяжело по воскресеньям. Немудрено – воскресенья опасны, потому что мало дел, и время тянется дольше, особенно если дождливо (а дожди здесь идут почти всегда), и нельзя гулять. Поскольку я понимаю, что не могу отступать, а сила привычки теперь не может служить мне ни проводником, ни светочем, я пошел в кино, чтобы убить время и привыкнуть к речи. Был обычный день, и чтобы не смотреть какую-нибудь второсортную драму, из которой я все равно половину бы не понял, я пошел смотреть мультфильм – рисунки всегда воспроизводят диалоги, и ты понимаешь смысл. Я сел на свое место, а вскоре места передо мной заняли две матери с двумя девочками. Я пригляделся к ним еще раньше у билетной кассы. Девочки были приблизительно того же возраста, что и племянка Амели, а матери были похожи на мою сестру, только рыжие. Главное, что одна из матерей была абсолютно слепой; ее зеленые глаза ясновидицы были полуприкрыты. Едва они успели сесть, как начался фильм. Каждый фильм подходит к жуткому, леденящему кровь, моменту – и этот мультфильм не исключение. Здесь главная героиня, принцесса, неумышленно превратила свою мать в огромную, свирепую медведицу с ужасными, когтистыми лапами. Девочки испугались, и одна из них, дочка слепой, зажмурилась. Это вполне нормальная реакция, не привлекающая к себе внимания. Девочки совсем маленькие, и страшные моменты этого фильма, который считается детским, производят на них сильное впечатление.

- *I don't want to see it! I don't want to see it!* – испуганно пролепетала девочка, уткнувшись лицом в колени своей слепой матери и стараясь там укрыться. Ее слова означают: “Я не хочу это смотреть! Я не хочу это смотреть!” (такого уровня английского языка я достиг)

- *It's alright, baby, it's quite alright* – ответила мать, что означает: “Ничего, ничего не случилось”. – *You can look. Look now, girl...*

От неожиданности я сильно растерялся – мать, которая не может видеть происходящее, подталкивала свою дочь смотреть фильм дальше. Мать, которой в жизни не доставало кое-чего очень важного, тем не менее, смогла придать дочери уверенность, сказав: “Давай, давай скорее! Сейчас все пройдет. Я тебя жду. Скорее!” Мультфильм закончился, и девчушка была очень рада. Она даже захлопала в ладошки, когда свирепая медведица-мать вернула себе человеческий облик, благодаря отваге дочери-принцессы. Все люди в детстве непосредственны и чистосердечны, а потом, кто знает почему, мы становимся хуже. Наблюдая за тем, как улыбающаяся девчушка выходит из зала, я подумал – не был ли в конечном итоге ее панический страх также и дверью к огромной радости.

Я вернулся в общежитие пешком под непрекращающимся Эдинбургским дождем. Если не считать дождя, это очень милый город. Шагая по Эдинбургу, я думал обо всех этих вещах – не выиграешь ли ты, глядя на что-то, вместо того, чтобы закрывать глаза. Конечно, у меня нет слепой матери, которая сопровождает меня. Я вспомнил Лауру и то, какой прекрасной была та ночь, проведенная с ней, когда мы шутили о пижамах, которые купим. Я чувствовал себя таким беззаботным и независимым, потому что я не боялся. Теперь я это четко понимал и сказал сам себе – хотелось бы мне всегда быть таким веселым, строить планы, придумывать что-то. Мне хотелось бы нырнуть в это приподнятое состояние точно так же, как бросаешься, очертя голову, в бассейн, поначалу боясь холодной воды, а потом – и ничего; точно так же, когда ты ставишь диск, по мере того как голос поет тебе на ухо, а гитара укачивает тебя в такт мелодии, ты чувствуешь жар и глубину. Со всей этой неразберихой со списками, подтверждениями, сбором чемоданов, обменом евро на фунты, я даже не попрощался с Лаурой. Я заглянул в мобильник, там у меня был ее телефон, сохранившийся со времен прихода эксперта и маляра, но я решил, что не стану ей звонить, но не потому, что, как известно, роуминг дорогое удовольствие. Я решил написать ей, но не в Facebook и не по электронной почте, а обычное бумажное письмо, потому что в конечном счете я не придавал значения словам Хосе Карлоса и никому не рассказал об истинных причинах закрытия нашего магазина и моего приезда сюда в то время, как мама была на больничном с несколькими трещинами в костях. Я остался без свидетелей, которые

поймали бы меня на слове. Полагаю, именно это и имел в виду Хосе Карлос. И я все еще не рассматриваю свою жизнь из окошка.

Я зашел в пакистанский магазин и купил очень толстую тетрадь с белейшими мелованными страницами и гелевую ручку из тех, которыми легко писать. Забавно! Я впервые в жизни стою по другую сторону кассы и покупаю тетрадь вместо того, чтобы продавать. Я вспомнил спор за памятным ужином, когда тот взбесивший меня придурок привел пример с гитлеровским архитектором. Как далеко позади осталась та ночь, и теперь я стою здесь, превратившись в одного из моих покупателей, которых я обеспечивал инструментами для полета фантазии. “Нельзя преобразовать то, что прежде не вообразил,” – пришла ко мне на ум мыслишка. Это довод в защиту чтения, фантазерства и всего такого. Это, подобно украшению, выведено позолоченными буквами на полке в учебной библиотеке. Здесь есть немеркнущие фразы выдающихся писателей, и, скажу тебе, они мне нравятся, потому что заставляют тебя почувствовать, что ты не один в этом желанном сумраке, пока я хожу по кругу, ломая голову над тем, куда хочу пристроить душу. Но фраза о воображении сильнее прочих отпечталась в моем мозгу, вероятно, потому, что по словам мамы, я иду по жизни, ища руководство с инструкциями, которым и следую. Конец цитаты. Так или иначе, но это основная формула: представь то, что хочешь, и ищи путь, который приведет тебя к желаемому. Я сторонник строжайшей позологии, потому что, как я говорил, помимо правил я люблю порядок, и знаю, что слова могут все привести в порядок, любую путаницу. [*позология (дозология) – учение о количестве лекарств, которое можно дать больному в один прием*] Не стану скрывать, что много раз по утрам, прежде чем прописать себе дозу воображения или, что то же самое, количество чистых страниц, я пребываю в сомнении, а, открыв тетрадь, боюсь, что слова упорядочивают все только внешне, что их блеск лишь маскирует бессмыслицу моей несвязной, беспредметной жизни, похожей на огромный, пустой автобус, всегда ездивший по кругу через одну и ту же остановку, не имея конечного пути. “Ничего, я только начинаю,” – напоминаю я себе, когда падаю духом в своей попытке измениться, и, возможно, я совершу еще немало ошибок. В общем, помимо своего основного дела – изучения английского языка, я еще представлял себе свою размеренную, упорядоченную жизнь и себя самого в этой жизни, но, совестно признаться, многое из того, что приходило в голову и что я чувствовал, столь ничтожно, что ни в какие ворота не лезет. Я задаюсь вопросом, быть может, рассказав обо всем, признавшись в своем стыде, который есть не что иное как маска страха, я обезврежу страх хоть немного, потому что знаю, что именно он много дней отделял меня от мира. Я поставил перед собой цель – не сдаваться, не успокаиваться до тех пор, пока не доберусь до конца, потому что, возможно, в самом конце моей тетрадки находится зеленая дверь из песни, дверь страха, в которую я должен шагнуть. Зачастую у меня кружится голова и думается, что ничего за этой дверью не будет, только пустота или всё то же самое, но я упорно стою на своем. Возможно, пока я реконструирую прошлое, чтобы сориентироваться, я представлю себе, нарисую в воображении, предугадаю будущее, чтобы жить в нем. Как бы то ни было, а я загляну в это будущее, пусть у меня нет ни Хуана Перро, ни слепой матери, которая скажет мне: “Давай! Лети! Открывай для себя неизведанное!” Я увижу его. У меня есть эта чистая тетрадь. “Лаура, когда я испишу ее, тебе, я знаю, захочется ее прочесть”. И это – главное.